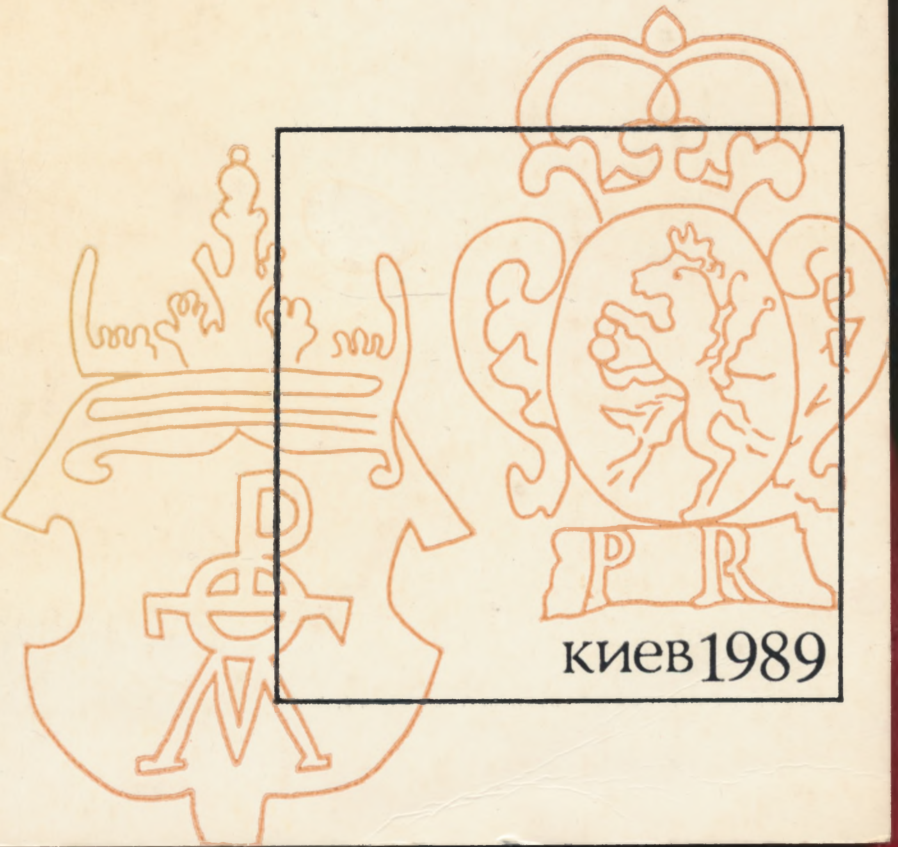
рукописные фонды Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского

киев 1989

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО

рукописные фонды Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского АН УССР

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1989

Рукописные фонды Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского АН УССР Сб. науч. тр. / АН УССР. ЦНБ; Визирь Н.П. (отв. ред.) — Киев Наук. думка, 1989. — 128 с. — ISBN 5-12-000713-9

В сборнике помещены статьи, в которых исследуются памятники славянской письменности и материалы личных архивных фондов отдела рукописей ЦНБ АН УССР. На основании историко-текстологического, лингвистического, кодикологического и источниковедческого изучения анализируются памятники отечественной письменной культуры — Киевские глаголические листки, Пересопницкое евангелие, Изборник Святослава 1073 г., Казанский летописец, решаются многие спорные вопросы их истории с учетом достижений современной науки.

В обзорах материалов личных архивных фондов академиков В.И.Вернадского и Н.Ф.Беляшевского, профессора А.А.Назаревского прослеживается их жизненный путь и научная деятельность, дается подробная информация о составе и содержании фондов, обработанных в последнее время.

Для историков, архивистов, филологов, этнографов, преподавателей и студентов.

Утверждено к печати ученым советом
ЦНБ им. В.И.Вернадского АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор *Т.Н.Телиженко*

Р $\frac{4405000000\text{-}428}{\text{М}221\ (04)\text{-}89}$

ISBN 5-12-000713-9

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый сборник продолжает традицию отдела рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского АН УССР по пропаганде хранящихся в его фондах документальных источников, публикации материалов научных исследований памятников истории и письменности из фондов отдела. Обзоры и статьи подготовлены работниками отдела рукописей и сотрудниками институтов АН УССР.

Анализу сохранившихся в научной библиотеке документальных материалов, освещающих жизнь и многогранную деятельность ученого и мыслителя, организатора и первого президента Украинской Академии наук В.И.Вернадского, посвящена статья Е.М.Апанович "Рукописные материалы В.И.Вернадского в фондах Центральной научной библиотеки АН УССР". Автор дает характеристику важным в научном отношении рукописям ученого по различным проблемам современной науки.

Многообразие, познавательное и научное значение документов архива академика Н.Ф.Беляшевского раскрывает статья А.Г.Адаменко. Материалы фонда характеризуют роль археолога, искусствоведа, этнографа и музееведа в развитии науки и культуры Украины конца XIX - начала XX в.

Обзор документов личного фонда профессора Киевского университета А.А.Назаревского, подготовленный Т.И.Воронковой, раскрывает важный фактический материал о развитии литературоведения на Украине, освещает репертуар древнерусских повестей и творчество многих русских и украинских писателей, представляет богатую переписку фондообразователя со многими выдающимися учеными нашей страны.

Уникальный древнейший памятник славянской письменности X—XI вв. — Киевские глаголические листки — стал предметом комплексного исследования различных дисциплин.

Характеристике, научной оценке, истории открытия, изучения и публикации Киевских глаголических листов посвящена статья одного из ведущих исследователей памятника В.В.Нимчука. Опыт экспертизы, установления подлинности и уточнения датировки Киевских глаголических листков на основе применения оптических методов и методики лазерной масс-спектрометрии освещен в статьях, подготовленных Н.П.Визирем, Г.А.Зыковым, Т.И.Мороз, В.В.Нимчуком, Ю.П.Поповым.

В статье И.Д.Чепиги дается тщательный современный анализ, рассматриваются вопросы истории создания и научного изучения ценнейшего памятника украинского языка — Пересопницкого евангелия.

Л.А.Дубровина в статье "Списки Казанского летописца в отделе рукописей ЦНБ АН УССР" провела палеографическое и кодекологическое исследования восьми списков памятника по истории Русского государства XV—XVI вв. и народов, входящих в его состав, определила значение списков для истории текста.

Исследование в статье В.И.Горобца вопросов развития и видоизменений филиграней на бумаге документальных источников XVIII в. из фондов отдела рукописей позволяет дополнить сведения справочников и описаний водяных знаков.

Значению переписных школ XI в. в Киеве в создании первых рукописных книг, в том числе и такого уникального памятника, как Изборник Святослава 1073 г., посвящена статья И.В.Левочкина "Киевские книгописные мастерские XI в. и Изборник Святослава 1073 г."

Обзоры и статьи сборника отражают новый период в изучении известных памятников истории и культуры, вводят в научный оборот неизвестные или малоизученные материалы личных фондов известных деятелей отечественной науки.

Е.М.Апанович

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В.И.ВЕРНАДСКОГО В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АН УССР

Владимир Иванович Вернадский — создатель ряда новых наук и новых научных направлений: генетической минералогии, геохимии, биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере и ноосфере, один из наиболее выдающихся организаторов науки в нашей стране, глубокий мыслитель — внес огромнейший вклад в отечественную и мировую науку. Отдельные периоды жизни и творчества В.И.Вернадского были связаны с Украиной.

Весной 1917 г. в связи с заболеванием туберкулезом В.И.Вернадский по рекомендации врачей выезжает на Украину. Здесь он как академик Российской Академии наук возглавил организацию Украинской Академии наук. В качестве председателя руководил работой Комиссии по созданию Украинской Академии наук, Комиссии высших учебных заведений и научных учреждений, а также Временным комитетом по основанию библиотеки Украинской Академии наук. В.И.Вернадский был избран первым президентом Украинской Академии наук.

Опубликовано более 400 работ В.И.Вернадского, около 90 работ находятся в рукописи. Среди крупнейших изданных работ классическими являются "Геохимия" и "Биосфера", "Живое вещество", "Опыт описательной минералогии", "Очерки кристаллографии", "Пространство и время в живой и неживой материи", "Научная мысль как планетное явление", "Химическое строение Земли и ее окружения" и др.

Рукописное научное наследие В.И.Вернадского входит в состав большого личного архива ученого (4,5 тыс. ед. хр.), который находится в Архиве Академии наук СССР (Москва). Материалы, связанные с жизнью и деятельностью В.И.Вернадского, имеются в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

В Центральной научной библиотеке Академии наук Украинской ССР хранятся небольшой личный архив ученого, сложившийся во время его пребывания на Украине, а также отдельные архивные материалы, отражающие его научную и научно-организационную деятельность этого периода.

В тяжелых и сложных условиях гражданской войны В.И.Вернадский стремился довести до конца свою книгу о "Живом веществе", которую он начал создавать весной 1916 г. в с.Шишаки возле Полтавы и продолжал писать в Полтаве и Киеве в 1918—1919 гг. Выезжая из Киева в конце 1919 г. по делам Украинской Академии наук, личный архив вместе с книгами и вещами В.И.Вернадский оставил здесь. Возвратиться в Киев он уже не смог в связи с обострением военных дей-

ствий на фронтах гражданской войны. В своем дневнике он записал 24 ноября 1919 г.: "Впереди столько мыслей, столько новых достижений! И так ясен путь дальнейшей работы. Я хочу работать — рукописи остались в Киеве — над обработкой темы, над "Автотрофным человечеством" — последней главой "Живого вещества" Она едва набросана и над нею можно работать независимо от рукописи. Если бы даже рукописи и пропали — работа моей мысли не пропала. И она сама по себе составляет кое-что целое и живое. И сказывается не только во мне, но и в окружающем"[1] Находясь в Крыму в 1920 — начале 1921 г., В.И.Вернадский написал новый вариант книги "Живое вещество"[2]

Возвратившись в 1921 г. в Петроград, В.И.Вернадский обратился в Украинскую Академию наук, к ее непременному секретарю А.Е.Крымскому, с просьбой переслать ему оставшееся имущество, прежде всего рукописи.

Сохранился реестр отправленных В.И.Вернадскому рукописей, составленный 4 марта 1921 г. А.Е.Крымским. В нем значатся тексты курса по геохимии (9 лекций — 266 страниц); рукописи книги "Живое вещество в земной коре и его геохимическое значение", работы о распределении химических элементов в земной коре, выписки, заметки, библиографические списки и др. Архив АН СССР (далее — ААН). — Ф.518, оп. 4, д. 100, л. 90—91 об.

23 апреля 1921 г. В.И.Вернадский в письме из Петрограда сообщил А.Е.Крымскому о получении рукописей, но просил прислать и оставшиеся: "Я получил все мои рукописи, только нет литографированного 1-го тома моей минералогии (М., 1910) с моими записками и памятками. Если возможно, пришлите — может и другие рукописи и старые номера газет, которые сохраняются в моем шкафу или в столе" (Центральная библиотека Академии наук Украинской ССР, отдел рукописей, ф. 206, 209. (Далее указываются только фонд и номер дела.)

11 мая 1921 г он повторил свою просьбу и предложил, чтобы его рукописи, книги и вещи передали вместе с метеоритом, присланным ранее В.И.Вернадскому для Российской Академии наук, за которым специально приехал научный сотрудник Геологического и Минералогического музея Академии — Л.А.Кулик. "Если это возможно, — писал В.И.Вернадский, — и если Л.А.Кулик возьмет это на себя — отдайте ему и все мои рукописи, книги, газеты и другое имущество, которое он сможет забрать с собой" (I, 22767). Пересылкой В.И.Вернадскому его рукописей и вещей занимался президент Украинской Академии наук В.И.Липский. Последняя посылка пришла в Ленинград в ноябре 1926 г. после возвращения ученого из длительной зарубежной командировки.

Нужно думать, что вместе с материалами личного архива находились оригиналы и копии официальных документов, связанных с науч-

---

[1] Кабинет-музей В.И.Вернадского при Институте геохимии и химических проблем им. В.И.Вернадского АН СССР (Москва) (Далее — Кабинет-музей). — № 1154. — б. — Л.59/30.

[2] При публикации этого труда в 1978 г. издатели использовали оба варианта.

но-организационной деятельностью первого президента Украинской Академии наук. Он хотел их возвратить. Но этот вопрос возник только через много лет в связи с приближавшимся 25-летним юбилеем Академии наук Украинской ССР. В.И.Вернадский сообщал в письме из эвакуации Б.И.Чернышеву (Боровое, 16 июня 1943 г.) : "В июле или в начале августа собираюсь в Москву и тогда передам все документы, которые были присланы мне Липским с моими бумагами и вещами"[3]. Очевидно, документы так и не были переданы, поскольку и в настоящее время в состав фонда В.И.Вернадского Архива АН СССР входят оригиналы и копии документов Комиссии по основанию Украинской Академии наук, Комиссии высших учебных заведений и научных учреждений на Украине, копии протоколов Общего собрания Украинской Академии наук, а также другие документы, связанные с научно-организационной деятельностью В.И.Вернадского в 1919 г.

Однако и ему не были отправлены все его рукописи, поскольку они были размещены в нескольких местах и какая-то часть их не была своевременно обнаружена. Впоследствии оставшиеся на Украине материалы попали в Центральную научную библиотеку АН УССР, в отдел рукописей, и в настоящее время входят в состав фонда I под номерами 26823-27085, а также фонда 260 (ед. хр. 758). Они составляют очень небольшую часть огромного творческого наследия ученого, но научное значение их велико. Материалы включают три отдельные работы ученого, а также заметки, черновые наброски, выписки, тезисы, конспекты, библиографические списки и другие материалы, связанные с его научным творчеством. Здесь же находится дневник, который вел В.И.Вернадский на Украине в 1918 г., письма к нему большого числа корреспондентов, адресованные в Полтаву и Киев, а также некоторые научные материалы предшествующих лет, которые, очевидно, он взял с собой на Украину.

Выдающееся значение принадлежит оригинальной работе В.И.Вернадского "Об участии живого вещества в создании почв" (ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, I, 26854), неизвестной науке до ее публикации в 1984 г. В конце текста, состоящего из 40 страниц ученической тетради, имеется отметка автора о месте и времени ее написания — "1919 г., Староселье", т.е. Старосельская (Днепровская) биологическая станция под Киевом.

В этом труде В.И.Вернадский высказал и обосновал идеи, опередившие науку на многие десятилетия. Изучив функциональную роль и другие формы воздействия живого вещества на почвообразовательные процессы, ученый раскрыл значение биогеохимического круговорота в почвах. Он рассматривает такую фундаментальную проблему современного почвоведения, как концентрационная и распылительная функции живого вещества в отношении химических элементов почвы. Гениальная

---

[3] ААН. — Ф. 518, оп. 2, д. 59, л. 10.

идея об органогенном парагенезисе, высказанная в этой работе никогда не была повторена ученым в последующих его трудах[4]

Вторая большая работа В.И.Вернадского — рукопись-автограф (I, 26836, 45 л.) посвящена рассмотрению проблемы геохимического равновесия в биосфере. Она не имеет авторского названия, в ней утрачены первые листы и представляет собой незавершенный черновой рабочий вариант, который В.И.Вернадский, очевидно, предполагал усовершенствовать в дальнейшем. Об этом свидетельствуют встречающиеся в тексте авторские пометки в скобках — "необходимо выяснить", "развить", "подумать", "примеры", а также местами тезисный характер изложения, авторские вопросы в скобках после некоторых обобщений. Отдельные части текста вошли впоследствии в его книгу "Очерки химии".

Рукопись, хотя и осталась на подготовительной стадии, позволяет проникнуть в творческую лабораторию ученого. Работа относится к началу формирования у В.И.Вернадского его представление о круговороте вещества в биосфере и земной коре, когда он стремился привести в систему явления концентрации, рассеяния, движения химических элементов.[5]

Третья работа в виде рукописи-автографа В.И.Вернадского носит название "Академия наук 1824—1889 годов" (I, 26835). Ученому в 1914 г. было поручено подготовить для второго тома издаваемых Петербургской Академией наук материалов исторический очерк об Академии в период 1889—1914 годов. Однако В.И.Вернадский вышел за эти хронологические рамки и намеривался создать исследования по истории Академии наук за все время ее существования (1724—1914 гг.). Планируемый 2-й том материалов так и не был издан. В.И.Вернадский успел написать первую ("Академия наук и первое столетие своей истории")[6] и вторую ("Академия наук 1824—1889 годов")[7] главы своего исторического очерка. Первая глава в виде корректурного оттиска хранится в Кабинете-музее В.И.Вернадского, вторая — попала на Украину.

Массив подготовительных научных материалов В.И.Вернадского (I, 26823-I, 26879) отражает в какой-то мере ход его творческого процесса в развитии идей геохимии и разработке учения о живом веществе, становлении созданной им науки — биогеохимии. Отдельные заметки,

4 Работа В.И.Вернадского "Об участии живого вещества в создании почв" частично опубликована в журнале "Наука и жизнь" (1984, № 1), а полностью в кн.: *Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М.* В.И.Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. — Киев Наук. думка, 1984. — С. 130—151; То же. — 2-е изд., доп. — Киев : Наук. думка, 1988.— С. 186—243.

5 Работа В.И.Вернадского "О геохимическом равновесии биосферы" опубликована в кн.: *Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И.Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. — С. 214—243.

6 Опубликована в кн.: В.И.Вернадский. Труды по истории науки в России. — М. Наука, 1988. — С. 204—238.

7 Там же. — С. 238—249.

наброски, записи как бы поднимают завесу над его творческой лабораторией, показывают, как мыслил и работал ученый.

К истокам замысла о создании книги о живом веществе ведут первые рабочие наброски на узких блокнотных листах, чаще тезисного характера, девяти глав (II, III, V, VII, VIII, X, XI–XIII) будущей монографии, относящиеся, очевидно, в 1916 г., когда в Шишаках В.И.Вернадский пережил один из наиболее мощных творческих подъемов, а его отдельные биогеохимические идеи и мысли стали оформляться в систему на фоне истории планеты Земля (I, 26860, л. 1–24; I, 26846, л. 1–2).

Заметки Вернадского (I, 26836 – I, 26849; I, 36853 – I, 26876) различного объема – от абзаца до нескольких страниц представляют собой записи размышлений, наблюдений, обдумывания прочитанного, мыслей и идей, которые в дальнейшем иногда получали развитие в последующих его работах. В них затрагивались вопросы о различиях и границе между живой и мертвой материей, живом веществе и минералах, о постоянстве количества живого вещества, возможности существования особой жизненной энергии, о соотношениях количества населения и обрабатываемых производительных земель, о пределе роста посевных площадей, влияниях степных крупных животных на растительность, о температурных барьерах развития живого вещества, экологической емкости биосферы, расселении микроскопического мира, об увеличении человеческим творчеством богатств второй искусственной природы и др.

О проведении ученым экспериментальных исследований по изучению живого вещества в 1919 г. в Киеве находим сведения в нескольких разрозненных черновых лабораторных записях (I, 26857; I, 26862; I, 26872 в "Отчете по работам, произведенным в Академии наук по исследованию живого вещества" (I, 26871; 14 с.), а также в предварительной программе экспериментального исследования биогеохимической роли вида и пространства как ресурса (I, 26865) и в плане предполагаемого (биогеохимического) исследования разлива Днепра под Киевом в 1919 г." (I, 26874).

В десяти единицах хранения (I, 26842 – I, 26849; I, 26837 – I, 26839) собраны его библиографические записи, которые в ряде случаев сочетаются с отдельными заметками, определяющими круг вопросов или кратко фиксирующими наблюдения и мысли ученого, возникающие у него при чтении упоминаемой литературы. Библиографические материалы разнообразны по форме: листки из школьных тетрадей и блокнота, просто клочки бумаги, чаще исписанные узкие полоски. Известна методика работы В.И.Вернадского, который использовал для научного творчества, по его собственным словам любые "свободные кусочки времени". Поэтому, возвращаясь с прогулок, экспедиций, заседаний, работы в лаборатории, ученый выгружал из карманов листки различного формата.

В библиографических записях, в которых преобладает литература на иностранных языках (В.И.Вернадский владел более чем 20 языками), перечисляются названия работ по химии, геохимии, геологии, географии, биологии, экономике, минералогии, зоологии, ботанике и др., в частности список литературы по геологии Сибири, перечень литературы о гипсе и янтаре, о химических смесях, о биографии и творчестве М.В.Ломоносова и др. Упоминается историческая и филологическая литература. Хотя большинство библиографического материала не систематизировано, он несомненно представляет интерес для исследователей, особенно если учесть колоссальную уникальную эрудицию В.И.Вернадского.

Даже его выписки из научной литературы,, где русский язык перемежается с другими европейскими языками, заслуживают внимания, поскольку они сопровождаются соображениями, оценками, комментариями ученого. Например, делая выписки из работ К.Э.фон Бэра, В.И.Вернадский дает характеристику его воззрениям (I, 26864).

В 1919 г. В.И.Вернадский сделал выписку из работы Ветгема "Современное развитие физики"[8], свидетельствующую, что еще в начале нашего века ученые считали абсолютно немыслимым то, что сейчас стало реальной угрозой — уничтожение всей современной цивилизации в результате атомной войны.

Ветгем пишет: "Профессор Резерфорд в шутку передал автору этой книги тревожную мысль, что, если бы возможно было открыть надлежащий детонатор, то можно было бы вызвать волну взрыва атомического разложения во всем веществе, которое произвело бы превращение всей массы нашего земного шара и оставило бы от него только клуб гелия. Такое умозрение, разумеется, есть только кошмарная греза научного воображения, но оно хорошо показывает безграничную даль мысли, открытую получением радиоактивности".

В.И.Вернадский думал иначе. Его справедливо считают основателем радиогеологии в нашей стране, с его именем связаны первые работы по использованию атома в мирных целях. Но он же и предостерегал человечество об опасности самоистребления. В 1922 г., когда даже физики не верили в создание атомного оружия, ученый писал: "Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?".

В ЦНБ АН УССР хранится дневник Вернадского за 1918 г. (ф. 260, ед. хр. 768). Это один из фрагментов того дневника, который ученый вел почти 70 лет, хотя и с значительными перерывами и не всегда регулярно.

В.И.Вернадский, определяя для себя значение ведения дневника, записал 26 сентября 1890 г. "Пытаться схватить отражение известных

---

[8] *Ветгем.* Современное развитие физики / Пер. с англ. под. ред. Б.Ветиберга и П.Орбинского. — Одесса, 1908. — С. 236.

событий на окружающих и в ряде отдельных мыслей, набрасывать отражение их на своей личности не для "копания в своей душе", а для того, чтобы делать "наброски тех фактов, с которыми приходится сталкиваться, того дела, которое видишь кругом и в котором сам принимаешь участие". Позже, 24 августа 1893 г., он фиксирует для себя наблюдение, что записи в дневнике "помогают мысль яснее и точнее определять" и служат одновременно для автора сокровищницей воспоминаний: "вспоминаешь, перечитывая много старое — и мысли, и впечатления, и лица". Ведение дневника, по мнению ученого, выходило за рамки личных интересов, а имело и семейное и даже родовое значение: "Я хочу, чтобы дневник имел и семейное значение, чтобы сын шел по тому пути, по которому я иду, шел мой отец и дед"[9]

В 1920 г. В.И.Вернадский уже совершенно четко оценивает дневник как исторический источник:: "Хочется записывать и в то же время нет времени и энергии. А между тем сознаешь ценность таких записей, если они не погибнут в пылу событий, как погиб у меня материал студенческих лет, сожженный в 1887—1888 годах"[10]. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Вернадский вспоминал о том, что значительная часть его архивов погибла в Шишиках и Вернадовке (небольшое имение отца в Моршанском уезде Тамбовской губ.).

Приблизительно с середины 30-х годов ученый собирает материал и обдумывает книгу мемуарного характера — "Пережитое и передуманное". В.И.Вернадский прожил большую жизнь, был современником, свидетелем и участником больших исторических событий, встречался с множеством людей, в том числе и выдающимися, оставившими след в науке, культуре, истории, видел много стран. Накопленное духовное богатство он хотел отдать людям. На подготовку книги он смотрел как на научную работу, полагаясь не только на свою память, а прежде всего на документы, в том числе на материалы личного архива, отводя большое место дневнику, а также свидетельству очевидцев[11]

Именно такое понимание В.И.Вернадским целей и задач ведения дневниковых записей определили особенный, уникальный характер его дневника, в котором раскрывается внутренний мир ученого, процесс научного творчества, субъективная сторона научно-организационной, общественно-политической деятельности, общечеловеческие и культурные интересы, освещаются научные и личные контакты, оценка людей, событий, явлений, отдельные факты биографии, отражается эпоха.

Записи В.И.Вернадского в дневнике 1918 г., хранящегося в отделе рукописей ЦНБ АН УССР, освещают напряженное научное творчество и позволяют реконструировать ход написания фундаментального труда о роли живого вещества в истории Земли ("Живое вещество"), а так-

---

9 Страницы автобиографии В.И.Вернадского. — М.: Наука, 1981. — С. 6.

10 Там же.

11 Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. — М. Наука, 1982. — С.363, 381.

же круг литературы, прочитанной им во время пребывания в Полтаве и Киеве. В дневнике ученый систематически отмечал дни, когда он обдумывал и писал свой труд о живом веществе. Он несколько раз отмечает, что работа над живым веществом полностью им овладела: "все поглощает мысль о живом веществе..., писать могу только о живом веществе". И хотя иногда он сомневался в своих возможностях осуществить столь грандиозный замысел, все же поднимался до осознания того, что в таком виде и объеме природу еще никто не рассматривал и что он дает новое понимание природы. В дневнике отражены этапы написания труда: "Работал очень хорошо над живым веществом". Такие записи перемежаются с сетованиями, что научно-организационная работа в некоторые дни не оставляет времени для творчества. 28 марта он фиксировал, что рукопись достигла 430 страниц и что "общий скелет работы все двигается". 31 марта: "Вчера весь остов окончен. Но это только черновой набросок, который требует огромного труда".

В ряде случаев В.И.Вернадский фиксировал и те идеи, над которыми он в данный момент работал. Например, 12 марта 1918 г., утром, он записал: "Для меня ясна стала жизнь мельчайшая на скалах, как бы аккумуляторах ее из атмосферы после дождей. Здесь идет размножение и рост целой невидимой флоры, посредника между атмосферой и газосферой. А затем вопрос о зарождении жизни — формальная, но, по существу, научно правильная аналогия с переходом из одного физического состояния в другое. Для меня все яснее извечность жизни и столь же **новое** (жизненная сила ?), как радиоактивные явления и т.п. Сегодня с утра мысль о геологической истории кислорода $\rightleftarrows$ углекислоты. И новое выясняется в связи с моей обработкой в опыте".

В ходе работы над живым веществом он прочитал большое количество литературы, особенно по общей биологии и ее отдельным проблемам. В дневнике он скрупулезно записывал, что именно читал в данный день. Следуя своей давней привычке еще со студенческих лет, он одновременно всегда читал по несколько книг, не удовлетворяясь только специальными работами по естественным наукам. Его научные, культурные и духовные интересы были широки, читал он и исторические работы, художественную литературу. Например, в Полтаве ученый перечитал произведения Достоевского в четырехтомном издании. Запись в дневнике размышлений В.И.Вернадского о Ф.М.Достоевском, оценка, данная им произведениям писателя, представляет большой интерес для характеристики общественных и философских взглядов, литературных вкусов ученого.

Дневник свидетельствует, что В.И.Вернадский сочетал в Полтаве творческую работу высокого накала с исследованиями на Полтавском опытном поле, научными экспедициями и научными занятиями в Полтавском естественно-историческом музее, с которым был связан со дня

его основания, а также научно-популяризаторской деятельностью: читал лекции, доклады, организовал Полтавское общество любителей природы.

Киевский период в дневнике В.И.Вернадского также может дать исследователю некоторую информацию о работе руководимых им комиссий.

Неповторимыми, уникальными являются дневниковые записи о личных встречах В.И.Вернадского с учеными, которых он в той или иной форме привлекал к работе по организации Украинской Академии наук.

В.И.Вернадский фиксировал темы и сюжеты своих бесед. В круг обсуждаемых вопросов входило определение структуры, направления и содержания работы отделов будущей Академии наук, создание физического, геодезического, зоологического, экспериментально-медицинского и других научных институтов, антропологического, этнографического, других музеев и т.д. Как правило, В.И.Вернадский проявлял интерес к научной работе собеседника. "Заходил В.Н.Чирвинский, — записывал ученый в дневнике, — которого я не застал как-то в Политехническом... Его работа о составе осадочных пород Киева интересна, но он не знает новых работ Кларка. О его работах для Комиссии производительных сил. Одну получил и доставил" ("Фосфориты Украины").

Освещая в дневнике свои встречи и разговоры в ходе подготовки организации Украинской Академии наук, В.И.Вернадский иногда записывал свои впечатления о личности собеседника. Например, Г.Н.Высоцкого В.И.Вернадский характеризовал так: "Высоцкий — талантливый русский натуралист с огромным чувством живой природы. Почти все его работы носят печать оригинальности и самобытности; много тонкого наблюдения природы.Это любопытный пример ученого, пошедшего вне академической работы и к ней приходящего лишь поздно в жизни".

Однако многие стороны той колоссальной многоаспектной и многообразной работы, которую проводил лично В.И.Вернадский по организации Украинской Академии наук и ее отдельных учреждений, решения им научно-теоретических и научно-организационных проблем, вплоть до мелких процедурных вопросов, нашли отражение не только в дневнике, но и в других материалах.

Значительную часть общего объема личного архива В.И.Вернадского составляют письма к нему за 1917—1919 гг. (I, 26880—I,27066).

Особенный интерес представляют корреспонденции, отправленные с разных концов страны учеными, специалистами, которые, выполняя задания Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), проводили минералогические экспедиции и радиогеологические поиски и исследования радиоактивных руд, грязей и вод, не прекращая работы даже в тяжелых и сложных условиях гражданской войны.

Отчеты о результатах изысканий и сообщения о находках они направляли В.И.Вернадскому, который и в период своей деятельности на Украине оставался председателем КЕПС и руководителем радиогеологических изысканий. Один из геологов, сообщая Вернадскому о наличии месторождений урановой смоляной руды в Томской и Кубанской областях, писал: "Обращаюсь к Вам, в руках которого сосредоточено все дело исследования радиоактивных материалов" (I,26921). Из писем Е.С.Бурксера, будущего члена-корреспондента АН УССР, научного сподвижника В.И.Вернадского в течение нескольких десятилетий, будущего председателя Украинского метеоритного комитета и создателя аэрохимии, вырисовывается картина радиологической работы на Украине в годы гражданской войны. Импульс этой работе был дан В.И.Вернадским еще в Петрограде. Летом 1918 г. Е.С.Бурксер писал из Одессы: "Несмотря на то, что радиологическая лаборатория работала нерегулярно, несмотря на все случайные затруднения (отсутствие материалов, газа, электричества и т.п.), определяется содержание Ra в полученных через Вас в Петрограде минералах и рудах". В следующем письме Бурксер информировал Вернадского, что "в настоящее время работу эту продолжаем в отношении лечебных грязей" (I, 26902–I,26903).

Из КЕПСа (Петрограда) В.И.Вернадскому шла информация о ходе работы и направляли тексты годового и финансового отчетов, просили санкции на замещение должностей, направляли ему корректуры подготовленных к печати трудов Комиссии. Ее ученый секретарь Б.А.Линденер, прося разрешения опубликовать выпуск о торфе, писал: "Хотя редакционный совет признал такой выпуск желательным, но без Вашего согласия его не утверждал" (I,26955–I,26987).

Писали Вернадскому и как президенту Украинской Академии наук деятели науки, культуры, техники, представляя свои соображения, проекты, докладные записки (I, 26925–I, 26930).

В фондах ЦНБ АН УССР имеются документы о В.И.Вернадском, которые не входят в группу материалов, составляющих киевский личный архив ученого.

Важным источником для изучения деятельности первого президента Украинской Академии наук В.И.Вернадского являются оригиналы протоколов и приложенные к ним документы ее Общего собрания ("Спільного зібрання"), регулярные, почти еженедельные заседания которого в 1919 г. проходили большей частью под председательством В.И.Вернадского. Им подписано 25 протоколов. Однако ряд протоколов, хотя и не подписаны президентом (головою-президентом), но их содержание свидетельствует о его присутствии на данных заседаниях.

Протоколы Общего собрания входят в состав фонда № 1: I,26117–I,26133; I,26154–I,26157; I,26166; I,26185; I,26199; I,26209; I, 26307; I,26351; I,26393. Первое заседание академиков 27 ноября 1918 г. (протокол № 1) избрало головою-президентом В.И.Вернадско-

го, вице-президентом — Д.И.Багалея, непременным секретарем — А.Е.Крымского и ознаменовало собой создание Украинской Академии наук. Протокол заседания Общего собрания 12 февраля 1919 г. зафиксировал доклад В.И.Вернадского и А.Е.Крымского о приеме их народным комиссаром просвещения В.П.Затонским, результатом которого была самая широкая и полная поддержка и помощь со стороны органов Советской власти Украинской Академии наук, что обеспечило реальные условия для ее деятельности (I, 26128).

Протоколы Общего собрания дают возможность воссоздать картину непосредственного участия В.И.Вернадского в деятельности этого высшего руководящего органа Украинской Академии наук, который занимался организацией академической научной работы и ее внутренней жизни. Первый президент активно, инициативно и действенно принимал участие в формировании структуры Академии, создании ее трех отделов, установлении в них кафедр, организации Института технической механики, Института демографии, Ботанического сада, Акклиматизационного сада, а также различных многочисленных комиссий, в частности Комиссии по изучению природных богатств Украины, которую он возглавил и деятельность которой координировал с работой КЕПСа. В.И.Вернадскому принадлежала ведущая роль в определении направления, характера, содержания и даже методики работы отделов Академии и ее научных учреждений, а также в привлечении лучших научных сил Украины и России для работы в Украинской Академии наук, в избрании ее академиков и комплектовании учреждений научными кадрами.

Протоколы Общего собрания также отразили участие В.И.Вернадского в той работе, которую проводила Академия наук по охране памятников природы, истории и культуры. Президенту Украинской Академии наук принадлежит заслуга сохранения целостности киевской частной коллекции чешуекрылых, которая считалась одной из лучших в Европе. Энергично и незамедлительно действовал он, спасая библиотеку, лабораторию, физическую аппаратуру, произведения искусства, принадлежащие сахарному заводу Симиренко.

В.И.Вернадский участвовал и в осуществлении мер, которые предприняло Общее собрание по охране исторического и архитектурного памятника XVIII в. — здания Киев-Могилянской академии (I, 26141; I, 25156; I, 26138).

Даже сухие строки протоколов оказывают эмоциональный, глубоко заинтересованный характер выступлений В.И.Вернадского на заседаниях Общего собрания. Его выступления всегда отличались принципиальностью и гражданственностью позиции, научным подходом, широтой взгляда, проникновением в самую суть проблемы и охватом ее мельчайших деталей, антибюрократическим духом.

Два протокола 1926 и 1928 гг. отразили дальнейшие связи В.И.Вернадского с Украиной, когда он работал в Академии наук СССР, оставался членом Академии наук УССР (I, 26351; I, 26393).

Отдельные документы, имеющие отношение к В.И.Вернадскому, выявлены в других фондах отдела рукописей ЦНБ АН УССР, в частности в фонде X – Академия наук УССР. В протоколах Первого общего совещания естественников Украины (лето 1918 г.), председателем заседаний которого неоднократно избирался Вернадский, зафиксированы два его выступления с докладами:: "Об организации Украинской Академии наук" и "Объединение и организация естествоиспытателей Украины". Протоколы конспективно, однако относительно подробно, передают на русском и украинском языках содержание докладов В.И.Вернадского, а также тексты постановления совещания украинских естественников по этим докладам (X, 157–200; X, 31838).

Деятельность В.И.Вернадского по созданию первой советской научной библиотеки на Украине нашла достаточно полное и подробное освещение в протоколах Временного комитета по основанию Библиотеки Украинской Академии наук, который возглавлял ее первый президент. Протоколы составляют единицу хранения № 1 собственно архива Центральной научной библиотеки АН УССР, создателем которой был В.И.Вернадский. В 1919 г. было проведено 79 заседаний, на большей части которых присутствовал, председательствуя, В.И.Вернадский. Ему принадлежала ведущая роль в разработке устава, которым определялись направленность и основные принципы деятельности библиотеки, ее организация и структура. В.И.Вернадский не только руководил Временным комитетом, он непосредственно принимал участие в практической работе библиотеки, организовывал выезды сотрудников для спасения и вывоза библиотек из имений бежавших помещиков и буржуазии, добивался от Наркомпроса, губисполкомов и губревкомов передачи национализированных и реквизированных библиотек и архивов, в том числе ликвидированных революцией царских учреждений и учебных заведений, книг из складов и т.д. Председатель комитета, наряду с его членами, лично занимался просмотром, изучением и оценкой книжных и рукописных собраний, закупаемых у деятелей науки и культуры, а также приобретал раритетные издания у букинистов. Заботясь о широком и полноценном обеспечении литературой раздела Украинки, В.И.Вернадский был инициатором комплектования библиотечных фондов русской и иностранной литературой.

Протоколы, зафиксировавшие ход обсуждения различных вопросов на заседаниях Временного Комитета, показывают, насколько глубоко его председатель входил во все детали работы библиотеки, начиная от теоретических библиотечных проблем и кончая техническими правилами (система записи книг и составления карточек и др.), а также решая организационные, кадровые и финансово-хозяйственные вопросы, лично занимаясь хлопотами о помещении для библиотеки.

Особую ценность представляют письма — автографы В.И.Вернадского к А.Е.Крымскому[12]

В.И.Вернадский и А.Е.Крымский были знакомы с 1904 г., а с 1910 г. их связывали дружеские отношения. В отделе рукописей ЦНБ АН УССР хранится 12 писем В.И.Вернадского к А.Е.Крымскому за 1918—1927 гг. Эти письма входят в состав личного архива Крымского (ф. 26), в фонд I, куда включена часть архива Крымского (I,22762—22773), а также в число приложений к протоколам Общего собрания Украинской Академии наук (I, 26199, 26208, 26209).

В письмах за 1918 г., направленных в Москву и Звенигородку, В.И.Вернадский приглашал А.Е.Крымского принять участие в организации, а затем и в работе Украинской Академии наук. (I, 22760, 22762, 45632).

Письма 1920 и начала 1921 г. связаны с вопросом о возобновлении В.И.Вернадским президентских обязанностей. Общее Собрание, лично А.Е.Крымский настойчиво приглашали В.И.Вернадского вернуться на Украину и стать во главе Украинской Академии наук. В.И.Вернадский вначале писал, что не оправившись после тяжелого заболевания тифом, он не может ехать в условиях расстроенного железнодорожного транспорта, а затем, считая в то же время главной задачей своей жизни завершение книги о живом веществе, ученый принимает решение о возвращении в Петроград, поскольку в Киеве нет необходимых книг. Однако в официальном заявлении он говорит о своем желании не порывать с Украинской Академией наук, дорогой и близкой "его" духовному настрою и высказывает готовность выполнять поручения Академии (эти письма написаны на украинском языке) (I, 22766, 22767, 26199, 26209).

Последующие письма В.И.Вернадского к А.Е.Крымскому из Ленинграда, Москвы, Парижа убедительно подтверждают, что В.И.Вернадский очень ценил свое звание академика Академии наук Украинской ССР и всегда стремился поддерживать с нею научные связи, отправлял в АН УССР и отдельным украинским ученым свои работы, предлагал выступить посредником в установлении украинско-французских научных и книгообменных связей. Неизменным был его живой интерес к научным достижениям Академии наук УССР, работе Центральной научной библиотеки, к жизни и труду народа в Украинской Советской Социалистической Республике (I, 22768, 22769, 22771)

---

12 А.Е.Крымский (1871—1942) — выдающийся украинский ученый, востоковед, исследователь украинской литературы и языка, поэт, академик АН УССР (с 1919 г.), преподаватель Лазаревского института восточных языков в Москве, он был ближайшим соратником Вернадского в деле организации Украинской Академии наук, до 1928 г. — ее непременный секретарь. В 1971 г. по решению ЮНЕСКО столетие со дня рождения А.Е.Крымского отмечалось во всем мире.

А.Г.Адаменко

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО АРХИВА Н.Ф.БЕЛЯШЕВСКОГО (1867–1926)

В 1987 г. исполнилось 120 лет со дня рождения украинского советского археолога, этнографа, искусствоведа и музееведа, академика АН УССР (с 1919 г.) Николая Федотовича Беляшевского.

Н.Ф.Беляшевский родился 12 октября (ст. стиля) 1867 г. в г.Умань Киевской губернии (ныне — Черкасская обл.). Когда ему еще не исполнилось 5 лет, умирает мать — Мария Тимофеевна. Сложились тяжелые условия жизни для отца, учителя духовной школы, оставшегося с тремя малыми детьми. В 1873–1874 гг. семья переезжает в Киев, где в 1876 по 1885 г. Н.Ф.Беляшевский учится во второй Киевской гимназии (ед. хр.8, с. 1). В год окончания гимназии умирает отец — Федот Иванович, забота о младших братьях полностью ложится на Николая Беляшевского.

В 1887–1891 гг. Беляшевский учится в Киевском университете на юридическом факультете, выпускные экзамены сдает в Новороссийском университете (Одесса). Параллельно с учебой на основном факультете Н.Ф.Беляшевский посещает лекции историка и археолога В.Б.Антоновича по теме "Русские древности" и искусствоведа А.В.Прахова по "Античному искусству".

По окончании университета в 1891 г. он получает звание "кандидата на судебные должности" и работает по этой специальности только 6 месяцев.

Испытывая потребность в углублении знаний по археологии, Н.Ф.Беляшевский осенью 1892 г. переезжает в Москву. Там он поступает вольным слушателем природоведческого факультета Московского университета и на службу в Архив Министерства юстиции, директором которого был Д.Я.Самоквасов, археолог и историк русского права.

Имея рекомендацию украинского фольклориста Ивана Яковлевича Рудченко, он получает приглашение на должность заведующего архивом бывшего финансового управления Царства Польского при Варшавской казенной палате. Работает в этой должности с 1894 по 1898 г.

Располагая сведениями о наличии огромного количества памятников древностей на Волыни, Н.Ф.Беляшевский предлагает Федору Рудольфовичу Штейнгелю заложить в Городке музей, посвященный Волынской губернии (ед. хр.8). Созданный по инициативе и при непосредственном участии Н.Ф.Беляшевского музей в Городке располагал довольно ценными памятниками истории и культуры. Просуществовал он с ноября 1896 по 1915 г.[1]

[1] См.: *Беляшевский Н.Ф.* Отчет Городецкого музея Волынской губернии барона Ф.Р.Штейнгеля за первый год с 1-го ноября 1896 по 1-е ноября 1898 г.— Варшава, 1988. — VII, 60 с.

Возвратившись в Киев (1898 г.), Н.Ф.Беляшевский занимает должность библиотекаря в открывшемся Политехническом институте (ед. хр. 180—183). Он возобновляет сотрудничество в редакции журнала "Киевская старина" и создает там специальный отдел "Археологическая летопись Южной России" (АЛЮР), который просуществовал с января 1899 по декабрь 1901 г. Сбор материала для совершенно нового отдела был весьма трудоемким делом, поэтому Н.Ф.Беляшевский в 1-м выпуске писал: "Выпуская в свет 1-й том "АЛЮР", считаю долгом принести искреннюю благодарность лицам, доставившим материал для "Летописи", а также оказавшим мне материальную и нравственную поддержку при ее издании (декабрь 1899 г.)". С 1903 по 1905 г. он, являясь организатором и редактором, выпускает журнал "Археологическая летопись Южной России", сохраняет за ним название введенного им отдела при журнале "Киевская старина". Это было первое археологическое периодическое издание в то время. На страницах журнала ставились актуальные научные проблемы археологии[2], публиковались рефераты различных обществ, сообщались сведения о новых находках памятников материальной и духовной культуры.

19 февраля 1902 г. Правление "Общества любителей древностей и искусств", по инициативе которого было построено здание Киевского художественно-промышленного и научного музея (1897—1900), избирает Н.Ф.Беляшевского его директором.

В 1919 г., после Октябрьской революции, Н.Ф.Беляшевский был избран академиком АН УССР по кафедре украинской археологии (ф.1, ед. хр. 26145). Оставаясь директором уже Киевского исторического музея (до 1923 г.), Н.Ф.Беляшевский принимает активное участие в создании и становлении Украинской академии наук как член Комитета по охране памятников истории (ф.1, ед. хр. 26157), председатель археологического комитета (ф.1, ед. хр. 26198), член Ревизионной комиссии по проверке работы Музея искусств при АН УССР (ф. 1, ед. хр. 26303). Н.Ф.Беляшевский продолжал археологические исследования, в частности, на Киевщине (ф. 1, ед. хр. 26224) и в последние годы жизни.

Умер Н.Ф.Беляшевский 21 апреля 1926 г.

Архив Н.Ф.Беляшевского находился в семье его сына около 40 лет и, к большому сожалению, не сохранился в полном объеме. Часть материалов, главным образом работы ученого, погибла, а часть была вывезена за пределы Советского Союза во время немецкой оккупации. В послевоенное время некоторые документы личного и служебного характера наследники передали в Киевский государственный исторический музей, в становлении и развитии которого Николай Федотович Беляшевский сыграл огромную роль[3] В те же годы ими были переданы в

---

[2] *Беляшевский Н.* Ближайшие задачи археологии Юга России // АЛЮР. — 1903. — № 1. — С. 1—5.

[3] Киевский государственный исторический музей. Шифры: РД 3925—3935; ЛД 1050—1053.

Институт литературы АН УССР им. Т.Г.Шевченко[4] письма Комитета по сооружению памятника Шевченко в Киеве и частная переписка бывших владельцев автографов и произведений живописи Т.Г.Шевченко[5]

Остальная часть архива ученого поступила в отдел рукописей ЦНБ АН УССР от сына, доктора технических наук Николая Николаевича Беляшевского 10 мая 1962 г. Обработан архив в 1970—1971 гг., содержит 2706 ед. хр., крайние даты материалов 1866—1925 гг., фонд № XXXI.

Архив состоит из небольшого количества биографических материалов, научных статей и заметок ученого, официальной и частной переписки.

В фонде нет полного списка работ Н.Ф.Беляшевского, по-видимому, он не сохранился. Имеется только "Реєстр праць" из 65 названий по археологии, славянским древностям, княжеской эпохе, украинской старине, народному искусству, этнографии, нумизматике, о музеях и др. В конце "Реєстра" указано, что "окрім зазначених (робіт) М.Ф.Біляшевському належать усі дрібні замітки і бібліографії, підписані Б.; Н.Б.; М.Княжич; М.Б.; М.; М.Горянський, і не підписані, які було вміщено в "Археологической летописи" за рр. 1899, 1900, 1901, 1903, 1904 і 1905 числом приблизно до 200" (ед. хр. 42). В статье о Н.Ф.Беляшевском называется около 300 работ, принадлежащих перу ученого[6] Надо полагать, что эти сведения более точны, так как автор пользовался первоисточником до реставрации его в последующие годы наследниками.

Научная деятельность Н.Ф.Беляшевского фактически началась еще в гимназические годы, когда он, проявляя большой интерес к историческим древностям, собирал нумизматическую коллекцию, посещал музей при Киевском университете и музей при Киевской духовной академии (ед. хр. 8).

Он знакомится с знатоком древностей, профессором истории украинской литературы, в будущем — академиком АН УССР, Николаем Ивановичем Петровым, устанавливает контакты с кружком нумизматов, в котором состояли историки, археологи и искусствоведы. В 1887 г. Н.Ф.Беляшевский участвует в археологической экспедиции на Сквирщине возле с.Ягнятин под руководством проф. В.Б.Антоновича, выступает со статьями по археологии на страницах журнала "Киевская старина". На основе собраний нумизматической коллекции и накопленных знаний с 1887 г. он приступил к написанию монографической работы,

---

[4] Институт литературы АН УССР им. Т.Г.Шевченко. Отдел рукописей, ф. 146, № 1—95.

[5] См. подробнее: *Бородін В.С.* З нових додаткових надходжень про долю літературної та образотворчої спадщини Шевченка на початку XX ст. (З арх. М.Ф.Біляшевського) // Зб. пр. ювіл. XIII шевченк. конф.— К. : Наук. думка, 1965. — С. 307—336.

[6] *Багалій Д.І.* Записка про наукові праці М.Т.Біляшевського // Зап. іст.-філол. відділу. — К., 1926. — Кн. 9. — С. 1—10.

которая была издана в 1889 г. под названием "Монетные клады Киевской губернии"[7] Эта работа является фактической информацией о всех кладах Киева и Киевщины. По мнению специалистов, она не утратила интереса и в наши дни. В архиве имеется только часть подготовленных материалов к ней: аннотированные выписки из печатной работы С.Шодуара "Обозрение русских денег и иностранных валют, употребляемых в России с древних времен", т.1. 1837–1841 гг. (ед. хр. 43) и И.И.Толстого "Древнейшие монеты великого княжества Киевского", 1882 г. (ед. хр. 44). Н.Ф.Беляшевский эти выписки озаглавил: "Монеты великого княжества Киевского".

В студенческие годы Н.Ф.Беляшевский собирает археологическую коллекцию, проводит исследования над дюнными стоянками каменного века возле Киева[8] В результате экскурсии летом 1890 г. на правом берегу Днепра возле устья р.Рось в с.Пекари он находит у крестьян много древностей периода каменного века, происходящие из городища Княжа Гора возле Канева (ед. хр.8, с. 23). Это обстоятельство послужило толчком к организации раскопок на городище, финансирование которых осуществлял известный собиратель украинских древностей В.В.Тарновский (ед. хр. 300). О результатах раскопок древнерусского городища он публикует несколько статей в журнале "Киевская старина"[9] и других изданиях. В 1893 г. на заседании Московского археологического общества ученый сделал сообщение на тему: "Мастерская каменного века на Княжей горе". Находки подтверждали летописные сведения о наличии на городище города Родня времен Киевской Руси. В архиве сохранился черновой план раскопок территории "Княжей горы" (ед. хр. 49).

Из работ ученого по археологии, которые были подготовлены на основе результатов его полевых изысканий, в архиве отложилось несколько статей и заметок: "Данные археологических раскопок на территории Звенигородского уезда" 10–12 августа 1898 г. и приложение к нему — зарисовка раскопок в с. Сушках Золотоношского уезда (ед. хр. 45); "Характеристика данных стоянки Надбужанского неолита" (ед. хр. 47). Эта статья была опубликована как доклад Н.Ф.Беляшевского на XI археологическом съезде под названием: "Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Западного Буга в среднем его течении"[10] Съезд был посвящен главным образом изучению памятников старины Волыни.

---

7 *Беляшевский Н.Ф.* Монетные клады Киевской губернии. — Киев, 1889. — С. 148.

8 *Беляшевский Н.Ф.* Первобытный человек на берегах реки Днепра вблизи г.Киева // Киевская старина. — 1890. — № 4. — С. 1–21.

9 *Беляшевский Н.Ф.* Раскопки на Княжей горе в 1891 г.// Там же. — 1893. — № 1. — С. 61–104; *его же.* Раскопки на Княжей горе в 1892 г. // Там же. — 1893. — № 4. — С. 134–142.

10 Труды XI археологического съезда в Киеве. — М., 1901. — Т. 1. — С. 673-713.

Имеется заметка по результатам "Раскопок курганов близ дер. Высокий горб Лубенского уезда", производимых в 1903—1904 гг. (ед. хр. 48). Н.Ф.Беляшевским собраны интересные сведения для статьи "Международные знаки для карт и изданий по палеонтологии" и краткой истории создания специальной международной комиссии для выработки этих знаков, в состав которой от России входил Р.Лерх (ед. хр. 46).

Сохранилось несколько работ последних лет жизни ученого. Это статьи: "Досліди на городищі біля с.Борисівки Липецького р-ну" (ед. хр. 50)[11] и предисловие к книге В.Л.Модзалевского "Гути на Чернігівщині". Последнее готовилось в 1925 г. к пятилетию со дня смерти В.Л.Модзалевского. Черновик текста предисловия хранится в архиве (ед. хр. 54), в котором Н.Ф.Белящевский, говоря о важности издания памятников украинского искусства и проявлении интереса украинского народа к своему искусству, утверждает, что только в конце XIX в. оценена эта область искусства, которая имеет наименование "народного" или "крестьянского", что она удовлетворяет потребностям народа, она живет и ее надо беречь. Книга В.Л.Модзалевского вышла в свет в 1926 г., в ней указано имя Н.Ф.Беляшевского как редактора и автора предисловия.

В архиве сохранился написанный еще в юношеские годы маленький рассказ "Лампадка" (ед. хр. 52) о безысходно тяжелом положении матери и ее опустившегося сына. Автор ретроспективно показывает благополучие семьи в прошлом и глубокое одиночество и нужду под конец жизни. Из обращения автора к читателю — "помогите чем кто может", можно предполагать, что в рассказе описан конкретный жизненный факт. Н.Ф.Беляшевский описал жизнь бедной матери с чувством большой теплоты, доброты и сочувствия. Следует отметить, что эти чувства были присущи Н.Ф.Беляшевскому в течение всей его жизни.

Из публицистики Н.Ф.Беляшевского имеется статья "Самі собі господа (з поля українського мистецтва)" (ед. хр. 53), которая была опубликована под названием "Сталося". В ней идет речь о результатах четвертого именного конкурса проектов памятников Т.Г.Шевченко. Н.Ф.Беляшевский выражает негодование по поводу действий Объединенного комитета по сооружению памятника Т.Г.Шевченко, признавшего проект скульптора Шиортино. Очень резкую оценку дает он работе Шиортино, считая его ремесленником, который "не сможет вложить в свое творение духа Шевченко".

В группе биографических и служебных материалов есть копия свидетельства о рождении Н.Ф.Беляшевского, неполная его автобиография, фотокопии удостоверений о занимаемой должности директо-

---

[11] См. публикацию: *Біляшевський М.Т.* Досліди на Городищі біля с.Борисівка Липецького району на Київщині // Коротке звідомлення ВУАН за 1925 р. — Київ, 1926. — С. 67—71; *Біляшівський М.Т.* Борисівське городище // Трипільська культура на Україні. — К., 1926. — Вип. 1. — С. 1—17.

ра Художественно-промышленного и научного музея, документы о деятельности уполномоченного Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского союза городов Н.Беляшевского, о назначении его комиссаром по охране памятников церковной и светской старины и искусства (1917 г.), членом Комитета охраны памятников искусств и старины, заведующим этнографической секцией ВУКОПИСа отдела искусств, удостоверение действительного члена АН УССР и др. (ед. хр. 8—40).

Огромная общественная деятельность как специалиста музееведа и искусствоведа прослеживается по материалам официальной переписки.

Корреспондентами Н.Ф.Беляшевского выступают научные общества, членом которых он был избран, учебные заведения, городские управы, Художественно-промышленная выставка и выставка картин Союза художников, предварительные комитеты по устройству IX—XI археологических съездов и других организаций, в работе которых Н.Ф.Беляшевский принимал непосредственное участие (ед. хр. 69—374).

Научные общества приглашали его прочесть рефераты или выслать свои издания, присылали программы заседаний, где предполагалось заслушать доклад ученого. В одной из программ Киевского общества древностей и искусства указан его доклад на тему "Браслет великокняжеской эпохи с изображением скоморошных игр" (ед. хр. 127).

Музеи (городские и при учебных заведениях) постоянно обращались за советами по методике их организации, а также по оказанию им помощи экспонатами, которые в избытке имелись в его распоряжении. Большую помощь Н.Ф.Беляшевский оказал Полтавскому музею: непосредственно на месте составлял план экспозиции ряда отделов, помогал разрешать конфликтные вопросы, возникавшие между Полтавским музеем и Городской управой (ед. хр. 387—409). Продолжал уделять внимание музею в Городке, на Волыни при организации там Подвижного музея учебных пособий (ед. хр. 375, с. 11).

Проблемы, которые поднимались и решались авторами официальных писем почти полностью совпадают с характером вопросов, излагаемых в частной переписке. Среди писем этой группы имеются авторские копии писем Н.Ф.Беляшевского, отправленных В.И.Гошкевичу, В.Н.Перетцу, Ф.Р.Штейнгелю и др. (ед. хр. 375, с. 1—38).

Авторами частных писем Н.Ф.Беляшевскому были уполномоченные музея по сбору памятников, археологи, историки, художники, искусствоведы, работники музеев, коллекционеры и др.

Историк и археолог В.Е.Данилевич (ед. хр. 907—932) писал, что "археологические открытия последних лет на территории Киева и Киевской губернии значительно подняли интерес к археологии в местной публике. Исследования показали, "что почва нашего края очень богата драгоценными памятниками седой старины, ожидающими еще систематического научного исследования", что "Южная Россия изобилует рукописями и документальными материалами", большая часть которых

еще не изучена за отсутствием достаточного числа научно подготовленных исследователей". Высказывается мысль о настоятельной необходимости учредить по примеру Москвы и Петербурга Археологический институт в Киеве.

Один из уполномоченных Художественно-промышленного и научного музея в течение 1905–1914 гг. Георгий Семенович Александрович писал, что "собирание материалов все труднее и труднее..." и что исторические предметы главным образом сосредоточены у священников. Например, он сообщает: "В с.Белоусовке у священника Виталия Шероцкого я нашел следующие предметы: 1) автограф Шевченко, 2) очень редкий старинный ковер. Мне известно, что священник с.Кузьминец о. Иоанн Лисицкий имеет шейный козацкий крест. Крест медный, в середине его есть отверстие с дверцей. Туда насыпали козаки родной земли, чтобы в случае смерти умирать на родной, горячо любимой земле, которую они постоянно защищали в своих честных и далеких походах" (ед. хр. 430–441).

Археологи информировали Н.Ф.Беляшевского о своих находках, иногда предлагали некоторые памятники материальной культуры передать в музей для пополнения экспозиции. Это А.А.Бобринский, В.Б.Антонович (ед. хр. 479–481), К.В.Болсуновский (ед. хр. 603–607, 639–648) и многие др.

Художники братья Бенуа Ал.Н. и Альб.Н., Н.Г.Бурачек, Н.И.Мурашко (ед. хр. 1477–1479), А.Г.Сластион (ед. хр. 1717–1729), А.В.Щусев (ед. хр. 2231–2234) вели переписку по вопросам организации художественных выставок и участии в них, о продаже картин, о разных аспектах деятельности музея, которым руководил Н.Ф.Беляшевский.

В архиве хранится благодарственное письмо Ольги Кобылянской на визитной карточке Н.Ф.Беляшевскому такого содержания: "Сердечну подяку висказую в. поважному д-ю Миколі Біляшівському за вислане мені в тяжкім бурливім часі, запомогу в квоті 200 карбов. Спаси бог! З глибоким поважанням. Чернівці 1/8. 1916. О.К." (ед. хр. 1143).

Это был не единственный случай оказания помощи людям в трудную минуту, он часто оказывал помощь крестьянам с.Пекари Каневского уезда (ед. хр. 96), художнику Михайлу Жуку (ед. хр. 1043).

Архив академика Н.Ф.Беляшевского содержит интересные документы по истории археологической науки на Украине, музееведению и истории украинского народного искусства.

Т.И.Воронкова

АРХИВ АЛЕКСАНДРА АДРИАНОВИЧА НАЗАРЕВСКОГО (1887–1977)

Свыше 60 лет продолжалась плодотворная деятельность на ниве филологической науки и просвещения профессора Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко, украинского советского литературоведа Александра Адриановича Назаревского.

Среднее образование Александр Адрианович получил в Уманской гимназии, которую окончил в 1906 г. с золотой медалью.

В 1906 г. он поступил в Киевский университет на историко-филологический факультет, где специализировался в области древней русской литературы под руководством проф. В.Н.Перетца, работая в его Семинарии русской филологии.

По окончании курса в 1910 г. А.А.Назаревский был оставлен при университете для подготовки к научно-педагогической деятельности. Весной 1914 г. после сдачи магистерских экзаменов его утверждают в звании приват-доцента, а в 1919 г. доцента Киевского университета, где он читал почти в течение 60 лет различные курсы древнерусской и украинской литературы.

Параллельно с научной и педагогической работой в университете он читает литературу на Высших женских курсах – 1917–1921 гг., с 1928 по 1956 г. работает в системе Академии наук УССР: с 1 января 1928 до 1934 г. Александр Адрианович состоял научным сотрудником Комиссии древней украинской литературы; с 1934 по 1937 г. – научным сотрудником Всенародной библиотеки Украины (ныне Центральная научная библиотека АН УССР); с 1938 по 1956 г. – включен в число научных сотрудников Отдела рукописей Института литературы им. Т.Г.Шевченко АН УССР, где работал главным образом над академическим изданием сочинений Шевченко. Здесь в 1940 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Древняя украинская повесть и вопросы ее изучения" и получил ученую степень кандидата филологических наук и ученое звание старшего научного сотрудника.

В 1962 г. А.А.Назаревский был утвержден профессором Киевского университета. В 1970 г. Александр Адрианович выходит на пенсию, однако продолжает (в качестве преподавателя с почасовой оплатой) руководить работами аспирантов. В течение ряда лет начиная с 1968 по 1971 г. Александр Адрианович подготавливал и частями передавал свой архив в отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, с которым был связан многие годы как штатный научный сотрудник, как исследователь, использовавший фонды отдела в своих научных работах и в педагогической работе при проведении архивной и рукописной практики студентов Киевского университета. В связи

с продолжительной болезнью, а затем смертью Александра Адриановича передача материалов архива была прервана.

В составе переданных им материалов находились в основном творческие рукописи и переписка. Они были обработаны в 1978 г., сформированы и описаны 1578 ед. хр., ф. № 78.

В 1984 г. наследники передали часть архива, в состав которого входили биографические материалы, творческие рукописи, переписка, фотографии. В 1985 г. из этой группы материалов было сформировано и описано 573 ед. хр. В настоящее время фонд насчитывает 2152 ед. хр. Каждая часть фонда систематизирована самостоятельно по схеме — биографические материалы, творческие материалы, переписка, изобразительные материалы. Хронологические рамки материалов архива конец XIX — 70-е гг. XX в.

Биографические материалы А.А.Назаревского, представленные в фонде, немногочисленны (биографическая справка — ед. хр. 1579, удостоверения доцента, профессора Киевского университета — ед. хр. 1582, воспоминания о школьных годах, студенческие конспекты, отчеты, программы занятий — ед. хр. 1—7 и др.).

А.А.Назаревский родился в 1887 г. в г. Златополь (ныне Новомиргород) Кировоградской области. "Мой дед Захарий, — писал Александр Адрианович, — уроженец бывшей Киевской губернии, был крепостным помещиков Лопухиных, владевших местечком Златополь. После 1861 г. он прописался в мещане. Отец мой был учителем гимназии" (ед. хр. 319, л.1).

В своем заключительном слове на юбилейном вечере в Киевском университете, посвященном его 80-летию, юбиляр сказал (ед. хр.1589, л. 1—1 об.): "Моя жизнь сложилась очень просто и моя биография укладывается в немногие строки "Личного листка по учету кадров"... Всю жизнь прожил в одном городе — Киеве и работал, в основном, только в двух учреждениях — в Университете (больше), в Академии наук (меньше)". "Вся моя сознательная жизнь связана с родным мне Киевским университетом: в нем я учился, в нем готовился к научной и педагогической деятельности, наконец, в нем стал учить других и вести научную работу" (ед. хр. 1592, л. 1).

Все годы учебы в университете ближайшим наставником и руководителем Александра Адриановича был проф. В.Н.Перетц. Бережно хранились в архиве конспекты занятий по польскому, сербскому, древнецерковнославянскому, русскому, сербохорватскому языкам, программы экзамена на степень магистра русского языка и словесности, составленные А.А.Назаревским и с замечаниями В.Н.Перетца (ед. хр. 1—6).

Отчет о занятиях профессорского стипендиата за 1911—1912 гг. позволяет судить об исключительной добросовестности в изучении специальных дисциплин и успехах в самостоятельной научной работе (ед. хр. 7, л. 1).

"Мои занятия распределились на 3 следующие отдела:

1. Занятия древнецерковнославянским и русским языками.

2. Изучение древнерусской повести и ее судеб (кончая XVII в.).

3. Занятия во время поездок в гг. Житомир, Петербург и Воронеж, самостоятельные работы в области русской литературы и языка, их печатание.

В истекшем году мною были написаны:

1. Рецензия на курс палеографии проф. Брандта: печатается в "Известиях общества русского языка и словесности".

2. Заметка "К истории легенды о происхождении картофеля", напечатано в Русском филологическом вестнике 1911, кн. 3—4.

3. Статья "Из истории старой русской повести "Сказание о молодце и девице" и "Повесть о старом муже и молодой девице".

Наконец, предметом моих занятий в истекшем году были просмотр и печатание в Киевских университетских известиях моего конкурсного сочинения "Язык евангелия 1581 г. в переводе В.Негалевского".

Дипломная работа А.А.Назаревского была удостоена золотой медали Киевского университета.

В отзыве (ед. хр. 7, лл. 58—59) об отчете А.А.Назаревского проф. В.Н.Перетц дает высокую оценку его занятиям: "Назаревский пробовал свои силы в самостоятельных опытах исследования. Таковы его статьи, читанные в моем Семинарии, "К истории легенды о происхождении картофеля" и приготовленные к печати две статьи о "Сказании о молодце и девице" и о "Повести о старом муже и молодой девице"... Принимая во внимание ясную для каждого тщательность, трудолюбие, иногда остроумие автора, можно с уверенностью сказать, что в лице начинающего автора наука приобретает полезного работника, и при этом который, имея тяготение и вкус к вопросам философским и к истории новой русской литературы (имею ввиду его напечатанную в 1910 г. работу "Гоголь и искусство"), умеет работать на "черном дворе" науки, над источниками зачастую не всегда доступными".

Рост и становление молодого ученого проходили в Семинарии русской филологии, организованного проф. В.Н.Перетцом осенью 1907 г. Это был своеобразный научный кружок, который впоследствии приобрел широкую известность. В него входили студенты, аспиранты университета и слушательницы Высших женских курсов.

А.А.Назаревский вспоминает (ед. хр. 219, л. 2): "Собирался он [Семинарий] в квартире В.Н. [Перетца] еженедельно, иногда и чаще, причем тематика докладов (в пределах древней русской и украинской литературы, отчасти языка, фольклора, вопросов поэтики) была очень разнообразна... В.Н. организовывал ежегодные экскурсии в Петербург, Москву и другие города, где находились мало обследованные собрания рукописей. Участники экскурсий не раз выступали со своими докладами в научных обществах обеих столиц... Отчеты об экскурсиях, о ре-

зультатах занятий и самого руководителя и его учеников печатались в Киевских университетских известиях ... и в других научных изданиях".

В работе проявился огромный организаторский талант В.Н.Перетца. Из его Семинария вышла блестящая плеяда молодых ученых, впоследствии ведущих отечественных филологов: В.Н.Адрианова-Перетц, Н.К.Гудзий, С.И.Маслов, В.И.Маслов, С.А.Щеглова, С.А.Богуславский, М.Я.Калинович, Б.А.Ларин, М.О.Скрипиль и др.

Говоря об огромном влиянии Семинария на становление его как ученого, А.А.Назаревский пишет (ед. хр. 219, л. 1–1 об.):

"На одном из первых собраний Семинария осенью 1907 г. я читал свой первый "настоящий" доклад – "Исследования текста" ,,,Серьезная работа над этим докладом вызвала у меня не только интерес, но и настоящий "вкус" к текстологической работе, что сказалось в дальнейшем, – и в моем участии в академических изданиях сочинений Гоголя и Шевченко, и в статьях о "Забытом автографе Пушкина" и в недавней статье о "Задонщине" в связи с опытами реконструкции ее текста в ряде работ последнего десятилетия".

Первая печатная работа, подготовленная А.А.Назаревским в Семинарии, "Исследование текста" появилась в 1907 г. в приложении к монографическому курсу лекций "Введение в изучение русской литературы" проф. В.Н.Перетца.

В "Списке печатных работ" А.А.Назаревского (ед. хр. 1593) насчитывается свыше 100 научных работ. Среди них главное место занимают исследования и издания по истории русской и украинской литературы древнего и нового времени. К древнему периоду относятся работы по исследованию апокрифических сказаний, изучению восточнославянской повествовательной литературы и составлению библиографических обзоров по древней повести. В архиве сохраняются рукописи и оттиски многих его работ: "К истории легенды о происхождении картофеля" (ед. хр. 106), напечатанной в Варшаве в 1911 г.; "Повесть об Акире Премудром в исследованиях Григорьева" (Киев, 1915 г.) (ед. хр. 57); "К истории русской народной сказки. Сказка о Рахе разбойнике" (Киев, 1919) (ед. хр. 106); "Из истории русской старинной повести" (Киев, 1912 г.) (ед. хр. 1596); "Давня східнослав'янська повість в радянському літературознавстві" (К., 1947) (ед. хр. 90); "До вивчання давньої повісті в українській літературі" (К., 1958) (ед. хр. 91) и др.

В направлении изучения древней повести особенно ценными являются его капитальные библиографические обзоры "Повістевий репертуар київських рукописних збірок" (1929), "Повістевий репертуар рукописних фондів Бібліотеки Академії наук УРСР" 1934–1935 (ед. хр. 1577), "Давня східнослов'янська повість в радянському літературознавстві (1917–1947)" (ед. хр. 90).

Член-корреспондент АН УССР С.И.Маслов в отзыве о работе А.А.Назаревского "Замітки і матеріали з бібліографії давньої східнослов'ян-

ської повісті" дает высокую оценку работам Александра Адриановича этого жанра: "Профессор Назаревский А.А. является крупнейшим в СССР знатоком древнерусской и древнеукраинской повествовательной литературы. Полагаю, что опубликованием "Заметок и материалов" проф. Назаревского издательство АН УССР окажет большую услугу разработке русского и украинского литературоведения" (ед. хр. 110, л. 1).

А.А.Назаревского интересовала проблема взаимосвязей древней литературы и фольклора. Этой теме была посвящена его статья "К истории русской народной сказки", опубликованная в 1919 г., а в 1963 г. выходит в свет его книга "Из истории русско-украинских литературных связей. Старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором".

В работе анализируется цикл устных народных сказаний и книжных легенд.

На основе неизвестных ранее русских тесктов книжной легенды о Касьяне (XVI—XVIII вв.) рассматривается вопрос о ее первоначальном составе, времени и месте возникновения. Кроме того, в работе использованы неопубликованные послереволюционные украинские записи народных преданий о "Касьяновом дне" (29 февраля). На сравнительном изучении русских, украинских и белорусских сказаний автор убедительно говорит об общности культур братских народов.

В архиве хранятся рукопись статьи (ед. хр. 95), материалы к ней, которые А.А.Назаревский начал собирать еще в 1927 г. (ед. хр. 99—103). В архиве хранятся и рукописи двух других статей этого жанра, опубликованные в 1963 и 1967 гг. "К истории русско-украинских связей. Народные поверья о 29 феврале в украинских послереволюционных записях" (ед. хр. 94), "К истории русско-украинских литературных связей" (ед. хр. 98).

В рецензии на эту статью Г.К.Сидоренко отмечает: "Статья проф. Назаревского А.А. посвящена несколько забытому вопросу украинской и русской фольклористики — изложению и характеристике народных легенд, почвой для которых послужило наличие "необыкновенного" дня календаря, для высокосного года 29 февраля — "Касьянова дня" (ед. хр. 116, л.1).

А.А.Назаревский был признанным авторитетом в исследовании памятника древнерусской письменности "Слова о полку Игореве". В архиве — рукописи его статей, в которых рассматриваются вопросы авторства "Слова", исследуются "темные места" текста — "До тлумачення деяких так званих "темних місць" у тексті "Слова о полку Ігоревім", 1952 г. (ед. хр. 92); "Вопросы жанровой природы "Слова о полку Игореве", 1952 г. (ед. хр. 85); "Следы "Слова о полку Игореве" в древнерусской литературе", 1963 г. (ед. хр. 86).

В архиве находятся две рецензии на его статью "О жанровой природе "Слова о полку Игореве" членов-корреспондентов АН УССР С.И.Мас-

лова и П.Н.Попова (ед. хр. 113, 114), в которых высоко оценена работа А.А.Назаревского.

"Статья, — отмечает П.Н.Попов, — посвящена одному из актуальных вопросов поэтики "Слова о полку Игореве" — о жанровой природе "Слова" Вопрос этот приобретает особенную актуальность ввиду неправильного его разрешения профессором Ленинградского университета И.П.Ереминым, который в 1944 и 1950 гг. дважды пытался доказать в печатных статьях, что "Слово" по жанровой его природе есть ораторское произведение. К сожалению, ни первая, ни вторая попытки И.П.Еремина отнести истоки "Слова" не к народным массам, не к народному творчеству, а к творчеству аристократических верхов, к тому же идущему в основном из Византии, не встретили надлежащего отпора со стороны советских ученых... А.А.Назаревский в своей фундаментальной статье совершенно правильно доказывает, что попытки И.П.Еремина не имеют научного основания, игнорируют подлинную литературно-художественную специфику "Слова" Статья его заполняет важный пробел в литературе "Слова" и будет полезна во всесоюзном масштабе"

Академик М.П.Алексеев в своем письме А.А.Назаревскому от 10 февраля 1966 г. писал: "Нашел у себя "Вісник Київського університету" с Вашей статьей о "Следах о полку Игореве" в древнерусской литературе" Статью Вашу проглотил немедленно и очень ей рад!

Действительно, скептиков и отрицателей "Слова" появилось ныне слишком много. Надо думать, что до Вас дошел только что красиво напечатанный Мазоном от имени Institute d'etudes Slaves трактат некого М.Успенского о "Слове" — полуграмотное сочинение, за которое полвека тому назад всякий гимназист получил бы двойку... А теперь это переводится на французский язык и выдается за вершину русской науки. Нечего и говорить, как кстати появилась Ваша статья и как следовало бы ее популяризировать во всех очагах скептицизма" (ед. хр. 424, л. 1).

В письме от 23 мая 1955 г. М.П.Алексеев пишет: (ед. хр. 416, л. 1): "Спасибо Вам большое за Вашу статью о "Жанровой природе "Слова о полку Игореве"". Я прочел ее с большим удовольствием, в частности потому, что она отвечает полностью и моим воззрениям на этот предмет. Еще слушая в Саратове первый доклад И.П.Еремина на эту тему, я возражал докладчику довольно сердито... По-моему, давно уже пора было поднять голос против этой теории, построенной на песке, не имевшей успех, и я очень рад, что Вы это, наконец, сделали, — спокойно, во всеоружии, как следовало".

К истории литературы XVIII—XIX вв. относятся работы А.А.Назаревского, посвященные изучению литературного наследия Пушкина, Гоголя, Капниста, Шевченко и др.

Вопросами гоголеведения он начал заниматься еще в студенческие годы. В 1910 г. появилась его первая работа "Гоголь и искусство"

(ед. хр. 106). В 1934 г. А.А.Назаревский, будучи сотрудником Отдела рукописей библиотеки Академии наук, приступил к глубокому изучению хранящихся там материалов, связанных с жизнью и творчеством великого писателя. К ним относятся материалы огромного семейного архива Гоголей-Яновских, поступившего в библиотеку от наследников младшей сестры Н.В.Гоголя, Ольги Васильевны Головни. Результатом многолетней работы над архивом явилась подготовленная им обзорная статья "Из архива Головни", опубликованная в 1936 г. в издании Института русской литературы АН СССР. В фонде А.А.Назаревского сберегаются материалы к статье, переписка с Институтом по вопросу ее публикации (ед. хр. 121, 138—220). Особую ценность для гоголеведов представляет архив Нежинской гимназии высших наук, в которой в 1821—1828 гг. учился Н.В.Гоголь. Часть этого архива поступила в 1934 г. в Отдел рукописей библиотеки Академии наук УССР. Среди рукописей собрания особую ценность представляют 78 автографов Н.В.Гоголя — его художественные произведения и письма к М.А.Максимовичу, первому ректору Киевского университета, и к Н.Я.Прокоповичу, другу школьных лет. Изучение этой части архива позволило ему написать статью "З епістолярної спадщини Гоголя", подготовить к публикации письма Н.В.Гоголя и пьесу "Игроки" в академическом издании сочинений Гоголя, предпринятом Академией наук СССР в 1934 г. В архиве сохраняются материалы, связанные с подготовкой публикаций — тексты писем и пьесы, комментарии к ним (ед. хр. 121), переписка и авторские договоры с редколлегией и издательством на публикацию за 1934—1937 гг. (ед. хр. 117).

В области пушкиноведения А.А.Назаревскому принадлежит статья "Забытый автограф Пушкина", написанная в 1937 г. на материалах Отдела рукописей библиотеки АН УССР. В архиве хранятся автограф и материалы к статье (ед. хр. 88). А.А.Назаревскому принадлежит статья "Пушкінські матеріали в київських рукописних сховищах", высоко оцененная литературоведами. Известный пушкиновед М.А.Цявловский в своем письме к А.А.Назаревскому от 27 мая 1938 г. (ед. хр. 1500, л.1) пишет: "С огромным интересом прочел я Вашу работу о пушкинских материалах в киевских архивах. По обстоятельности и точности Ваше описание рукописных сборников с копиями произведений Пушкина можно считать образцовыми. Я лет 25 занимаюсь учетом и описанием копий произведений Пушкина в рукописных сборниках и с уверенностью утверждаю, что такого описания собрания сборников в литературе не существует. Описание это чрезвычайно мне полезно и нужно как раз в настоящее время, когда я занят работой по приготовлению к печати второго и третьего томов академического издания сочинений Пушкина".

Большая и кропотливая работа по изучению и научному описанию в Отделе рукописей библиотеки АН УССР семейного архива крупных украинских помещиков Капнистов позволила А.А.Назаревскому вы-

делить в нем неизвестные ранее творческие материалы известного русского и украинского писателя XVIII в. В.В.Капниста и подготовить его драматические произведения к публикации в сборнике Института русской литературы АН СССР "Драматургия и театр XVIII в."

Во вступительной статье к публикации А.А.Назаревский раскрывает научную ценность архива (ед. хр. 120, л. 5) : "Среди немногочисленных, но довольно разнообразных материалов семейного архива Капнистов, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук УССР, есть ряд не изданных текстов драматических произведений В.В.Капниста, начиная от общих схем и первоначальных набросков и кончая более или менее отдельными текстами пьес.

Здесь, прежде всего, имеем такой ценнейший материал, как сценарий и черновые наброски рукописи его знаменитой комедии "Ябеда"; затем — сценарий и начало неизвестной пьесы "Раскаявшийся человеконенавистник", по-видимому, так и оставшейся ненаписанною; неизвестный шутливый "Металог трагедии Гиневры", где Капнист высмеивает себя, как автора неудачной трагедии; наконец, имеется выправленная Капнистом копия его трагедии "Антигона" и начало перевода "Школы отцов" комедии Пьейра". В архиве А.А.Назаревского хранятся "Материалы для публикации пьес В.В.Капниста" (ед. хр. 120), авторский договор в Институтом на подготовку публикации и переписка по этому вопросу за 1937—1939 гг. (ед. хр. 117).

Творчеству М.В.Ломоносова посвящена большая научная статья А.А.Назаревского "М.В.Ломоносов-поэт", написанная в год 250-летия юбилея выдеющегося ученого-поэта (1968 г.). В архиве хранятся рукопись статьи, материалы к ней (ед. хр. 93) и рецензия В.А.Капустина на статью (ед. хр. 115), в которой рецензент отметил ее научную значимость (л. 1) "Статья привлекает своей конкретностью и ясностью основных положений. Анализ стиха Ломоносова дается на большом материале — поэтическом наследии Ломоносова, Назаревский показывает роль Ломоносова в развитии русской поэзии, останавливается на вопросах поэтической традиции".

Велики заслуги А.А.Назаревского по изучению и изданию текстов Т.Г.Шевченко. Ему принадлежат научные описания русских повестей и ряда писем Т.Г.Шевченко, вошедших в "Опис рукописів Т.Г.Шевченка", изданного Институтом украинской литературы АН УССР в 1961 г. Он автор большой исследовательской статьи "Із спостережень над листами Т.Г.Шевченка", написанной им в 1945 г. Его огромная работа по изданию академического собрания сочинений Т.Г.Шевченко, начатого Институтом литературы АН УССР в 1938 г. и оконченного в послевоенные годы, высоко оценена учеными и общественностью Украины.

"Академическое издание сочинений Т.Г.Шевченко, — отмечал академик А.И.Белецкий (ед. хр. 109, л. 1), предпринятое Институтом украинской литературы АН УССР, своим осуществлением обязано бо-

лее всего знаниям, энергии и высокой добросовестности в работе А.А.Назаревского, являющегося и непосредственным работником, и руководителем-воспитателем молодых текстологов".

А.А.Назаревский являлся редактором отдела "Інші редакції та варіанти", вышедших в 1939 г. I и II томов собрания и редактором III и IV послевоенных томов.

"Основательность и научная добросовестность, эти основные качества работ т.Назаревского особенно ярко сказались в его работе над академическим изданием сочинений Т.Г.Шевченко... Огромный аппарат вариантов и "Інших редакцій", составляющих главную ценность этих томов, а также текстологические примечания и вступительные статьи разработаны Назаревским, на долю которого выпала огромная текстологическая работа", — писал в отзыве о научных трудах А.А.Назаревского член-корреспондент АН УССР С.И.Маслов (ед. хр. 108, л.2).

В архиве А.А.Назаревского хранится большая группа материалов, связанных с подготовкой Собрания сочинений Т.Г.Шевченко 1939—1956 гг. Здесь составленные А.А.Назаревским как редактором проект плана работы над III и IV томами, предварительные замечания для работы над русскими повестями Т.Г.Шевченко, материалы к инструкции для подготовки III и IV томов, схема комментариев к русским повестям Шевченко, текстологическая статья к "Щоденникам" Шевченко, текстологические комментарии к отдельным произведениям и письмам Т.Г.Шевченко и др. (ед. хр. 125—126).

Видный специалист в области истории литературы А.А.Назаревский имеет ряд работ в смежных с литературоведением областях. Ему принадлежит обстоятельная работа в области славяно-русской палеографии — рецензия на "Курс палеографии" проф. Брандта 1910 г. Его лингвистическая работа "Язык евангелия 1581 г. в переводе В.Негалевского" (ед. хр. 84) в свое время была награждена историко-филологическим факультетом Киевского университета золотой медалью. По отзыву академика Л.А.Булаховского, этот труд, "свидетельствующий о добросовестности исследования и очень серьезной научной подготовке автора, представляет ценную работы по истории украинского литературного языка" (ед. хр. 1588, л. 2). В периодических изданиях и сборниках 1927—1930 гг. А.А.Назаревский опубликовал ряд статей по истории студенческого движения в Киевском университете в 70-х и 80-х годах XIX в. В архиве А.А.Назаревского рукописи и оттиски его исторических статей (ед. хр. 87, 106, 1605): "Юбилей 1884 г.", "Ювілей Київського університету і студентські заколоти 1884 г.", "Київське студентство 50 років тому", "Березневий рух київських студентів". Сохраняются в его архиве материалы по Профсоюзу служащих и рабочих Киевской городской железной дороги, Киевскому союзу парикмахеров, фармацевтов — выписки из архивных документов, газет, воспоминания членов союзов за 1901—1916 гг (ед. хр. 1576).

В последние годы жизни А.А.Назаревский много работал над историей советского литературоведения. Им создан цикл мемуаров о выдающихся ученых и деятелях отечественной культуры. — В.Н.Перетце, В.П.Адриановой-Перетц, Н.К.Гудзие, С.И.Маслове.

В.Н.Перетцу посвящены две статьи А.А.Назаревского "В.Н.Перетц" и "Памяти учителя", написанные в 1965 г. к 35-летию со дня смерти ученого (в архиве — рукописи, ед. хр. 96, 97). В них Владимир Николаевич предстает как крупнейший знаток древнерусской и старинной украинской традиции, выдающийся ученый медиевист, талантливый педагог, воспитавший несколько поколений советских филологов. В статьях отмечается огромное значение деятельности проф.В.Н.Перетца в истории Киевского университета.

"В течение 11 лет (с 1903 г.) В.Н.Перетц читал в университете и вел практические занятия по истории древней русской литературы и смежными с нею дисциплинами, как старославянский язык, древнерусский язык с диалектологией, палеография. Из его специальных курсов выделялись — "Литература в юго-западной России XV—XVIII ст." (замаскированный начальный курс запретной тогда украинской литературы), курс "Слова о полку Игореве" "Введение в историю русской литературы". Этот спецкурс, обязательный для всех участников практических занятий, должен был главным образом научить их самостоятельно работать над первоисточниками и ввести в технику филологического исследования памятников" (ед. хр. 97, л.1).

В статьях В.Н.Перетц предстает как прогрессивный деятель, который вел последовательную борьбу с представителями реакционной профессуры, выступавший с проектом об открытии в Киевском университете кафедр украинской литературы, языка, истории. Он мечтал привлечь в университет И.Я.Франко и вел с ним об этом переписку.

А.А.Назаревский подчеркнул тот огромный вклад, который внес Владимир Николаевич в развитие украинской культуры в целом: "Интерес В.Н. к украинской культуре, изучение старой украинской литературы не прекратились и тогда, когда в 1914 г. — после избрания в академики (Российской АН) — он переехал в Петербург. Они еще более оживились, когда, будучи избран академиком АН УССР (1919), он часто приезжал в Киев и руководил работой организованной им "Комісії давнього українського письменства" Только за последние 12 лет жизни В.Н. напечатал свыше 30 работ по различным, в большинстве малоизученным вопросам старой украинской литературы" (ед. хр. 97,л.2).

Статья А.А.Назаревского "Из далекого и недавнего прошлого" (ед. хр. 104) посвящена советскому литературоведу академику АН УССР Н.К.Гудзию. Она вошла в сборник "Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии" (М., 1968 г.).

А.А.Назаревский характеризует Н.К.Гудзия "как выдающегося, крупнейшего литературоведа, глубокого и разностороннего знатока и далекого прошлого, и классического наследия русской и украин-

ской литературы". Статья является воспоминанием "юношеских и зрелых лет о старом товарище, давнем и большом друге". Перед нами образ молодого и горячего "спорщика", начинавшего свою научную деятельность в Семинарии, и образ уже зрелого ученого, академика АН УССР, которого характеризовали высокая научная принципиальность, требовательность к себе и другим. "Он никогда не боялся "испортить отношения", сказав научную правду в глаза любому автору, "не взирая на лица"... Д.С.Лихачев сам испытавший на себе научную принципиальность Н.К., говорит о нем, как о "совести советского литературоведения". А.А.Назаревский отмечает необычайную широту и разносторонность научных интересов, которые отражены в обширной научной продукции Н[иколая] К[аллиниковича], счастливое соединение скрупулезного мастерства анализа памятников со способностью широкого их обобщения.

В архиве хранится рукопись статьи "Из воспоминаний о молодых годах В.П.Адриановой-Перетц" (ед. хр. 1639), написанной А.А.Назаревским в 1974 г. для XXIX тома ТОДРЛ, посвященного светлой памяти историка русской и украинской литературы, члена-корреспондента АН УССР и АН СССР В.П.Адриановой-Перетц. В ней рассказывается "о первых шагах Варвары Павловны в Семинарии русской филологии проф. Перетца, и о ее быстром росте, и о тех блестящих научных достижениях, которые сделали ее одним из виднейших представителей нашей медиевистики" (л. 11).

По случаю 75-летия со дня рождения и 50-летия научной, педагогической и общественной деятельности члена-корреспондента АН УССР, доктора филологических наук, проф. С.И.Маслова А.А.Назаревским был подготовлен доклад "Научная и педагогическая деятельность С.И.Маслова" (ед. хр. 1618) и зачитан 21 декабря 1955 г. на юбилейном вечере в Киевском университете.

Доклад под названием "Памяти друга" был напечатан в "Віснику КДУ" (1959. — № 2. — С. 127—135). "В этом году как раз исполняется 50 лет нашего с С.И. знакомства, — пишет А.А.Назаревский в письме от 21 февраля 1957 г. В.П.Адриановой-Перетц, — а затем и дружбы, никогда и ничем не омраченной. Всего лишь год назад, в декабре 1955 г., на его 75-летнем юбилее я выступал с докладом "С.И. Маслов — ученый и педагог", а сейчас этот доклад, который так понравился С.И., будет печататься в сборнике нашей кафедры, уже посвященном его памяти".

Большая статья "Из истории Семинария русской филологии проф. В.Н.Перетца (В.М.Отроковский. К 80-летию со дня рождения)" (ед. хр. 1627) была подготовлена А.А.Назаревским в 70-х годах. Она посвящена рано ушедшему из жизни, молодому одаренному филологу, начинающему поэту, участнику Семинария В.М.Отроковскому. В архиве находятся рукопись этой статьи, дневник и стихотворения В.М.Отроковского (ед. хр. 1629, 1630).

А.А.Назаревский пользовался заслуженным авторитетом известного литературоведа, глубокого и разностороннего знатока и далекого прошлого, и классического наследия русской и украинской литературы. С просьбами об отзывах и рецензиях на работы к нему обращались крупные ученые и начинающая молодежь.

"Знатоков старой литературы, — писал академик А.И.Белецкий, — в совершенстве владеющих приемами ее исследования, могущих научить этому других на Украине сейчас осталось чрезвычайно мало. А.А.Назаревский принадлежит к числу немногих безусловных, признанных во всем нашем Союзе авторитетов по этой части, и, действительно, каждый раз, когда учреждениям, организациям или отдельным работникам нужны специальные указания и помощь в данной области — обращение к нему неизбежно" (ед. хр. 109. — л. 1).

Среди отзывов и рецензий, имеющихся в архиве, отзыв на работу академика А.И.Белецкого "Судьба большой эпической формы в русской литературе XIX—XX в. (1948) (ед. хр. 61); рецензия на работу проф. В.И.Маслова "Украинская тема в русской литературе Пушкинской поры" (1951) (ед. хр. 67); А.В.Позднеева "Рукописные песенники XVII—XVIII веков"; В.И.Малышева "Древнерусские рукописи Пушкинского Дома" (1965) (ед. хр. 82); замечания по "Программе по истории русской литературы", составленной проф. Н.К.Гудзием (ед. хр. 68) и др.

Здесь же ряд обстоятельных рецензий на диссертационные работы молодых ученых — Н.Ф.Дробленковой "Новая повесть о преславном Российском царстве" и современная ей агитационная патриотическая письменность" (1955) (ед. хр. 71); В.И.Крекотня "Повествовательные элементы произведений А.Радивиловского. (Из истории украинской повествовательной прозы второй половины XVII в. — 1963). (ед. хр. 81) и др.

Педагогическая деятельность А.А.Назаревского началась 15 марта 1914 г., когда им была прочитана первая пробная лекция для студентов историко-филологического факультета Киевского университета. Рукопись лекции «Судьба общеславянских звуков "Е" и "О"» (ед. хр. 11) открывает группу материалов архива, связанную с многолетней педагогической деятельностью Александра Адриановича на филологическом факультете Киевского университета. В архиве хранятся стенограммы лекций, рецензии и отзывы на работы студентов и аспирантов по истории русской и украинской литературы (ед. хр. 13—51).

Среди рецензий интерес представляет рецензия на дипломное сочинение "Повесть о Фроле Скобееве и ее литературная история" В.П.Водолажской (Колосовой), впоследствии украинский литературовед, кандидат филологических наук.

Эта рецензия, как и все рецензии А.А.Назаревского отличается требовательностью, критическим отношением к сочинению и в то же время доброжелательностью строгого и доброго наставника. Опытный пе-

дагог сумел выявить в авторе "большие возможности и способности к самостоятельной научной работе, вдумчивость, тонкую наблюдательность, критическое отношение и к источникам, и к чужим мнениям, умение разобраться в сложном и специфическом материале старых памятников, способность анализировать факты и давать обобщающие выводы из них. Работа, по моему мнению, превышает те требования, которые мы обычно предъявляем к дипломным сочинениям, и убедительно говорит о праве автора на оставление при университете в качестве аспиранта при кафедре русской литературы" (ед. хр. 13, л. 3).

В архиве сберегаются отзывы А.А.Назаревского на дипломное сочинение студента В.С.Короткевича "Социальная сатира в русской народной сказке" (ед. хр. 41) и его рефераты, представленные при сдаче экзаменов в аспирантуру при Киевском университете: "Сказки о барах в русском фольклоре", "Анчар" Пушкина и «"Дрэва смерцi" в белорусском фольклоре», "Официозная литература первых лет после восстания 1863 г. в Польше".

"Все три предоставленные реферата в достаточной мере обнаруживают в их авторе хорошую начитанность в литературе, связанную с тематикой его работы, умение разобраться в этой литературе и критически относиться к ней, самостоятельность многих суждений. Полагаю, что у т.Короткевича есть все данные для того, чтобы вести самостоятельную научную работу, то есть то, чего мы требуем от лиц, поступающих в аспирантуру" (л. 1).

Долгие годы связывала дружеская переписка бывшего студента В.С.Короткевича, позже известного белорусского поэта, писателя, драматурга, с любимым учителем А.А.Назаревским. В архиве хранятся его письма 1957—1966 гг., рассказывающие о напряженной творческой работе, планах, свершениях и личной жизни (ед. хр. 802—838).

В архиве А.А.Назаревского хранится около двух тысяч писем (ед. хр. 128—1571, 1647—2126). Среди корреспондентов и адресатов официальной переписки — издательства журналов, газет, институты, библиотеки, архивы, музеи, общества Украины, Москвы, Ленинграда.

Среди корреспондентов частной переписки — крупнейшие отечественные и зарубежные ученые: В.Н.Адрианова-Перетц (ед. хр. 371—410), М.П.Алексеев (ед. хр. 413—425), А.И.Белецкий (ед. хр. 435—439), Н.Ф.Бельчиков (ед. хр. 448—450), П.Н.Берков (ед. хр. 452—456), Б.П.Городецкий (ед. хр. 499—505), Н.К.Гудзий (ед. хр. 553—645), Л.А.Дмитриев (ед. хр. 718—793), Е.П.Кирилюк (791—793), Н.Е.Крутикова (ед. хр. 1029—1030), Б.А.Ларин (1040—1049), Д.С.Лихачев (ед. хр. 1053—1073), В.И.Малышев (1111—1218), Л.Б.Модзалевский (1236—1238), Г.Н.Моисеева (ед. хр. 1239—1256), М.А.Цявловский (ед. хр. 1493—1506), И.Дуйчев (779—781), А.Мазон (1093—1105) и др.

Переписка насыщена обменом научной информацией, сообщениями о творческих планах, ходе и завершении научных работ, взаимным

консультированием, сообщениями о жизни своих коллективов, фактами личной жизни.

Юбилейные даты А.А.Назаревского широко отмечались общественностью Киева. В архиве хранятся поздравительные письма, телеграммы от коллег, друзей, учеников.

Поэт, академик АН УССР П.Г Тычина, хорошо знавший А.А.Назаревского по работе в Институте литературы АН УССР, в своем приветствии от 14 декабря 1957 г. высоко оценил его вклад в науку: "Сердечно поздравляю Вас, дорогой Александр Адрианович, со славным Вашим 70-летием и 50-летием научной и педагогической деятельности. Велика Ваша работа в создании украинской социалистической культуры, великая Вам и благодарность за это. Созданное для народа никогда не пропадет. Желаю Вам счастья, здоровья. Вы в наши дни 40-летия Советской Украины вместе со всеми трудящимися входите в число работников, не щадящих сил своих для всей нашей Родины" (ед. хр. 2001).

В поздравлении с 80-летием А.А.Назаревского украинский поэт В.Кочевский выразил общие чувства признательности к учителю всех его бывших учеников (ед. хр. 1007) "От всего сердца поздравляю Вас, замечательного воспитателя университетской молодежи и человека большой душевной красоты, со взятием Вами жизненной высоты — 80-летием со дня рождения!

Желаем Вам быть таким же неутомимым покорителем новых вершин, духовно молодым и сердечным, каким Вас знаем..."

Высокую оценку научной и педагогической деятельности А.А.Назаревского дал его ученик, кандидат филологических наук В.И.Крекотень, в своей статье-некрологе: "Пам'яті вченого-філолога" (Радянське літературознавство. — 1977. — № 3. — С. 96) "Александр Адрианович почти 70 лет не сходил с кафедры родного филологического факультета. Поколения учителей, научных работников, журналистов, писателей учились у него любить и понимать литературу, делали под его опекой первые самостоятельные шаги. Свой опыт в области археографии, палеографии, библиографии, текстологии и истории восточнославянских литератур Александр Адрианович неустанно передавал студентам в лекционных курсах, на семинарских занятиях, на заседаниях научного кружка, как советник, требовательный и благожелательный критик и оппонент. Он всегда щедро делился с учениками знаниями, идеями, найденными материалами.

Высокая требовательность и зрелость научного мышления сочеталась в нем с человечностью, чуткостью.

Человек, ученый, педагог высокой общей профессиональной культуры, он занял заметное место в истории отечественной филологической науки".

В заключение следует сказать, что архивный фонд А.А.Назаревского ценен не только для изучения жизни и деятельности ученого, —

он является источником для изучения истории русской и украинской литературы древнего и нового времени (конец XVIII–XIX в.). Архив может служить и для исследования становления и развития украинского советского литературоведения 20–70-х гг. XX в., а также для изучения истории Киевского университета, в котором А.А.Назаревский преподавал свыше 60 лет.

В.В.Нимчук

КИЕВСКИЕ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Семь небольших пергаментных листков глаголического письма, хранящихся в Киеве, от имени которого и получили свое название, вот уже свыше ста лет привлекают внимание исследователей древнейшей культуры славян, будят их воображение. Они необычны по языковой форме: правильный, классический старославянский язык с почти безукоризненной фонетикой (орфографией), но с западнославянскими (чешско-словацкими) элементами на южнославянском фоне. Листки выделяются и по содержанию: это сборник месс римского (западнохристианского), а не византийского (восточнохристианского) обряда. Памятник необычен и с точки зрения кодикологии: первая страница первого листка (оторванного от других), заполнена на несколько столетий позже, чем написаны остальные, отлична и по содержанию (отрывок из апостольского послания и молитва к деве Марии) Почти каждый листок имеет свою собственную конфигурацию, то есть поля их обрезаны не одинаково.

В свое время пергаментные листки подарил Киевской духовной академии ее воспитанник, известный коллекционер древностей, почетный член Церковно-археологического общества, функционировавшего при академии, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин, род. 1817 г. в с. Батуринское Пермской губ. – сконч. 1894 г в Иерусалиме), который в дарственной записи указал: "В библиотеку Киевской духовной академии. Иерусалим. 2 мая 1872 г."

Однако во владении Антонина листки были намного раньше, о чем свидетельствуют его заметки в своем дневнике за 1870 г., 14 ноября: "...усилие разобрать письмо принадлежащих мне 7-ми пергаментных глаголических листков... сидел над глаголицей до полночи. Научился таки читать ее"; 20 ноября: [переплетчик] "принес книги, в числе их и глаголический отрывок, над которым я и просидел немалое время...

Еще раз занятие глаголицей. Так и кажется, что это кириллица на готический лад"[1].

Вероятно, глаголические листки А.Капустин приобрел в сентябре 1870 г. во время его пребывания на Синае в монастыре св. Екатерины, где он на протяжении 3 августа — 18 сентября совершил систематизацию и опись манускриптов обители (1310 единиц). По словам Антонина, в помещении, где он работал, после каталогизации была следующая картина: "В синодике Панагии книг, конечно, уже не было, но пол весь еще покрыт был обрывками листов, целыми листами, тетрадями и даже целыми книгами (б.ч. бомбицинными) до того съеденными сыростью, червем и мышами, а часто и огнем, что мы не решились вносить их в каталог"[2]

Возможность нелегального приобретения памятника категорически исключается. Антонин в своих записках о работе в монастыре св. Екатерины на Синае описал такой любопытный эпизод: "А то вышло еще и такое необъяснимое обстоятельство. Один из профитологов, пересмотренный и описанный нами и внесенный в каталог, при генеральной нумерации не оказался на лицо. Сколько мы потратили времени на отыскание его, но нигде не нашли. Не скрою, что при этом напастном случае в лице о. скевофилака (хранителя — *В.Н.*) выражалось не одно удивление... чтобы не сказать прямо — подозрение. Подозрение же могло относиться только ко мне одному как иноплеменнику, жадному, подобно всем подобного рода гостям обители, до всякой исторической ветоши"[3]. Чтоб отвести от себя необоснованное подозрение, Антонин на другой день нарочно оставил свою келью открытой и выставил на солнце свой собственный чемодан с вещами, будто бы для просушивания[4]

Очевидно, как вознаграждение за работу по описанию и каталогизации манускриптов монастыря св. Екатерины на Синае Антонину были подарены отдельные отрывки или листы древних рукописей и некоторые книги. Перед отбытием из Синая в Иерусалим 18 сентября 1870 г. Капустин сделал заметку в дневнике: "...Послал Никандра (своего помощника — *В.Н.*) с старыми листами к скевофилаку... После обеда о.Григорий (скевофилак — *В.Н.*) принес листы, но вытянул из числа их тот, что был с крупным письмом. Ходили в Панагию и библиотеку отыскивать отобранные книги, нашли их и взяли с собой"[5]. По мнению Б.Л.Фонкича, среди оставленных Антонину листов древних рукописей были и те семь уникальных пергаментных листков, которые хранятся теперь в Киеве[6]

---

1 *Фонкич Б.Л.* О судьбе Киевских глаголических листков // Сов. славяноведение. — 1972. — № 2. — С. 82.
2 *Антонин (Капустин).* Из записок синайского богомольца. Ст. 6 // Тр. Киев. духовн. акад. — 1873. —Сент. — С. 355.
3 Там же. — С. 343.
4 Там же. — С. 343—344.
5 *Фонкич Б.Л.* Указ. соч. — С. 83.
6 Там же.

Знаменательно, что на протяжении 1870/71 учебного года Капустин поднес в дар библиотеке Киевской духовной академии: "а) несколько листков древней греческой папирусной книги; б) два листа палимпсеста греческого евангелия века IV или V; в) два маленьких листка сирианского письма и, г) лист грузинского письма"[7]. В инвентарной книге библиотеки Киевской духовной академии[8] под датой 19.III,1871 г. есть следующая запись: "75. Рукописи на двух склеенных на (!) папирусах (ветхие); 76. Палимпсесты на 5 пергаментных листках" (стр. 3) (имени дарителя их Антонина нет). Эти факты свидетельствуют о том, что в монастыре св. Екатерины Антонину достались не какие-нибудь, а древнейшие отрывки. В числе листков, которые можно идентифицировать как подаренные Капустиным в 1871 г., есть различные листы и листки с крупным и средним шрифтами. Например, высота букв в пергаментном листе in folio с грузинским письмом — около 3 мм (отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, шифр: ДА-П,144), в пергаментном отрывке — палимпсесте греческого евангелия V—VI вв. in 8° буквы имеют высоту приблизительно 5 мм (там же, шифр: ДА-П 17). Высота букв в Киевских глаголических листках (КГЛ) — 5 мм. Если КГЛ находились вместе с другими подаренными Антонину отрывками, они величиной шрифта особенно не выделялись, но почерк памятника довольно крупный. Указание Капустина на то, что скевофилак изъял один лист с крупным письмом, не значит, что все другие отрывки написаны мелким почерком. На Синай как место открытия КГЛ указывал в 1885 г. преподаватель Киевской духовной академии И.И.Малышевский, близкий друг и любимец ректора академии Филарета. Антонин также дружил с Филаретом и часто присылал ему ценные предметы (в том числе и рукописи), с тем, чтоб тот передавал их в Церковно-археологический музей[9].

Очевидно, от Филарета И.И.Малышевский и другие преподаватели академии знали, где были открыты КГЛ, поэтому он писал: "Сделаем... совсем не нужную для специалистов, но не лишнюю для других (как показал наш опыт) оговорку: так называемые *Киевские отрывки глаголицы* (курсив автора — *В.Н.*)... отнюдь не киевского, не русского происхождения. Они достались музею здешней духовной академии из Синая, а где они писаны и откуда туда попали, это неизвестно"[10]. Рукопись попала на Ближний Восток из какой-то славянской страны. Уместно напомнить, что в монастыре св. Екатерины на Синае сохра-

---

7 Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1870/71 учебный год // Тр. Киев. духовн. акад. — 1871. — Т. 4, дек. — С. 25.

8 Хранится в филиале № 1 Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве (на Подоле).

9 *Німчук В.В.* Київські глаголичні листки — найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. — К., 1983. — С. 5.

10 *Малышевский И.* Св. Кирилл и Мефодий // Тр. Киев. духов. акад. — 1885. — Т. 2, июль. — С. 408 (ссылка).

нились два больших общеизвестных древних глаголических памятника — Синайская псалтырь и Синайский требник (евхологий).

Открытым памятником Капустин очень дорожил, долго его изучал и подарил листки Киевской духовной академии лишь тогда, когда он узнал, что при ее библиотеке открывается Церковно-археологический музей (начал функционировать во второй половине ноября 1872 г.). В архивных материалах академии нами выявлен акт, составленный в конце 1872 или в начале 1873 г., в котором впервые засвидетельствовано хранение глаголических листков в Киеве — "Список книг, рукописей и вещей 1) выделенных из библиотеки Церковно-археологического музея и 2) принадлежащих оному", где под № 39 указывается: "Рукопись глаголическая на пергамине с первыми листами бумажными, 8 (указание на формат в 1,8 листа — *В.Н.*), в сафьян. перепл."[11]

Антонин нигде прямо не указал, где он приобрел листки. Не пишут о месте открытия также И.И.Срезневский и И.В.Ягич, издававшие КГЛ еще при жизни Капустина.

Поскольку киевский Церковно-археологический музей не располагал необходимыми сведениями о большинстве вещей, подаренных Антонином, ученый секретарь музея Н.И.Петров осенью 1879 г. обратился с письмом к бывшему ректору академии епископу рижскому и минскому Филарету (Филаретову), с которым Капустин вел переписку, прося дать о них необходимые сведения. В ответ Филарет писал: "Добрый и любезный Николай Иванович!... Вы озадачили меня вопросами о письмах о.Антонина. Помню, когда выезжал я из Киева, имел желание передать их Вам, но — вероятно — не передал. Куда я их девал, сам не знаю. Рыскаю (?) теперь в своих бумагах, но пока еще не нашел, да и отчаиваюсь, найду ли я их. Чтоб направить дело, сделайте вот что. Напишите на листок все вопросы, касающиеся предметов, поступивших в музей от о.Антонина, на которые желательно иметь ответы. Я пошлю их Антонину. Он не откажется дать на них ответ. Таким образом, хоть не скоро, но дело будет сделано. А без того Ваш указатель будет недостаточен. Между тем, поищу еще у себя"[12] Получив от Н.И.Петрова список вопросов, Филарет ответил: "Дорогой и любезнейший Николай Иванович!... Список пожертвований о. архим. Антонина я получил. Но вот какая беда. В газетах я прочитал, что он вызывается в Петербург. Вследствие чего я списка Вашего не решаюсь послать в Иерусалим, а буду ожидать сведений о прибытии о.Антонина в Петербург; тогда пошлю к нему ближе. Но мне думается, что, если он поедет в Одессу, то не минет Киева; в таком случае Вы будете иметь благоприятный случай на месте получить нужные сведения"[13]. В начале 1902 г. Н.И.Пет-

---

[11] ЦНБ АН УССР. Отдел рукописей. — Ф. 160, ед. хр. 2850. — С. 30.
[12] Там же. — Ф. III, ед. хр. 14000. — С. 2.
[13] Там же. — Ф. III, ед. хр. 14001. — С. 1—2.

ров сообщил проф. Т.Д.Флоринскому, что никаких письменных свидетельств Антонина о КГЛ не имеется (см. ниже). Через много лет, отдавая должное преставившемуся Антонину, Н.И.Петров довольно расплывчато определил место открытия КГЛ: "В числе особенно важных и ценных пожертвований его академии следует отметить памятник древнейшей глаголитской письменности в пергаментных листах. Значение этого памятника, найденного архимандритом Антонином на дальнем (т.е. далеком — *В.Н.*) Востоке, но теперь получившего известность под именем "Киевских глаголитских отрывков", уже давно оценено учеными славистами русскими и западными"[14].

КГЛ хранились в отдельной витрине № 39 Церковно-археологического (позже — Археологического) музея при Киевской духовной академии вплоть до расформирования его в 1923 г. Вместе с другими рукописями КГЛ в 1923 г. получил в отдел письма и печати вновь основанного Лаврского музея в Киеве.

В 1934 г. КГЛ были переданы в Государственную библиотеку Всеукраинской академии наук (в настоящее время — Центральная научная библиотека АН УССР). С этого времени памятник хранится в отделе рукописей ЦНБ АН УССР (шифр: ДА-П.328).

Широким кругам славистов памятник, открытый Капустиным, стал известен в августе 1874 г. во время работы III Археологического съезда, в связи с чем в Киеве была устроена выставка древностей. Здесь на глаголические листки обратил внимание И.И.Срезневский, сразу понявший важность памятника для славяноведения. Приехавший на съезд с докладом по истории архитектуры, И.И.Срезневский тут же написал и прочел реферат о глаголических листках, в котором изложил свои свежие наблюдения над памятником, отметив, что КГЛ являются частью западнохристианского миссала (собрания месс), что в них отражены некоторые чешско-моравские языковые черты[15]

И.И.Срезневский издал памятник в глаголической транслитерации[16] и кирилловской транскрипции[17] КГЛ стали хрестоматийным текстом и печатались полностью или в отрывках множество раз. К самым лучшим предыдущим изданиям принадлежат черно-белые публикации фотоснимков КГЛ, подготовленные И.В.Ягичем[18] и И.И.Хам-

---

14 Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // Тр. Киев. духовн. акад. — 1894. — Т. 3. — С. 452—453.

15 *Срезневский И.И.* О глаголической рукописи, хранящейся в Киевской духовной академии // Тр. III Археол. съезда в России, бывшего в Киеве в авг. 1874 г. — Киев, 1878. — Т. 2. — С. 269—276.

16 *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. — Спб., 1876. — С.490—493, 529—545.

17 *Срезневский И.И.* Список с подлинника древнего глаголического миссала Киевской духовной академии кирилловскими буквами // Тр. III Археол. съезда ... — Киев, 1878. — Т. 2. — прил. — С. 185—197.

18 *Jagić V.* Glagolitica. — Bd. 2. Würdigung neuendeckter Fragmente. — Wien, 1890. — 58 S.

мом[19]. К IX Международному съезду славистов в Киеве (1983 г.) впервые вышло факсимильное (цветное) издание памятника.

Исследуемый памятник — семь пергаментных листков в малую восьмерку; ширина колеблется от 10,2 до 10,8 см, высота 13,5—14,4 см, потому что края разных листков неравны. Шесть листков скреплены ниткой в виде тетради. Первый листок памятника оторван от других и не имеет пары — восьмого. Необходимо отметить, что по размерам к КГЛ близки глаголические Синайская псалтырь (12x15,5) и особенно Синайский требник (эвхологий) (11x14,5)[20] Важно было бы произвести сравнительное палеографическое изучение КГЛ, указанных манускриптов и других глаголических отрывков из Синая. М.Пантелич доказывает, что первая страница КГЛ и пасхалия Синайского требника написаны одним лицом[21]. Желательно сделать химический анализ красителей этих глаголических кодексов, хранящихся на Синае в монастыре св. Екатерины.

Пергамент КГЛ в тетради скомпонирован таким образом, что глянцевая страница расположена рядом с соседней глянцевой, а шершавая — рядом с шершавой. Так слагали листы в древнейшие времена, в том числе в VIII—X вв.[22] Пергамент разлинован острым предметом, и на одной стороне страницы наблюдается углубленная линия, а на другой — выпуклая. В КГЛ соседние страницы одинаковы не только по качеству поверхности пергамента, но и по рельефу. В памятнике чередуются страницы с углубленной линией со страницами с выпуклой линией. Этот порядок нарушается только на двух листках, расположенных в самой середине тетради. Расположение страниц манускрипта, при котором противоположные (соседние) страницы одинаковы по "ткани", но разные по рельефу линования, является характерным для западноевропейских кодексов конца VIII — начала IX в. В Паннонии или в других славянских землях обычай подобной компоновки пергаментных тетрадей мог существовать и позже.

Закономерность составления тетрадей и линования пергамента в разные эпохи и возможность датировки рукописей в зависимости от способа расположения в них страниц с углубленными или выпуклыми линиями открыл лишь в 1928 г. американский исследователь Э.К.Ренд. Они были проверены на многих кодексах VI—IX вв.[23]

Прежние исследователи указанную особенность КГЛ не замечали.

---

19 *Hamm J.* Glagolitische Missale von Kiew. — Wien, 1979. — 156 S.

20 *Джурова А.* Българска ръкописна книга. — София Септември, 1981. — Фото № 20, 24.

21 *Pantelic M.* O Kijevskim i Sinajskim lističima // Slovo. — 1985.— Br. 35.— S. 6, 29—48.

22 *Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. — М.; Л., 1936. — С. 37. 2

23 *Dobiaš-Rožděstvenskaia O.* Histoire de l'atelier grafique de Corbie de 650 á 830 reflétée dans les corbeienses Leninopolitani. — Leningrad, 1934. — P. 16.

КГЛ написаны тремя почерками, причем почерк первой страницы заметно разнится от манеры письма остальных. Отличается первая страница и начертанием отдельных букв, в частности знаков, обозначающих звуки е и ѫ. На основной части КЛ, стр. 1, об. –7 об., буквы стоят не на линии, а как будто подвешены под ней. Буквы первой страницы написаны над линией.

Как уже отмечалось, первая страница манускрипта выделяется и содержанием текста. На ней помещены отрывок из Апостола и молитва, которая читалась в западнохристианской церкви в праздник Благовещения. На остальных страницах написаны десять месс.

Обращают на себя внимание также особенности фонетики (правописания) первой страницы ь→є (*дєнь* вместо *дьнь*), смешение ъ и ь (*благообразъно* вместо *благообразно*), падение слабых редуцированных (*всѣхъ* вместо *вьсьхь*), смешение букв, обозначающих носовые гласные (*оупьваѩщѧѩ* вместо *оупъваѩаштѩѩ*) и др. В связи с этими фактами текст первой страницы датируется XII или XIII в.

Миссальная часть памятника характеризуется этимологически правильными написаниями (в основах и флексиях) редуцированных ь (*дьнь*) и ъ (*зълоба*) и носовых гласных ѫ (*бѫдѫ*) и ѧ (*соушѧть*).

Из старославянских письменных памятников КГЛ выделяются объединением типичных западнославянских (точнее чешско-словацких) фонетических черт, в частности z ← dj (*подазь*, ср. староболгарское *подаждь*), с ← tj, kt, gt (*піцѣ*, ср. ст-болг. *пишта, помоць*, ср. ст.-болг. *помошть*), šč ← sk (*зашчітіті*, ср. ст.-бол. *заштитити*), с южнославянскими — т в слове *тузь* (ср. ст.-болг. *туждь*), ћ в лексеме *анћсль* (ср. сербскохорват. *анђео*). В творительном падеже единственного числа существительных -о- основ фиксируется северославянская (здесь — чешско-словацкая) флексия -ъмь (*оплатъмь*); один раз выступает южнославянская — смь (вместо -ьмь) (*сѣ отьцемь*). В родительном падеже единственного числа и в именительном — винительном последовательно засвидетельствовано окончание – ѧ (*јушѧ*).

Очевидно, под влиянием форм предложного падежа множественного числа в заглавии мессы "мышѣ о вьсѣхъ нєбєсьскъихъ сілахъ" переписчик текста КГЛ ошибочно написал флексию — ахъ и в родительном падеже множественного числа "вьсѣхъ небєськѣихъ сілахъ".

КГЛ — единственный старославянский памятник, имеющий разветвленную систему надстрочных знаков. Большинство специалистов считает эти знаки ударениями; часть исследователей видит в них невмы (средневековую систему записи музыки, при которой указывается на восходящее или нисходящее движение мелодии без определения точной высоты звуков)[24]. Западнохристианская литургия (месса) пе-

---

[24] *Nedeljković O.* Akcenti ili neume u Kijevskim listićima // Slovo. — 1964. — Br. 14. S. 25—51.

лась только в VII–VIII вв. На землях, где работали Кирилл и Мефодий, этот обычай мог сохраниться и в IX в.[25]

На фоне других старославянских памятников КГЛ выделяются лексическими особенностями. В них представлены латинско-немецкие заимствования — *мышь, папежь, пръфациь, оплать,* которые большинство последователей трактуют как западнославянский языковый пласт. В КГЛ засвидетельствованы славянские лексемы, являющиеся характерными для чешско-словацкой редакции старославянского языка, в частности въсждь "причастие", *"инокость"* путешествие, странствование (по чужбине)", *рованиѥ* "дар, приношение", хотя первые два слова могли возникнуть на южнославянской почве (ср. сербскохорватское *усуд*) "судьба, фатум", *усудити се* "решиться", словенское usoda "судьба", usodit se "решаться", ср. древнерусское *въсоудити сѧ* "быть принятым, включенным в состав чего-нибудь"; сербскохорватское *инокост* "одиночество", *инокосник* "единоличник". К характерному глаголу КГЛ *върѣснити сѧ* близкая параллель функционирует в словенском языке: uresniciti se "совершится". В общем славянская лексика памятника сохраняет тесную связь с южнославянским языковым ареалом.

Язык КГЛ свыше ста лет является объектом изучения славистов. О происхождении его специфических особенностей сложились две версии, которые с некоторыми модификациями повторяются вплоть до наших дней: 1) в текст памятника сознательно или случайно введены характерные чешско-моравско-словацкие фонетические и другие элементы вместо южнославянских (впервые эту гипотезу стремились обосновать В.Облак и его учитель И.Ягич[26]); 2) в КГЛ отражается переходной западнославянско-южнославянский диалект (первыми эту мысль отстаивали Ф.Миклошич, Ф.Ф.Фортунатов и Б.М.Ляпунов[27]). Уточнением второй версии можно считать утверждение И.Шекена, что в КГЛ отражаются особенности исчезнувшего позже переходного словацко-хорватского диалекта[28]. Первая версия кажется более правдоподобной.

Во всех гипотезах территорией, где возникли или были переписаны КГЛ почти единодушно называются земли бывшего Великоморавского государства, особенно Паннония.

В свое время Н.Дурново стремился доказать, что древнейший старословянский язык основывался на говоре города Солуня, в котором континуантами праславянских di, tj, kj были не žd, št, а специфиче-

---

25 *Zagiba F.* Der historische Umkreis der Kiever Sakrametarfragmente // Slovo. — 1964. — Br. 14. — S. 5–23.

26 *Oblak V.* Zur Provenienz der Kiewer und Prager Fragmente // Arch. slav. Philol.— 1896. — Bd. 18. — S. 107–112; *Jagić V.* Einige Streitfragen. 1. Zur Provenienz der Kijever glagol Blätter // Arch. slav. Philol. — 1898. — Bd. 20. — S. 6.

27 *Miklosich F.* Lautlehre der slavischen Sprachen. — Wien, 1879. — S. 219; *Ляпунов Б.М.* Ватрослав Облак // Изв. ОРЯС. — 1896. — Т. 1. — С. 941–942.

28 *Schaeken I.* Die Kiever Blätter. — Amsterdam, 1987. — S. 137.

ские фонемы (продолжением их являются современные македонские звуки ѓ, ќ), для которых в первоначальной глаголице существовали отдельные буквы. Специфические звуки-буквы древнестарославянского языка на чешско-моравских землях были заменены соответственно буквами (звуками) з, ц. Окончательно это предположение, на наш взгляд, доказал А.С.Львов[29] Так становится понятным, почему чешско-словацкие фонетические черты фиксируются только в указанных позициях, а в других сохраняются южнославянские особенности.

Начертания букв в миссальной части КГЛ — полукруглый тип письма — большинством палеографов признается древнейшим[30].

На основании лингвистических и палеографических признаков большинство специалистов считает, что КГЛ — древнейший известный ныне старославянский текст, который можно датировать концом IX — началом X в.

Со времени первого ознакомления с памятником слависты и историки литургии разыскивают латинский текст, с которого сделан старославянский перевод КГЛ. Для этого дела много усилий приложил И.В.Ягич, который при кириллической транскрипции фотоиздания памятника поместил и латинский текст, скомпонованный на основе латинских миссалов и сакраментариев (служебников). В тех случаях, когда в латинских источниках он не отыскал полных текстовых соответствий молитвам КГЛ, ученый давал собственный перевод славянского текста на латинский язык. Латинский прототип (но не оригинал) — так называемый Падуанский кодекс VI—VII вв. — найден сравнительно недавно[31]. Академик И.И.Хамм подробно изучил соотношение текста КГЛ старинных латинских и славянских хорватских миссалов, показал расхождения между ними[32].

Выдающимся памятником славянской письменности и культуры КГЛ признавали и признают почти все ведущие слависты. Однако соединение характерных западнославянских и южнославянских языковых элементов, необычность содержания (западнохристианский миссал, а не византийский евхологий) сделали памятник, по словам С.М.Кульбакина[33], загадочным.

До начала XX в. никто (по крайней мере публично) не усомнился в аутентичности пергаментных листков. Насколько нам известно, впервые сомнения появились у В.И.Ламанского, специально не штудировав-

---

29 *Львов А.С.* Глаголица и некоторые проблемы праславянской фонетики // Slovo. — 1971. — Br. 21. — S. 56—69.

30 *Ягич И.В.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. — Спб., 1911. — Вып. 3. С. 119, 1217.

31 *Mohlberg C.* Il messale glagolitico di Kiew (secolo 1X) ed il suo pfototipo romano del secolo V1—V11. // Atti della Pontifica Academia Romana di archeologia. — Ser. 111. Memorie, Vol.2, — Roma, 1928. — P. 207—320.

32 *Hamm J.* Op. cit. — S. 77—93.

33 *Кульбакин С.М.* Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. — Пг., 1915. — С. 3. — (Энцикл. слав. филологии; Вып. 10).

шего памятник, но написавшего исследование о подделках В.Ганки. Очевидно, во время изучения этих подделок у него возникла мысль, что КГЛ тоже могут быть фальсификатом. Об этом ученый никогда не заявлял публично. Свои сомнения он изложил в письме от 16 декабря 1901 г. к своему ученику Т.Д.Флоринскому[34], профессору Киевского университета, в котором писал: "Дорогой Тимофей Дмитриевич! Прибегаю к Вам с великой просьбой. Соберите мне, пожалуйста, сведения о том, как, когда покойный Антонин пожертвовал Киевск[ой] акад[емии] так называемые Киевские глаголические листки. Не было ли при этом приложено какое-нибудь письмо Антонина, где было бы сказано, когда именно и при каких обстоятельствах приобрел он эти листки и от кого?

Я давно над этим задумываюсь — моравскими считать [за ц и з вм. щ и жд] не позволяет отсутствие в них прочих моравизм[ов] ни разу как обмолвки в так[их] слов[ах], как свѧт (svat), молитв... (modl...) много раз попадающихся, — а признать их македонскими и **очень древними** — мешают случаи (2) замены, смеш[ения?] ѫ -сов гласн[ыми] и обратно; или — а в не очень древн[их] памятн[иках] так[ого] архаич[еского] правоп[исания] и последов[ательности] мы нигде не встречаем. С друг[ой] стор[оны] в к[онце] 60 и нач[але] 70-х гг. слав[янская] филол[огия] так уже стояла, что охотнику можно б[ыло] решиться на подделку. Quibono? Для доказат[ельства], что Кир[илл] и Меф[одий] вводили в Панн[онии] и Мор[авии] лат[инское] богосл[ужение] на слав[янском] яз[ыке]. Мне известны два иезуита очень много занимавшихся слав[янскими] древн[остями] и Кир[илло]-Меф[одиевским] вопр[осом] — а именно Мартынов и Гезен, — а сверх них б[ыли] и другие.

Поговорите-ка с кем-ниб[удь] из Ваших химиков, можно ли попробовать разложить чернила, не испортив р[уко]п[и]си? Хорошо бы проверить. Текст, термн[о]логия б[ыли] взяты из хорв[атских] миссалов. Не подкинуты ли были, не принесены ли б[ыли] эти листки нарочно русскому архим[андриту] — ученому, ценившему древности, но не знатоку по этой части. Могли б[ыть] уверены, что Антонин так или иначе ознакомит ученый свет с этими отрывками.

Конечно, я не уверен в этом предположении и головой не стою за него, но думаю, что известное подозрение не лишне и б[ыло] бы хорошо испытать и проверить эти странные и чудные отрывки. Не откажите ответом, голубчик...".

Отвечая В.И.Ламанскому 10 января 1902 г., Т.Д.Флоринский писал: "Дорогой Владимир Иванович!.. На днях я повидался с Н.И.Петровым и узнал от него следующее. Никакого письма или официальной

---

[34] Письмо хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР в Киеве, шифр: III, № 20418. В квадратных скобках дописаны сокращенные части слов. Подчеркнутые места так выделены в рукописи.

бумаги Антонина, объясняющих обстоятельства открытия глаголических листков миссала и поступления их в Академию, не сохранилось. У ректора Академии Филарета были письма арх. Антонина, но куда они исчезли, никто не знает. Н.И.Петров давно их разыскивает. На листке, служащем оберткой для глаг[олических] листков, рукой Антонина написано "Iерусалимъ, 1872 г.", и эта запись пока остается единственной датой о месте и времени находки.

Что касается разложения (?) чернил, то об этом я беседовал с нашим химиком С.Н.Реформатским, который обещал мне дать определенное заключение по ознакомлении с самим памятником.

Моравизмы отрывков и мне всегда казались подозрительными, но сама рукопись, по-видимому, не внушает подозрений. Если это и подделка, то во всяком случае очень искусная. При первом же досуге постараюсь присмотреться к ней повнимательнее.

В прошлом году такие же справки о глаголических отрывках наводил у Н.И.Петрова и А.И.Соболевский..."[35]

Неизвестно, был ли произведен анализ чернил рукописи. Или такого анализа не было сделано, или результаты анализа сняли подозрение В.И.Ламанского. В другом случае В.И.Ламанский или Т.Д.Флоринский напечатали бы статью против аутентичности КГЛ.

Проблеме происхождения КГЛ посвятил монографию[36] известный славист югославкий и австрийский академик И.И.Хамм. Не рассматривая в общем фактов, считавшихся предшествующими исследователями основанием для датировки КГЛ IX–XI вв., автор все внимание сконцентрировал на признаках памятника, которые, по его мнению, указывают, что КГЛ не отрывок из древней книги, а творение XIX в., вероятнее всего чешского патриота и романтика В.Ганки (10.VI.1791 –12.I. 1861 гг.).

Славянский глаголический миссал, утверждает И.И.Хамм, был создан не для того, чтобы кого-нибудь обмануть. КГЛ должны были воплощать взгляд в прошлое, в 863 г., когда братья-апостолы Кирилл и Мефодий пребывали в Риме и наладили связь с Западом. Глаголический отрывок как параллель к глаголическому тексту литургии греко-византийского обряда Пражских отрывков. Пражские отрывки будто бы вдохновили В.Ганку на составление и написание КГЛ, которые должны были превзойти их и возобновить равновесие между восточной и западной церковными традициями на чешских землях[37]. Рассмотрим самое существенное в рассуждениях И.И.Хамма.

---

[35] Письмо хранится в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 31, оп. 1, № 1470). Впервые опубликовано в статье: *Hoepner N.* Zur Forschungs geschichte über die "Kiever Glagolitischen Blätter" // Ztsch. slav. Philol. — 1951. — Bd 1, H. 1. — S. 42.

[36] *Hamm J.* Op. cit. (выводы вкратце на с. 124–128).

[37] Ibid. — S. 125, 130.

И.И.Хамм допускает, что КГЛ могли попасть в распоряжение А.Капустина в 1863 г., когда архимандрит, путешествуя из Иерусалима на родину, останавливался в Праге или Вене[38] В таком случае возникает вопрос, почему Антонин такую оригинальную рукопись не подарил своей alma mater в юбилейном для нее 1869 г. (основана в 1819 г.), когда Киевской духовной академии преподнес большое количество других памятников, а сделал это только через девять лет после ее приобретения, почему он не упоминает глаголические листки в дневнике (в который скрупулезно и систематически записывал даже мельчайшие события из быта) раньше ноября 1870 г., после возвращения с Синая? На протяжении семи лет собственник памятника должен был бы заинтересоваться его содержанием и сделать запись о работе над ним. Ведь Антонин сам признался, что должен был изучать глаголицу, ибо не мог прочесть листков.

Исследователь несколько раз акцентирует, будто бы Капустин не высоко ценил листки, сознавая, что в его распоряжении находится не настоящий памятник первых веков славянского христианства, потому что она подарил его не музею Киевской духовной академии, куда внес свои самые ценные пожертвования, а библиотеке учебного заведения[39] Однако мы выяснили, что Антонин подарил пергаментные славянские листки в 1872 г., именно во время организации Церковно-археологического музея при академии, начавшего функционировать в 1873 г.

В связи с тем что до сих пор не обнаружен латинский текст, перевод которого зафиксирован в КГЛ, И.И.Хамм считает, что исследуемый памятник — эклектическое творение XIX в.[40] Вместе с этим ученый признает, что третья молитва мессы в день св. Климента обнаружена только в Падуанском кодексе[41] Материалы из указанного кодекса опубликованы в 1928 г., а В.Ганка в Падуе никогда не был. В бумагах чешского деятеля И.И.Хамм обнаружил подаренный В.Ганке лист с четырьмя молитвами из какого-то миссала. Перед одной из них ножницами вырезан довольно длинный текст, от которого осталось только passi..., что напоминает выражение in passione secutor из мессы в день св.Климента[42] На основании этого автор предполагает, что соответствующую (третью) молитву кто-то переписал для В.Ганки и прислал ему. Но тогда возникает вопрос, откуда В.Ганке или кому-нибудь из его окружения было известно, что именно в Падуе хранится старинный латинский миссал с молитвой, которой нет в других сборниках.

Вопреки всем исследователям И.И.Хамм предполагает, что весь памятник мог быть написан одной рукой[43] Однако доводы известно-

[38] Ibid. — S. 122.
[39] Ibid. — S. 26, 102, 121.
[40] Ibid. — S. 120.
[41] Ibid. — S. 119.
[42] Ibid. — S. 120.
[43] Ibid. — S. 188.

го слависта неправдоподобны. Почерк первой страницы и почерк остальных страниц явно отличны и характеризуются расхождениями в начертании букв. К тому же, если КГЛ созданы как ретроспекция, а не фальсификат, зачем было на первой странице помещать текст с явно более поздними языковыми чертами и содержанием, не связанным прямо с остальной частью памятника.

Для выяснения происхождения отрывка весьма важно исследование его специфических, характерных языковых особенностей. Такими, в частности, являются лексемы *рованиі* (или *рованиѣ*) "дар", *інокость* "странствование, путешествие по чужбине", **вьсѫдь** "причастие". Каким образом они стали известны мнимому составителю КГЛ (В.Ганка скончался 12 января 1861 г.)?

Имя существительное *рованиі* зафиксировано только в КГЛ и в каноне службы св. Вацлаву. Ее (службу) в составе Новгородской минеи XI в. на сентябрь открыл И.И.Срезневский и сообщил об этом в 1856 г. в Прагу[44]. Тем не менее И.И.Срезневскому значение слова не было известно: в "Материалах для словаря древнерусского языка"[45] при вокабуле *рованиѥ* вместо перевода стоит вопросительный знак. Правда, словарь издан посмертно, и И.И.Срезневский, возможно, не разрабатывал словарной статьи *рованиѥ* Однако лексемы *рованиѥ* вовсе не знал и Ф.Миклошич, поэтому ее нет и его известном словаре старославянского языка[46] Упомянутую минею И.В.Ягич напечатал только в 1886 г. Не доказано, что служба св. Вацлаву была известна В.Ганке.

Лексема *вьсѫ дь* стала известной лишь в 1890 г., когда И.В.Ягич опубликовал Венские глаголические листки (отрывки) (датируются XII в.)[47] И.В.Ягич утверждает, что они обнаружены в переплете какой-то книги Кайзеровско-королевской библиотеки в столице Австрии. И.И.Хамм пишет, что памятник сначала хранился в библиотеке Венского политехнического института, где первыми библиотекарями были фотографы Георг Мартин и Франц Карл Лукас, имевшие тесные связи с Прагой[48] У нас есть все основания отдать предпочтение указанию И.В.Ягича на место и время открытия Венских глаголических листков. К тому же неизвестно, когда они сняты с переплета. В капитальном словаре Ф.Миклошича, который жил и работал в Вене, термина *вьсѫдь* нет в связи с тем, что, очевидно, и Венские глаголические листки до открытия их И.В.Ягичем в декабре 1889 г. (то есть через 28 лет после кончины В.Ганки) ученым-славистам вовсе не были известны.

Только в конце жизни В.Ганке могло стать известным слово *инокость* (и его значение), поскольку в 1859 г. вышло в свет описание

---

44 Ibid. – S. 38.

45 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Спб., 1903. – Т. 3. – С. 126.

46 *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. – Vindobonae, 1863–1865.

47 *Jagić V.* Glagolotica. Br. 2. – S. 1, 2.

48 *Hamm J.* Op. cit. – S. 39.

манускриптов Московской синодальной библиотеки, составленное А.В.Горским и К.И.Невоструевым.

Среди аргументов против аутентичности КГЛ важное место отводится форме *-ахъ* в родительном падеже множественного числа существительного *=а=* основы *сила — сілахъ* (вместо *сілъ*). Такие формы И.И.Хамм отмечал в современных северных чешских говорах на родине В.Ганки[49] Подобные формы фиксируются в 1737 г. в г.Колин или в его околицах[50], но они могли возникнуть намного раннее. При этом необходимо подчеркнуть, что недалеко от Колина находился прославленный Сазавский монастырь, где в XI в. процветали старославянская письменность и славянское богослужение. Указанные формы, объясняются иначе[51].

Главные аргументы, которые автор использовал для обоснования гипотезы о том, что КГЛ не древний памятник, а подделка XIX в., опровергаются текстологическими и лингвистическими соображениями, историей открытия листков[52].

Изучение КГЛ было бы неполным без обследования материальной части памятника физическими и химическими методами при помощи современных приборов.

Оптическое обследование памятника в Институте судебных экспертиз Министерства юстиции УССР, произведенное научными сотрудниками Т.И.Мороз и Ю.П.Поповым, показало, что в КГЛ нет никаких элементов письма, которые не были бы заметны невооруженным глазом, никаких элементов палимпсеста, написаний на смытом или соскобленном (известно, что подделки В.Ганки были окончательно разоблачены после обнаружения того, что они написаны на пергаменте, с которого удален другой текст).

В определении возраста памятника наиболее важен химический анализ чернил, что признают все слависты, в том числе и И.И.Хамм. Для анализа чернил КГЛ был избран метод масс-спектрометрии, при помощи которого можно определить атомный состав ничтожного количества вещества. Микропробы черного и красного красителей КГЛ были исследованы указанным методом на радиофизическом факультете Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко группой специалистов, в состав которой входили чл.-корр. АН УССР Н.Г.Находкин, кандидат физических наук Г.А.Зыков, старший инженер

---

49 *Hamm J.* Op. cit. — S. 76—77.

50 *Gebauer J.* Historicka mluvnice jazyka ceskeho, D. 9. Tvaroslovĺ. — C.1. Sklonovani. — Praha, 1960. — 178.

51 *Німчук В.В.* Указ. соч. — С. 47—48.

52 См. еще: *Німчук В.В.* Лексика Київських глаголичних листків на фоні словникового складу найдавніших слов'янських пам'яток // Слов'янське мовознавство: Доповіді. — К., 1988. — С. 185—208; *Schaeken J.* Op. cit. — S. 175—203, *Mathlassen T.* Kievbladene inytt lys? — Oslo, 1981 (Meddeleser. — N 26)' — S. 19; *Велчева Б.* Киевските листове // Славянска филология. — Т. 17. Езикознание. — София, 1983. — С. 236.

В.Т.Матвеев. Исследование показало, что чернила миссальной части КГЛ (л. 1об. — 7 об., которая по палеографическим и языковым признакам датируется IX—X вв.) и первой страницы (которая по тем же признакам относится к XII—XIII вв.) заметно отличаются по химическому составу, следовательно, первая страница и страницы 2 — 14 заполнены в разное время, разными лицами. Мнимый фальсификатор вряд ли делал бы чернила различного состава для отдельных страниц. Состав чернил более древнего текста КГЛ (миссала) по дифференциальным признакам (иттрий, медь, магний, кобальт) близок к составу красителя из отрывка Слепченского апостола XI—XII вв., хранящегося в ЦНБ АН УССР. Естественно, состав чернил письма В.Ганки, которое хранится там же, резко отличается от чернил древних памятников.

Комплексное исследование КГЛ показывает, что это не подделка или мистификация XIX в., а подлинный текст — древнейший памятник славянской письменности.

Т.И.Мороз,
Ю.П.Попов

ОПТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КИЕВСКИХ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ ЛИСТКОВ

Настоящие исследования проводились с целью выявления невидимых невооруженным глазом знаков и текстов, т.е. элементов палимпсеста, возможно, имеющегося на пергаменах КГЛ. Установление факта отсутствия либо наличия палимпсеста в КГЛ может являться косвенным доказательством, указывающим на их подлинность, либо подделку.

Как известно, в палимпсестах первоначальный текст может удаляться путем смывания и механической чистки пергаменных листов. При этом вместе со знаками иногда повреждается и поверхностный слой пергамена. Однако в толще его остается некоторое количество чернил, проникающее в результате физико-химического взаимодействия веществ чернил с пергаменом. Интенсивность проникновения чернил в пергамен зависит как от технологии обработки пергамена, так и от химического состава чернил (в частности, в рецептурах ряда чернил имелась свободная кислота, которая при определенных концентрациях могла способствовать не только проникновению чернил в толщу пергамена, но и вызывать частичное, либо полное его разрушение). Таким образом, для выявления палимпсеста необходимо применять методы, ориентированные на регистрацию незначительных количеств чернил, распределенных как на поверхности, так и в толще пергаменов.

Исходя из изложенного для исследования КГЛ были применены следующие методы: микроскопический, фотографирование в отраженных ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, фотолюминесцентный анализ.

При микроскопическом исследовании (микроскоп МБС-9, увеличение до 25^{x}, освещение — рассеянное, косонаправленное, проходящее) установлено, что листы пергамена КГЛ с одной стороны имели глянцевую поверхность, а с другой — матовую, по верхним линиям строк текстов наблюдались рельефные (с одной стороны вдавленные, а с другой — выпуклые) линии, на поверхности листов пергаменов имелись загрязнения отдельных наслоений коричневого цвета, а в нижних наружных углах ряда листов — наслоения синего цвета (цвет "берлинской лазури"); каких-либо окрашенных или рельефных штрихов, не входящих в конфигурацию читаемых знаков и составляющих элементы других рукописных знаков, не обнаружено.

Метод фотографирования в отраженных ультрафиолетовых лучах рекомендуется для выявления невидимых и слабовидимых текстов, исполненных железо-галловыми, кампешевыми чернилами на грунтованных или сухих, нежирных пергаменах[1] Он характеризуется сильным поверхностным поглощением и рассеянием, в связи с чем на светочувствительном материале регистрируется изображение поверхностного слоя пергамена. В ультрафиолетовой области спектра гидроокислы металлов, входящие в указанные чернила, обладают более высокой поглощающей способностью, чем в видимой области, а поглощение пергамена почти не изменяется. Большая разность в лучепоглощении является основой для реализации эффекта выявления невидимых знаков.

Для фотографирования КГЛ в отраженных ультрафиолетовых лучах использовались лампы СВД-120 и светофильтры УФС-8, выделяющие излучение в интервале длин волн 330—380 нм. При изучении полученных фотоснимков установлено, что читаемые знаки текста пергаменов уконтращиваются, но незначительно, а следы загрязнений имеют более высокий контраст; каких-либо штрихов знаков невидимого текста на фотоснимках не имелось. Незначительный рост контраста знаков может быть обусловлен поверхностной загрязненностью пергаменов.

С целью устранения экранирующего эффекта загрязнений проводилось излучение пергаменов КГЛ в **отраженных инфракрасных лучах.** Ближние инфракрасные лучи (800—1000 нм) характеризуются значительной проникающей способностью, в связи с чем загрязнения, особенно органического происхождения, такие, как плесневые образования, либо продукты их деятельности, пятна и затеки каких-либо растворов и др., для них являются прозрачными. В то же время инфракрасные

---

[1] *Эрастов Д.П.* Основные методы фотографического выявления угасших текстов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 54 с.

лучи хорошо поглощаются красящими веществами на основе графита, сажи, свинца, и несколько слабее железо-галловыми и кампешевыми чернилами. Поэтому в отраженных инфракрасных лучах можно увеличить контраст между пергаменом и текстом.

В отраженных инфракрасных лучах пергамены КГЛ изучались с помощью электронно-оптического преобразователя и путем фотографирования на инфрахроматические пластинки через светофильтры КС-19, ИКС-1 и ИКС-3. В результате на изображении пергаменов следы загрязнений частично либо полностью устранялись. На нижних наружных углах страниц наблюдалось уконтращивание слабо видимых штрихов знаков, выявлялась четкая граница воздействия на пергамен какого-то вещества; каких-либо следов палимпсеста на этих участках пергамена не обнаружено. На остальной части листов пергамена контрастность знаков значительно уменьшилась.

Для выявления невидимых знаков с ничтожно малым содержанием красящих веществ в штрихах были применены методы фотолюминесцентного анализа: видимой люминесценции, возбуждаемой ультрафиолетовыми лучами; красной и инфракрасной люминесценции, возбуждаемой отфильтрованным синим светом и излучением лазера ЛГ-38.

Метод видимой люминесценции по сравнению с методом отраженного ультрафиолета характеризуется сравнительно глубоким действием и большей чувствительностью, поэтому его использование оказывается эффективным для выявления не только смытых текстов, но и удаленных механической чисткой. Он позволяет выявлять тексты на жирных, негрунтованных пергаменах, с различными органическими загрязнениями, что является помехой при методе отраженного ультрафиолета. Для выявления невидимых текстов используется прием "светящего фона". Поглощенные пергаменом ультрафиолетовые лучи возбуждают его люминесценцию (свечение), причем свечение наблюдается не только от поверхности пергамена, но и более глубоких его слоев. Остатки же веществ чернил штрихов вызывают тушение люминесценции, в связи с чем на светящемся фоне наблюдаются темные штрихи знаков. Этим методом хорошо выявляются тексты, писанные чернилами, содержащими соли железа, хрома, свинца, ртути и др.[2]

Для возбуждения видимой люминесценции пергаменов КГЛ применялось излучение ламп ПРК-2 и СВД-120, отфильтрованное ультрафиолетовыми светофильтрами УФС-8 толщиной 5 мм. В качестве барьерных светофильтров использовались стекла СС-5 и ЖС-3. В результате визуального наблюдения картины люминесценции и фотографирования ее на фотопленку ФТ-11, ФТ-31, ФТ-32 установлено, что пергамен КГЛ обладает интенсивной люминесценцией, а знаки читаемого текста погло-

---

2 Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств / Под ред. Н.М.Зюскина, Б.Р.Киричинского. — М. Изд-во юрид. лит. 1962. — С. 416—456.

щают как ультрафиолетовое излучение, так и свечение пергамена. Контрастность знаков читаемого текста значительно увеличилась; каких-либо штрихов знаков, обладающих собственной люминесценцией или гасящих свечения пергамена, кроме тех, что читаются в обычных условиях освещения, на пергаменах не имелось.

При исследовании красной и инфракрасной люминесценции пергаменов КГЛ, возбуждаемой отфильтрованным сине-зеленым излучением ламп накаливания (лампы К-22, жидкий светофильтр 10 % раствора медного купороса) и излучением лазера ЛГ-38 (длина волны излучения 633 нм, мощность 50 мВТ) и сфотографированной через барьерные светофильтры КС-15, КС-17, КС-18 на изопанхроматические и инфрахроматические фотоматериалы, установлено, что свечение пергамена отсутствует, каких-либо люминесцирующих штрихов при этом не наблюдалось.

Таким образом, примененные методы и полученные при этом результаты дают достаточные основания для вывода об отсутствии в КГЛ палимпсеста.

ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРАСЯЩЕГО ВЕЩЕСТВА ПЕРГАМЕНОВ КГЛ

При осмотре КГЛ и изучении знаков текста с помощью лупы было установлено, что штрихи знаков текста нанесены красящим веществом глубокого черного цвета, не имеющего каких-либо оттенков. Красящее вещество в штрихах распределяется равномерно значительным слоем, пигмент в них располагается в основном на поверхности пергамена, незначительно проникая в глубь подложки.

По установленным внешним признакам и характеру распределения красящего вещества в штрихах знаков был предположительно сделан вывод, что красящее вещество, которым выполнены знаки текста КГЛ, относится к железо-галловым чернилам.

Железо-галловые чернила являются разновидностью железодубильных чернил, употреблявшихся для письма переписчиками уже во II в. н.э. в Риме. Широкое их применение началось с VII в.[3]

Вначале для изготовления железодубильных чернил применялись вытяжки из толченных чернильных орешков и солей железа. Чернильные орешки (галлы) представляют собой шарообразные или продолговатые наросты (диаметром 1,5—2 мм), образующиеся на молодых ветвях и листьях некоторых видов дуба и сумахи под влиянием развития в них личинок насекомых — орехотворок или тлей. В этих орешках содержится большое количество дубильных веществ (до 70 % сухой массы)[4]. Дубильные вещества (танин, галловая кислота) и закисное

---

[3] Edmond Locard "Traite de criminalistique". — Lion, 1937. — Vol. 7. — 1014 p.
[4] БСЭ. — М.: Сов. энцикл., 1978. — т. 29. — С. 88.

соединение железа (железный купорос) образуют комплексное соединение черного цвета в виде дубильного кислого железа. Такие чернила назывались первоначально железо-орешковыми.

Впоследствии, когда было установлено, что в состав дубильных веществ чернильных орешков входит танин, то его непосредственно стали применять для изготовления таких чернил. Чернила на базе танина стали называться железо-таниновыми.

В более позднее время было установлено, что одной из составных частей танина, участвующей в образовании комплексного соединения железа, является галловая кислота, которую стали использовать для выработки такого вида чернил. Эти чернила получили название железо-галловых.

В конце XVII в. в железо-галловые чернила стали добавлять для глубины цвета синий краситель индиго, а в середине XIX в. в них добавлялся краситель маренго в смеси с индиго. Чернила с дополнительными красителями называются ализариновыми.

В настоящее время все типы железодубильных чернил больше известны как железо-галловые.

Для железо-орешковых (старых железодубильных) чернил характерна глубокочерная окраска, которая достигается тем, что смесь растворов дубильных веществ (вытяжек из чернильных орешков) и железного купороса подвергают так называемому созреванию. В процессе созревания проходит окисление закисного железа в окисное и образование соединения черного цвета, которое в готовых чернилах будет находиться в виде взвеси.

В более позднее время при изготовлении чернил на базе танина и галловой кислоты (железо-таниновые и железо-галловые чернила) процесса созревания смеси дубильных веществ и железного купороса в растворе не проводилось. Штрихи, нанесенные на бумагу такими чернилами, в первоначальный момент имеют светлосерый цвет. Под действием кислорода воздуха в результате окислительно-восстановительных процессов эти штрихи темнеют и приобретают черную окраску. Однако эта окраска непрочная и со временем при продолжительном хранении начинает изменяться, как бы блекнуть. Штрихи знаков текста приобретают сначала коричневый цвет, а затем меняют его на желтый.

Штрихи знаков текста, нанесенные на подложку документа (бумагу, пергамен) старыми чернилами типа железо-орешковых, отличаются от более поздних железо-галловых чернил, изготовленных на базе танина и галловой кислоты, тем, что пигмент в первых штрихах располагается на поверхности бумаги и имеет глубокочерную и устойчивую окраску, а во вторых штрихах пигмент образуется уже в самих штрихах и более глубоко проникает в толщу подложки.

Поскольку одним из основных компонентов железо-галловых чернил, не изменяющихся со временем, являются соли железа, то для

установления вида чернил изучается их реакция с 18 %-ным раствором соляной кислоты.

При действии соляной кислоты на железо-галловые чернила, содержащие временный краситель, который добавлялся для глубины цвета, происходит изменение первоначальной окраски вследствие разложения соединения железа до цвета временного красителя (голубого, синего, зеленого), а чернила, не содержащие временного красителя, обесцвечиваются.

Черные чернила на основе анилиновых красителей, которые стали применяться с конца прошлого столетия, под воздействием 18 %-ной соляной кислоты либо совсем не изменяют окраску, либо по краям появляются незначительные расплывы красноватого цвета.

Черная тушь, которая также может быть использована для фабрикации старых рукописей, под действием 18 %-ной соляной кислоты не изменяет первоначальной окраски и не образует какихлибо расплывов.

В 60-х годах XVIII ст. начали использовать черные чернила под названием кампешевых, которые под действием 18 %-ной соляной кислоты образуют вначале красноватые расплывы, со временем принимающие пурпурно-красное окрашивание (основными компонентами кампешевых чернил являются экстракт кампешевого дерева и хромпик, которые в соединении дают сине-черное окрашивание)[5]

Для определения вида чернил, которыми исполнены тексты на пергаменах КГЛ, при помощи капилляра на штрихи знаков текста страниц наносили микрокапли 18 %-ного раствора соляной кислоты, при этом наблюдалось обесцвечивание первоначальной (черной) окраски штрихов.

Для выявления ионов железа в чернилах дополнительно проводилась качественная реакция с 1 %-ными растворами роданида аммония и желтой кровяной соли (железистосинеродистого калия).

Нанесенные для определения вида черных чернил микрокапли 18 %-ного раствора соляной кислоты снимали со штрихов фильтровальной бумагой и наносили на них соответственно микрокапли 1 %-ных растворов роданида аммония и железистосинеродистого калия. В первом случае наблюдалось кроваво-красное окрашивание капель в результате образования роданида железа, во втором — синее окрашивание вследствие образования берлинской лазури.

Данные признаки позволили сделать вывод, что знаки текста на пергаменах КГЛ выполнены железо-галловыми чернилами, не содержащими временного красителя, а морфология штрихов знаков позволяет предположить, что эти чернила изготовлены по старой рецептуре.

---

[5] *Соколов С.М.* Судебно-химическая экспертиза вещественных доказательств. — М. : Медицина, 1964. — 1964. — 310 с.

В.В.Нимчук, Н.П.Визирь,
Ю.П.Попов, Г.А.Зыков

ЛАЗЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КИЕВСКИХ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ ЛИСТКОВ

Для исследования элементного состава чернил и пергамена Киевских глаголических листков, а также других памятников письменности была применена методика двухканальной масс-спектрометрии с лазерным зондированием образцов, разработанная на радиофизическом факультете Киевского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко. По этой методике отбор пробы и ионизация испаряемого вещества осуществлялись сфокусированным на образец мощным излучением лазера. Исследование при помощи времяпролетного масс-спектрометра состава образующейся при этом импульсной плазмы позволяет получить информацию об атомарном (элементном) составе вещества, из которого состоит облучаемый объект. Анализ состава вещества производится по однократно ионизированной компоненте, так как применение лазера, работающего в режиме с модуляцией добротности, дает высокую (~ 98 %) эффективность ионизации вещества, поэтому нет необходимости производить его дополнительную ионизацию. Кроме того, в этом режиме работы лазера формируются компактные, за счет применения энергоанализатора, оптимальной длины дрейфа и ионного зеркала, ионные пакеты, каждый из которых соответствует определенной массе атома М/е в составе анализируемого вещества. Ме-

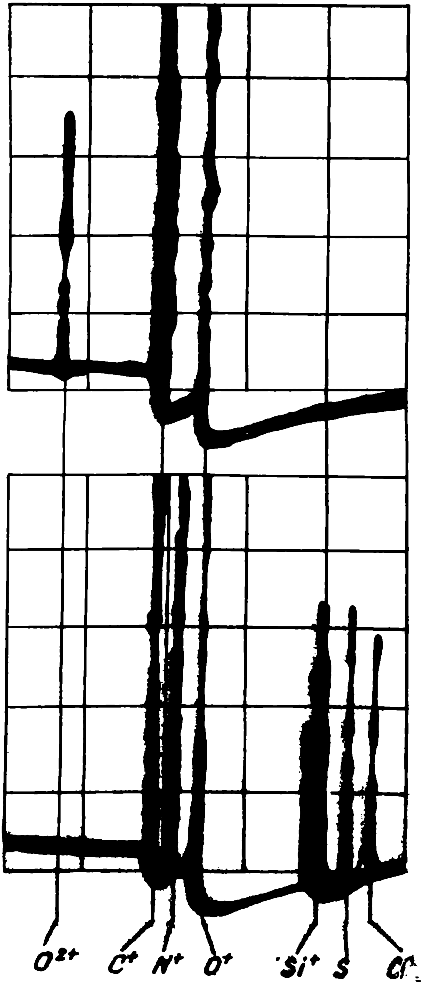
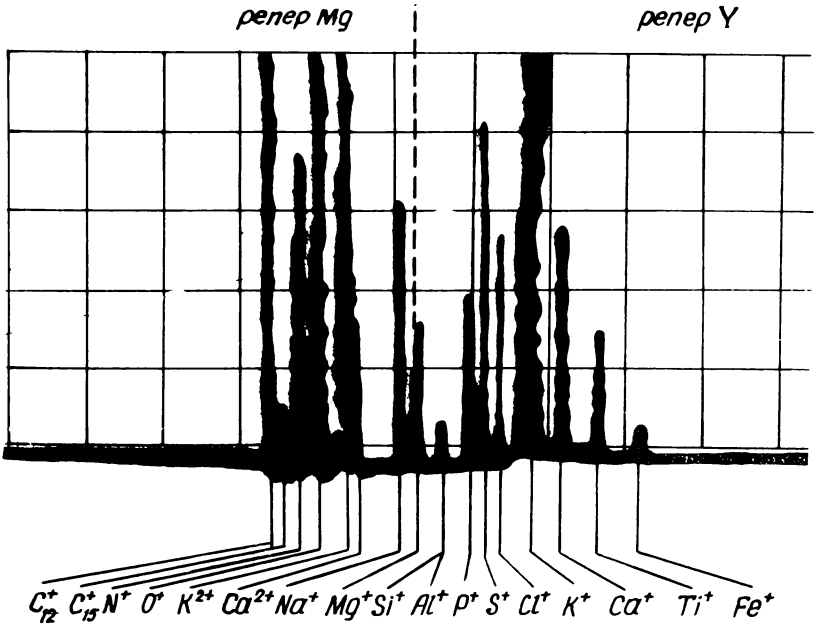
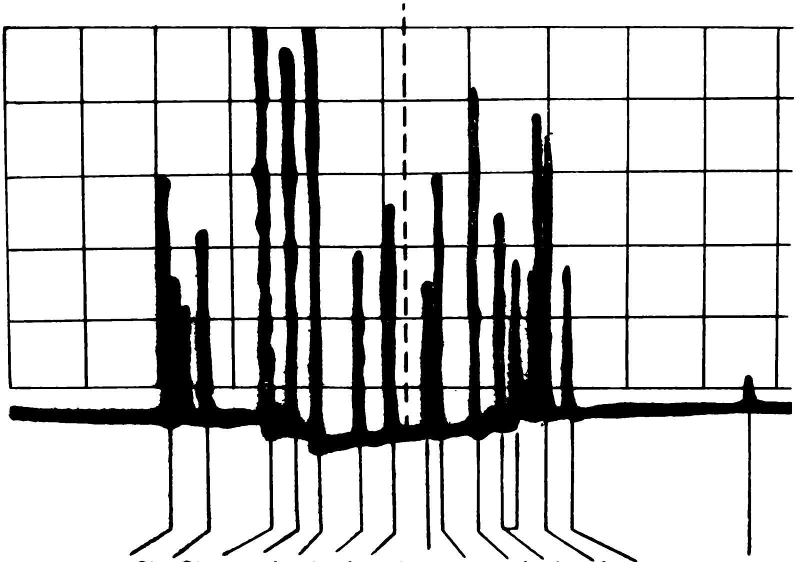

Рис. 1

репер Mg
репер Y
C^+_{12}
C^+_{13}
N^+
O^+
K^{2+}
Ca^{2+}
Na^+
Mg^+
Si^+
Al^+
P^+
S^+
Cl^+
K^+
Ca^+
Ti^+
Fe^+

C^{2+}
O^{2+}
C^+
N^+
O^+
F^+
Na^+
Al^+
Si^+
S^+
Cl^+
K^+
Ca^+
As^+

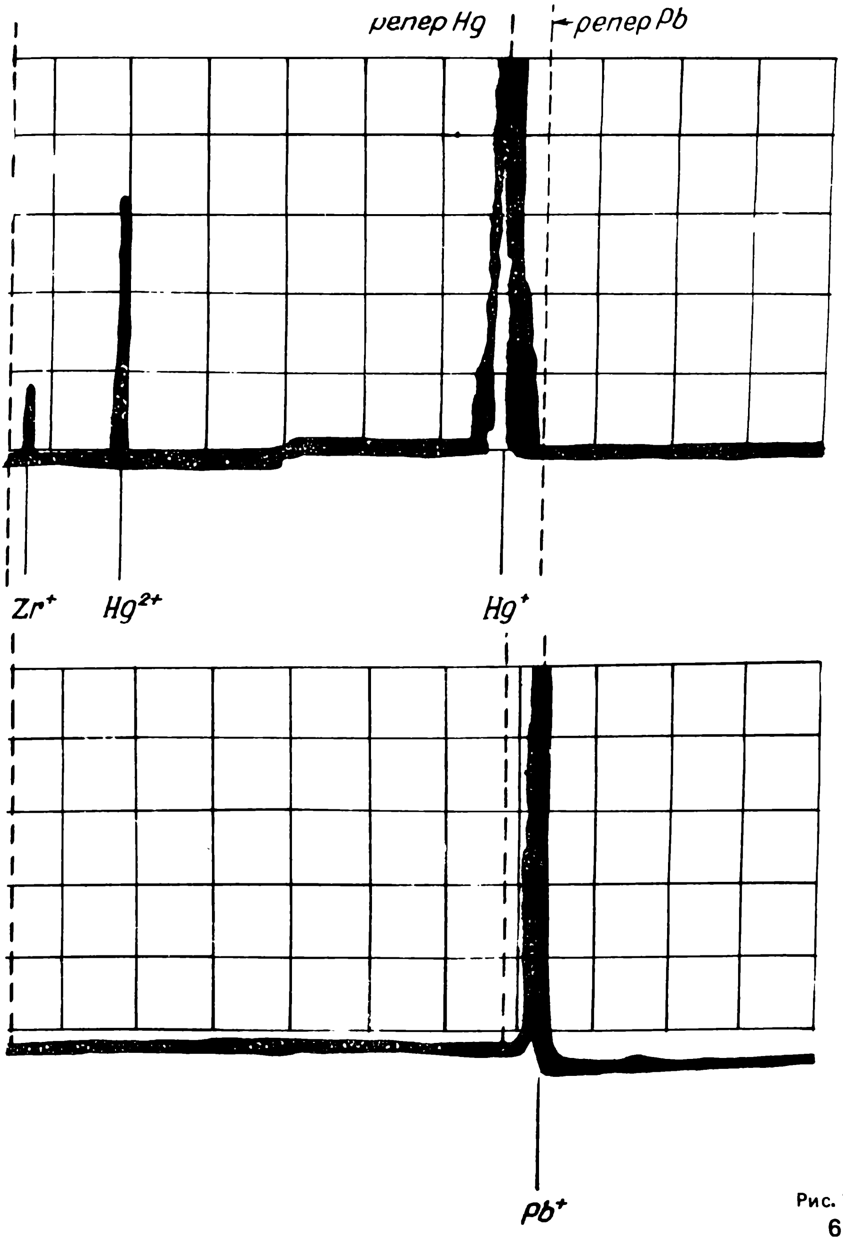

Рис. 2

тод и конструкция прибора подробно описаны в работе[1] Здесь лишь можно отметить основные его преимущества:

1. Абсолютная и концентрационная чувствительность составляет соответственно 10^{-9} Г и 10^{-4} %. На один анализ требуется 10^{-6} Г вещества.

2. Локальность, с которой производится анализ объектов, составляет 100—200 мкм по поверхности и около 1—2 мкм по профилю образца за один импульс лазерного излучения. Последовательное облучение импульсами лазера объекта в одной и той же точке на его поверхности дает возможность установить изменение атомного состава по глубине образца, либо определить наличие всевозможных наслоений с указанным разрешением по профилю.

3. Метод применим для образцов произвольной формы, любой физической природы без какой-либо их предварительной обработки, если это не предусмотрено условиями эксперимента.

4. При помощи разработанного прибора можно оперативно и с высокой точностью производить анализ на все элементы Периодической системы (от 1 до ~ 300 атомных единиц массы) с разрешающей способностью ~ 500, что дает возможность производить и изотопный анализ элементов. Приближенно количественное содержание интересующих элементов можно определить путем сравнения с эталонными образцами.

5. Важной особенностью метода является высокая гигиена отбора пробы. Контакт пробы с другими материальными объектами, кроме лазерного импульсного излучения, отсутствует и, следовательно, "загрязнение" ее масс-спектра линиями посторонних элементов исключено, тем более что процесс облучения объекта происходит в условиях высокого вакуума.

Анализ чернил Киевских глаголических листков (КГЛ) производился следующим образом.

При помощи тонкой трубки диаметром менее 1 мм с заточенными острыми краями и иглы снимался тонкий слой чернил с какой-либо выбранной буквы в тексте и переносился на фильтрованную бумагу с нанесенным на нее тонким слоем клея БФ-2 для закрепления пробы. Этот метод отбора пробы практически не нарушал ни самого документа, ни даже самой буквы, так как диаметр и толщина пробы оказывались всегда меньше размера линии написания буквы, в то же время для проведения анализа количество вещества в пробе вполне достаточно для проведения нескольких измерений.

На рис. 1 приведены масс-спектрограммы клея БФ-2 (*а*) и фильтровальной бумаги (*б*). Они довольно просты, кроме органических соединений только в фильтровальной бумаге видны дополнительные следы

[1] *Леонгардт Д.С.* Чернила, их происхождение и значение // Реставрация и дезинфекция книг и бумаг / Центр. реставрац. мастерские. — М., 1939. — С. 157—162.

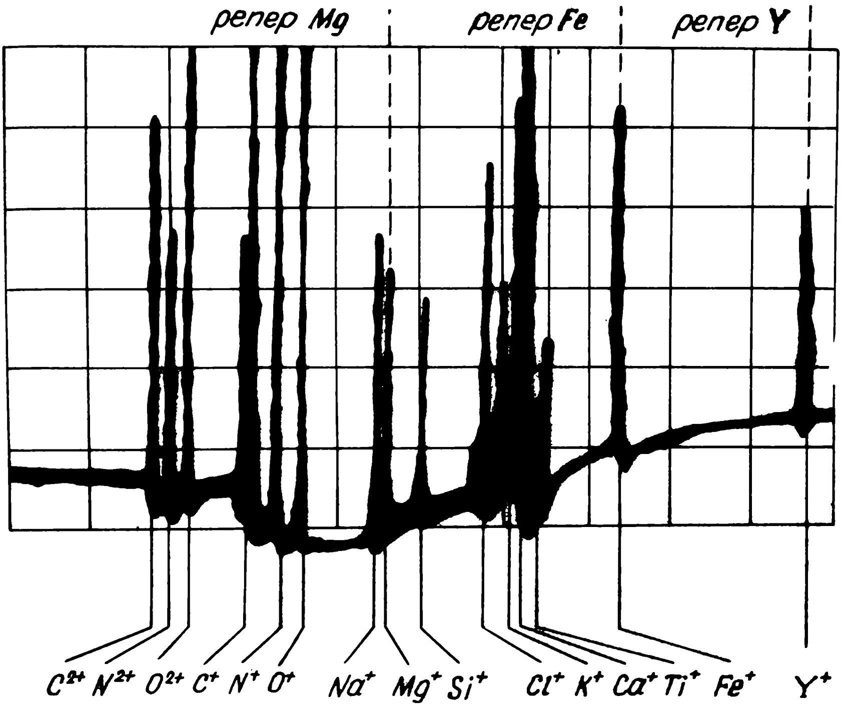

Рис. 3

примесей кремния, серы и хлора. На рис. 2 (*а*) приведен масс-спектр буквы красного цвета КГЛ (стр. 10, 9-я строка сверху, 3-я буква от конца). Видно, что в красителе имеется много различных примесей, среди которых выделяется примесь свинца. На рис. 2 (*б*) для сравнения приведен масс-спектр буквы красного цвета из греческого евангелия (датируемого XIII в.). Среди многочисленных примесей здесь уже выделяется примесь ртути. Таким образом, из сравнения этих спектров следует, что для написания букв красного цвета в КГЛ использовался, по-видимому, сурик (PbO_2) в отличие от греческого евангелия, где красным красителем была киноварь (HgS).

В черном красителе букв КГЛ содержалось много железа, а также других примесей, как это видно из масс-спектрограммы на рис. 3. Наличие примеси железа может служить подтверждением того, что при написании КГЛ использовались галловые чернила, приготовленные, по-видимому, на основе чернильно-орешковой кислоты и окисленного железа. Такими чернилами на протяжении длительного периода обычно пользовались для написания книг. Различие в чернилах необходимо искать не по содержанию железа, а по примесям других элементов, которые могли попадать в процессе их приготовления и наличие или от-

сутствие которых может свидетельствовать о месте и времени изготовления чернил.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в первых двух листах КГЛ отсутствовала такая примесь, как иттрий, тогда как на других страницах основной части КГЛ эта примесь обнаруживалась в заметном количестве (см. рис. 3). Различие в спектрах двух первых и последующих листков проявлялось и по другим примесям, например магния: в первых двух листках эта примесь обнаруживалась, а в последующих — отсутствовала.

Результат такого экспериментального исследования необходимо принимать во внимание при лингвистическом исследовании КГЛ. Различие атомного состава чернил первых двух и последующих КГЛ может подтверждать вывод о разном времени и месте их написания. Таким образом, можно сделать вывод, что использование лазерного источника ионов для локального масс-спектрометрического микроанализа атомного состава веществ вполне пригоден и полезен для исследования памятников письменности и может быть успешно применен не только для исследования древних рукописей, но и для исследования других памятников культуры — произведений изобразительного искусства, металлических изделий, керамики, других материалов.

И.П. Чепига

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА — ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Среди памятников украинского языка особое место занимает Пересопницкая рукопись (шифр: 1.15512), представляющая собой перевод четвероевангелия на староукраинский литературно-письменный язык середины XVI в., называемый в филологической литературе "проста мова", т.е. книжный украинский язык, близкий к разговорному. К этому времени данный язык господствовал на Украине уже во всех видах письменности, кроме произведений, связанных с церковным культом, где оставался язык церковнославянский, хотя и с определенными местными элементами (славяно-русский). Несмотря на тесную взаимосвязь церковнославянского и книжного украинского языков, отличия между ними со временем возрастали, церковнославянский язык становился все менее понятным для людей, специально не подготовленных. В связи с этим возникла проблема перевода культовых текстов на понятный для народа родной язык. Попытки таких переводов известны в XV — первой половине XVI в., среди них были и переводы новозаветных книг. Идея переводов конфессиональных текстов на живые

народные языки поддерживалась и реформаторским движением, которое в XVI в. через Польшу проникало на Украину. "Реформация, — писал К.Маркс в письме к Ф.Энгельсу, — принесла с собой перевод библии на все наречия славянских народов. С Реформацией связано, во всяком случае, пробуждение национальностей"[1]

Важную роль в деле перевода культовых книг на народные языки сыграл у восточных славян белорусский ученый просветитель, общественный и культурный деятель, уроженец Полоцка Франциск (Георгий) Скорина, который в 1517—1519 гг. напечатал в Праге 22 старозаветные книги в переводе на так называемую "руську мову" под общим названием "Бiблия руска"[2]. Во второй половине XVI в. известен также перевод евангелия на старобелорусский язык, осуществленный В.Тяпинским[3]

С середины — второй половины XVI в. дошло несколько переводов евангельских текстов на украинский литературный язык[4]. Хронологически первым среди известных в настоящее время таких переводов является Пересопницкое евангелие (1556—1561 гг.).

Рукопись предназначалась для церковного богослужения. Она представляет собой типичный текст четвероевангелия православного образца. Евангельским текстам предшествует предисловие Феофилакта Болгарского. В состав рукописи входит указатель евангельских чтений, кроме того, перед каждым евангелием есть указатель его основных составных частей, послесловие переписчика после каждого евангелия, большое послесловие в самом конце рукописи и месяцеслов с указанием чтений по месяцам, начиная с сентября. В отличие от распространенных у восточных славян евангелий, где текст делился на зачала, в Пересопницкой рукописи, кроме того, есть еще деление на главы, как принято было в западнославянских переводах. Каждую главу открыва-

---

1 *Маркс К.* Маркс — Энгельсу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 29. — С. 18.

2 *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. — Спб., 1888. — С. 100—172; *Флоровский А.В.* Чешская библия в истории русской культуры и письменности // Sbornik filologicky. — 1940. — 194b. — Sv. 12. — S. 153—258; *Журaўскi А.I.* Мова друкаваных выданняў Ф.Скарыны // 450 год беларускага кнiгадрукавання. — Мiнск, 1968. — С. 277—304.

3 *Довнар—Запольский М.В.* В.Тяиинскии, переводчик евангелия на белорусское наречие // Изв. отд. рус. яз. и словесности. — 1899. — Т. 4. — С. 1031—1064; *Журaўскi А.I.* Тыпы i асаблiвасцi глос у "Евангеллi" В.Цяпiнскага // Пр. Iн-та мовазнаўства АН БССР. — 1960. — Вып. 7. — С. 213—226.

4 Например, Волынское евангелие. См. *Трипольский Н.* Волынское рукописное евангелие XVI в. // Волын. ист.-археол. сб. — 1900. — Вып. 2. — С. 1—114; Хорошевское евангелие (или евангелие Негалевского), переведенное в 1581 г. с польского текста Валентином Негалевским в с.Хорошеве на Волыни. — Рукопись хранится в Отделе рукописей ЦНБ УССР, шифр: 421 (1636). См. также: *Назаревский А.А.* Язык евангелия 1581 г. в переводе В.Негалевского. — Киев, 1911; отрывок Летковского евангелия в церковнославянском тексте, найденном в с.Летках (ныне Броварского р-на Киевской обл.). См. *Грузинский А.С.* Из истории перевода евангелия в Южной России в XVI в. // Чтения в истор. о-ве Нестора летописца. — 1911. — Кн. 22, вып. 1/2. — С. 42—79; вып. 3. — С. 81—124; 1912. — Кн. 23, вып. 1. — С. 1—48.

ют суммарии. Деление текста на главы и наличие суммариев создатели Пересопницкой рукописи связывают с борьбой против польско-католической экспансии на украинских и белорусских землях в XVI в. В процессе национально-религиозной борьбы с латиноуниатами украинские книжники старались создать такое орудие культа, которое могло бы импонировать и врагам. В послесловии переписчик Пересопницкой рукописи так объясняет наличие в ней суммариев: "Не безь причины соу (т) написанӹ. Але абӹ єси зналь, иже єдинья глава, замыкаєть в (ь) собѣ. кол (ь) ко зачаль. и што єсть в неи написано. Ты (ж) длѧ людїи законоу рим (ь) ского, сире (ч) латинѧнь. иже в нихь не взываю (т) сѧ зачала. єдно капитоулы. А по нашему языкоу главы. боуде лиѡ нѣ тебе ѡ што просити. абы єси ємоу не медло, сиречь бо (р) зо нашедьши оуказаль" (443–443 об.)[5]

Рукопись Пересопницкого евангелия представляет собой том in folio, переплетенный в дубовые доски, обтянутые зеленым бархатом, уже довольно потертым. Текст написан на пергаменте хорошего качества, но не одинаковой толщины. Основной текст выписан большим уставным письмом, высота букв 7 мм, ширина 5–11 мм (11 мм достигают буквы ж, м, ѡ, ш, щ), толщина вертикальных линий 1,5–1,75 мм. Письмо очень чистое и аккуратное[6]. На каждой странице 20 строк основного текста. Кроме того, есть в рукописи и так называемое "дробное" письмо, которым написаны суммарии, глоссы (объяснения малопонятных слов и выражений), сделаны приписки переписчика после каждого евангелия и два послесловия, одно из которых следует сразу после приписки за евангелием от Иоанна, другое — в самом конце рукописи. Текст написан черными чернилами, которые хорошо сохранились. Кроме того, в рукописи много киновари. Так, киноварью обозначена нумерация глав и зачал, сделаны указания на боковых полях, когда надо читать то или ное место текста, начальные буквы зачал и суммариев, различные замечания на полях, кроме пропусков текстов и глосс, так называемые большие точки, указания в тексте и соответственно на поле о пропусках и дописываниях. Много киновари также в указателе евангельских чтений.

Пагинация листов и кустодии отсутствуют. По традиции того времени кириллическими буквами на нижнем поле пронумерованы лишь тетради. Рукопись состоит из 63 тетрадей, количество листов в каждой из них неодинаковое (6, 7, 8, 9). Видны следы аккуратно вырезанных листов, однако текст не разорван. Вероятно, каждая тетрадь первоначально сшивалась по 10 листов, а потом сам переписчик во время рабо-

[5] Цитируя текст памятника, в конце цитаты в скобках указываем номер листа.

[6] Характеристику палеографических особенностей рукописи шире см. *Грузинский А.С.* Палеографические и критические заметки о Пересопницкой рукописи // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1912. — Апрель. — 4.38. — С. 320–335; *Житецкий П.* Описание Пересопницкой рукописи XVI в. с приложением текста евангелия от Луки. — Киев, 1876. — С. 4–5.

ты мог вырезать испорченные им листы. Всех листов (вместе с первым чистым) насчитывается 482, то есть 964 страницы. Позднее рукопись пропагинирована карандашом. Памятник хорошо сохранился. Отсутствует, вероятно, лишь один рисунок, о котором идет речь в первом предисловии: "Видьте а внимаите собѣ. Абы єсте на (м) пишучи (м) сїє єѵ (г) лїе пре недозорь свои, не зле речили. Што єсмо мели в предьписа (н) но (м) ключи, а постановлен (ь) но (м) в сеи книзе, пре (д) (сты (м) єѵ (г) глїсто (м) ма (т) ѥесмь по (д) дьшкою врѣхнею. На ко-(то) рои то єсть вы ѡ бражен (ь) но распѧтїє г҃а б҃а, сп (с) тлѧ нашего і҃с х҃а" (443). Изображение данного распятия не сохранилось.

В рукописи довольно сложная система пунктуационных знаков. Наиболее часто употребляется точка. Обыкновенная простая точка, написанная черными чернилами, заменяет и другие, соответствующие современным, пунктуационные знаки: запятую, двоеточие, вопросительный и восклицательный знаки. Запятая в тексте рукописи встречается сравнительно редко. Есть еще черная четырехугольная точка в виде ромба (⧫), она разделяет довольно большие отрезки текста, имеющие определенную смысловую самостоятельность. Обе черные точки могут сочетаться с косой линией (.), (⧫). Кроме того, наличествует еще пунктуационный знак, который П.Житецкий назвал пикой (⧫-), он часто стоит в сочетании с точкой и, возможно используется в художественном оформлении текста. Чаще всего его место в конце зачал, глав или отдельных чтений. Есть еще красная точка — круглая и четырехугольная. П.Житецкий и Н.Думитрашко считали, что они отделяют в тексте стихи[7] На самом деле деление на стихи в Пересопницком евангелии отсутствует. В первой главе евангелия от Матвея, например, которая должна состоять из 25 стихов, всего три красные точки, в главе третьей — две.

Место создания памятника — Волынь. Об этом есть указание в самой рукописи: "Доконана єсть прѣшаа часть Наоуки ситанѧ презѣ рокѣ с҃то єѵ (г) лїса. В дво (р) ци монастыри жеслав (ь) ск ѡ (м). При ц҃ркви сты ѧ и живоначал (ь) ны ѧ тр (о) ци" (3).

Данную цитату различные исследователи толковали по-разному. П.Г.Житецкий, например, не заметил надстрочного р в слове **дво (р) ци**, прочитал его **двоци** и перевел как "девичий"[8]. А.Сендульский, описывая город Заслав, отмечал, что Пересопницкое евангелие переведено частично при Пересопницком монастыре, а частично "в девичьем монастыре Жеславском"[9] В.Стасов в работе об орнаментальном оформлении рукописей предложил снимки некоторых страниц Пересопницкого евангелия и в сопроводительном тексте к одной из таб-

---

7 *Думитрашко Н.* Замечательная рукопись Полтавской семинарии Пересопницкое евангелие. — Полтава, 1874. — С. 6; *Житецкий П.* Указ. соч. — С. 25.

8 *Житецкий П.* Указ. соч. — С. 11.

9 *Сендульский А.* Город Заслав // Волын. епарх. ведомости. — 1875. — № 20. — С. 797.

лиц замети, что книга переписана в монастыре святой Троицы в Жеславе[10].

А.С.Грузинский считал "в дво(р)ци" топонимом[11] В доказательство своей мысли он приводит текст акта, по которому Дворецкий монастырь с церковью святой Троицы получал определенные владения, среди которых было и село Дворец[12].

Село Дворец отмечено на территории современного Изяславского р-на Хмельницкой обл. (на юго-запад от Изяслава). Возможно, Дворецкий монастырь известен и как женский монастырь в самом Заславе (Изяславе)[13] Игуменьей в нем под именем Параскевы была жена князя Заславского Козьмы Ивановича Анастасия Юрьевна по происхождению из рода Ольшанских (Гольшанских)[14], на средства которой, как свидетельствует переписчик Пересопницкого евангелия, и был осуществлен перевод и переписывание Пересопницкой рукописи: "Накладомь бл҃говер (ь) нои, и хр (с) толюбивом кн҃гнѣ Козминои Ивановича Жесла (в) скои. Кн҃гинѣ Параскевр'їи Вѣзван (ь) нои Настасѣ Юревны Голша (н) ско (г) [о]" (481об.).

Окончен перевод и переписывание текста в Пересопнице[15]: "За помочоу божою єсть сьврьшена четвертаа книга нового закона... при ц҃ркви рождества б҃цародичина (!) монастыра прьвосоп (ь) никового" (!)[16] (442 об.).

Таким образом, первая часть рукописи была создана в Троицком Дворецком монастыре князей Жеславских, а вторая — в Пречистенском монастыре в Пересопнице.

Некоторое время рукопись была собственностью Пересопницкого монастыря. По крайней мере еще в 1600 г. евангелие хранилось там. В инвентаре Пересопницкого монастыря под этим годом среди прочих церковных вещей упоминается и "евангелие... тетр писаное, атласом зеленым крытое, на нем сребра белого бляшек пять"[17]. Далее на про-

---

10 *Стасов В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени / Собрал и исследовал Владимир Стасов. — Спб., 1884—1887. Объяснительный текст. — С. 16—17.

11 *Грузинский А.С.* Пересопницкое евангелие как памятник искусства эпохи Возрождения в Южной России в XVI в. // Искусство. — 1911. — № 1. — С. 1—2.

12 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1361—1598. — Спб., 1863. — С. 140.

13 *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. — Спб., 1897. — С. 66.

14 Там же.

15 Пересопница — село Ровенского р-на Ровенской обл. на берегу р. Стублы (бассейн Припяти). В XVI в. было собственностью князей Чарторыйских, которые учредили здесь Пречистенский монастырь.

16 Здесь явная ошибка. Ср.: Архиман (ь) дритомь пересопницкимъ (481об.), архима (ь) дрита пересопницкого (482).;

17 Инвентарь Пеесопницкого монастыря и села Пересопницы, составленный бывшим его игуменом Симеоном Косовским при передаче монастыря своему преемнику игумену Макарию Созанскому 1600 года октября 25 // Архив

тяжении столетия о памятнике нет никаких сведений. В 1701 г. евангелие было подарено Переяславскому кафедральному собору. Упоминание об этом есть на страницах самой рукописи[18] Позднее памятник хранился в библиотеке Переяславской духовной семинарии[19] а когда семинарию перевели в Полтаву, туда перевезли и библиотеку вместе с Пересопницкой рукописью[20] В Полтаве памятник находился до Великой Отечественной войны. В начале войны Пересопницкая рукопись вместе с другими экспонатами музея была эвакуирована на восток. После освобождения Украины от фашистской оккупации книга была доставлена в Киев и оказалась в фондах музея-заповедника Киево-Печерской лавры. Там ее разыскал проф. С.И.Маслов; Благодаря его усилиям рукопись была передана на хранение в Отдел рукописей ЦНБ АН УССР[21]

Впервые в научный обиход Пересопницкое евангелие ввел магистр Московского университета, ученый секретарь Императорского общества истории и древностей российских, бывший воспитанник Полтавской семинарии И.М.Бодянский, который разыскал рукопись в библиотеке Переяславской духовной семинарии и в 1838 г. доложил о ней в донесении министру народного просвещения графу Уварову[22]. Некоторые сведения о рукописи есть у М.Максимовича[23] П.Белецкий-Носенко в статье "О язьщь малороссійскомь", предваряющей текст его

юго-западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Киев, 1883. — Т. 6. — С. 294.

18 На листках 2, 3, 4, 5, 6, 7 на нижнем поле есть такая запись: "Сїе єв (ан) г (е) - лїє прислано и дано єсть от ясневел (ь) можного єго ми (л) ости п.пана Іωанна Мазепы, Войскь его Цр (с) кого Пресвѣтлого Величества Запорозки (х) Обоихь Сторон Днѣпра Гетмана, и Славного Чина Стго Ап (ст) ла АндреѦ Кавалера, до Пре (с) тла ПереѦславского єп (с) кого; который ω (т) его жѣ Ктиторской Мл (с) ти создань, ω (т) новлень, и драгоцѣнными утвари црковными оукращень, при преосще (н) но (м) єп (с) пѣ Захарїи Корниловичѣ Року аωа, апрлѦ зі днѦ".

19 На полях тех же листов ниже размашистой скорописью написано: Ex libris Bibliothecae Seminary Parvo Rutheni Pereiaslaviensis (Из книг библиотеки семинарии малорусской Переяславской).

20 На л.1 рукописи есть штамп Музея Полтавщины. См. также: *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июня 1910 г. // Унив. изв. 1911. — Февр. — С. 10—15. Некоторые сведения о судьбе памятника на протяжении 70-х гг. XIX в. см. : *Драгоманов М.* Литературно-политические заметки // Драгоманов М. Собрание политических сочинений. — Париж, 1906. — Т. 2. — С. 579.

21 Детальнее об этом см.: *Шубинський І.* Рукопис у дерев'яній скриньці // Друг читача. — 1966. — 9 серп.

22 Донесение г. министру народного просвещения магистра Московского университета Иосифа Бодянского из Праги от 25 марта ст. ст. 1838 г. // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1938. — Кн. 5. — С. 392—400.

23 *Максимович М.А.* Воспоминание о городах Пересопнице и Дубровице и о князьях, ими владевших // Киевлянин. — 1840. — Кн. 1. — С. 232—244; *Максимович М.А.* Книжная старина южнорусская. Гл. 1. Начало книгопечатания в Южной Руси // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. — М., 1849. — Кн. 1. — С. 1—2.

"Малороссійского словаря"[24], говорит о Пересопницком евангелии как о памятнике украинского языка. В Полтаве рукописью заинтересовалось большое количество исследователей. Первым обратил внимание на нее полтавский протоиерей и любитель древностей Н.Думитрашко. Ему принадлежит детальное описание памятника[25]

Большое внимание рукописи в дореволюционное время уделил П.Житецкий. В 1874 г. он подготовил реферат о Пересопницком евангелии и прочитал его на III Археологическом съезде. Позже он опубликовал этот реферат, приложив к нему полный текст евангелия от Луки и отрывки из других евангелистов[26] Данный текст впоследствии использовало большинство исследователей истории украинского языка. П.Житецкий описал историческое обстоятельство, при которых была создана рукопись, охарактеризовал палеографические и некоторые фонетические особенности памятника, подчеркнув при этом значение его для изучения истории украинского языка.

В начале нашего века изучением рукописи занимались участники Семинарии Н.Перетца. Предметом их исследования были, в частности, палеографические особенности рукописи в связи с решением вопроса об автохтонности памятника, а также определение ее источников[27] Кроме того, источники Пересопницкого евангелия изучал польский лингвист Я.Янов[28]

В советское время проблемой Пересопницкого евангелия занимался П.П.Плющ[29] Однако задачи, стоящие перед исследователями истории украинского языка в связи с Пересопницким евангелием, не могут быть полностью решены, пока не будет осуществлено научное издание текста памятника.

Внимание ученых привлекало также оформление рукописи, в частности ее орнамент, изучение которого специально занимались А.Грузинский и Г.Павлуцкий[30] Сущность их выводов сводилась к тому, что орнамент Пересопницкой рукописи является типичным образцом итальянского орнамента эпохи Ренессанса (архитектурные мотивы, причудливый стиль, преимущество образцов растительного мира). Однако П.Житецкий, которого интересовал прежде всего язык рукописи и

---

24 *Білецький-Носенко П.* Словник української мови Підгот. до вид. В.В.Німчук. — К., 1966. — С. 22.

25 *Думитрашко Н.* Указ. соч.

26 *Житецкий П.* Указ. соч.

27 *Грузинский А.С.* Указ. соч.; *Каманин И.М.* Дошло ли до нас в подлиннике Пересопницкое евангелие // Чтения в ист. о-ве Нестора летописца. — 1919. — Кн. 22, вып. 3. — С. 83—85; *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июня 1910 г. // Унив. изв. — 1911. — Февр. — С. 10—13.

28 *Janów Jan.* Lvódla Ewangelii Peresopnickiej // Slavia. — 1927. — Roč. 5, zešit 3. — S. 470—499.

29 *Плющ П.П.* Пересопницьке євангеліє як пам'ятка української культури // З історії української та інших слов'янських мов. — К., 1965. — С. 142—156.

30 *Грузинский А.* Пересопницкое евангелие как памятник искусства эпохи Возрождения... — С. 1—48; *Павлуцкий Г.Г.* Орнамент Пересопницкой рукописи // Искусство. — 1911. — № 2. — С. 83—92.

который об орнаменте упоминал бегло, все же заметил, что в рисунках Пересопницкого евангелия представлена преимущественно местная флора[31]

В советское время декор Пересопницкой рукописи исследовал известный знаток художественного оформления старой книги — рукописной и старопечатной — Я.П.Запаско. Не отрицая влияния идей итальянского Возрождения на художественное оформление рукописных книг первой половины — середины XVI в. на Украине, в частности на землях Волыни и Галиции, исследователь убедительно доказал самобытный характер художественного оформления рукописей[32] Он рассматривает орнамент Пересопницкого евангелия на широком фоне развития художественной орнаментики тогдашней Украины, сопоставляет его с оформлением других рукописных книг (Загоровского апостола, Служебника XVI в., евангелия из Хишевич, Холмского евангелия XIII в. и т.п.), а также находит много общего между орнаментом Пересопницкой рукописи и декоративной резьбой львовских жилых и культовых сооружений второй половины XVI в. Выводы Я.П.Запаско сводятся к тому, что, хотя орнаментика Пересопницкого евангелия в какой-то мере и связана с искусством Возрождения, все же она имеет ярко выраженный характер украинского произведения. Исследователь отмечает также связь украинских старопечатных книг Ивана Федорова, в частности его острожских изданий, с орнаментикой Пересопницкого евангелия. Этот факт наводит на мысль, не знал ли Иван Федоров Пересопницкой рукописи[33]

Ожидает своего исследователя язык Пересопницкого евангелия. Некоторые вопросы лексики памятника, в частности глоссы, проанализировал В.В.Нимчук в связи с изучением истории староукраинской лексикографии[34]. Не менее интересными являются и другие языковые особенности рукописи. Некоторые черты фонетического строя языка памятника привлекли в свое время П.Житецкого, который заметил, что язык Пересопницкого евангелия фиксирует звуковые особенности украинского языка на средней стадии его развития[35]

При изучении фонетических особенностей Пересопницкой рукописи нельзя не учитывать не только господствующую традицию этимологического написания, но и наличие в правописании памятника многих явлений, связанных с так называемым вторым южнославянским влиянием[36], которое отразилось прежде всего в графике. Так, например,

---

31 *Житецкий П.* Указ. соч. — С. 24.

32 *Запаско Я.П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. — К., 1960. — С. 76—84.

33 *Запаско Я.П.* Мистецтво книги на Україні в XVI—XVIII ст. — К.,1971. — С.63.

34 *Німчук В.В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках с російською та білоруською. — К., 1980. — С. 42—47.

35 *Житецкий П.* Указ. соч. — С. 9.

36 Детальнее о втором южнославянском влиянии на восточнославянскую рукописную практику см.: *Соболевский А.И.* Славянорусская палеография. — Спб., 1908. — С. 85—87; *Щепкин В.Н.* Русская палеография.— М.,1967.— С. 229—132.

звук у в основном графически обозначается **оу**, в конце строки иногда встречается лигатура ꙋ. Но в силу среднеболгарской традиции этот звук часто передается юсом большим: **сѫботы** (2об.), **бѫдѫ(т)** (30об.) и т.д. Среднеболгарская графика проявляется также в начертании юсов и буквы **ы** (а не по-старому ꙑ), в отсутствии иотированного ѥ, вместо которого в начале слога или после гласного звука стоит широкое **є**, в наличии **о** с точкой посредине и удвоенного **о** в словах **око, очи**.

В рукописи очень много надстрочных знаков. Знаки ударения (оксии и варии) не обозначают фактических ударений. Над одним словом может стоять два и более таких знаков. Над всеми гласными буквами, начинающими слово, и часто над поствокальными гласными стоит знак придыхания — дасия, напоминающий апостроф: твоѐго (35об.), ѐдиного, а̓л (ь) бо (80). В восточнославянских рукописях знаки придыхания были лишь данью этимологического принципа правописания, восходящего к греческой орфографии, хотя при сплошной системе письма (scriptura continua) они могли быть использованы как вспомогательный способ для разбивки текста на слова. Знаки придыхания вошли и в печатную практику восточных славян, а также были предусмотрены грамматиками[37]

Довольно распространенным надстрочным знаком в Пересопницком евангелии является кендема — двойная вария — надстрочный знак греческого просихождения, наличие которого в рукописи можно объяснить сербским влиянием. В сербских рукописях это был просодический знак[38], в то время как в рукописях восточных славян он употреблялся периферийно[39]

В Пересопницкой рукописи кендема фиксируется в отдельных случаях над **ы** в значении **ыи**: **без (ь) вод (ь) ны̏** мѣста (59), **ты̏** рѣчи (206). Чаще кендема заменяла **й**, т.е. отражала явление стяжения: **не вы̏де (ш)** (32об.), квасоу **фарисѐска** (73об.). В некоторых случаях над словом стоит кендема, хотя в строке есть соответствующая буква: **злы̏и** (58, 82, 94), **изы̏иде (т)** (59).

В силу греческой традиции кендему ставили над ижицей: **до єгѷп (ь) тоу** (25), **Моѷсеѡвы (х)** (177).

Довольно часто кендема засвидетельствована над односложными словами: местоимениями, в том числе и энклитиками (**ты̏** — 27, 28, 130, **мы̏** — 162, 168, 189 и т.п.), односложными словами с утраченными редуцированными (**где̏** — 23об., длѧ̏ — 41об., 299; **два̏** — 80, 106об.), над частицей **бы̏** (27об., 274, 294об.). Чаще всего кендема фиксируется

---

37 *Смотрицький М.* Граматика / Підгот. фак.-ного вид. та дослідж. Пам'ятки В.В.Німчука. — К., 1979. — Раздел "ѡпросѡдїи".

38 *Недельковичь О.* Знаки ударения в средневековых сербских рукописях (XII—XIV вв.) // Источники и историография славянского средневековья.— М., 1967. — С. 101—134.

39 *Колесов В.В.* Надстрочные знаки "силы" в русской орфографической традиции // Восточнославянские языки Источники для их изуч. — М., 1973. — С. 228—256.

над конечным открытым слогом многосложных слов на месте варии, в частности над инфинитивными формами глаголов (**радовати̏** — 205об., **наз(ь)вати̏** — 210, **позычати̏** — 236об.), в императиве на последнем слоге (**чти̏** — 51об.), в существительных над конечным слогом, оканчивающимся на =**ы**, например, в родительном падеже единственного числа существительных основ на =**а**:**жены̏** твоє̏й (23), зь...**троскы̏** (321об.), до **славы̏** (332об.); в именительном-винительном падежах множественного числа существительных с основой на согласный и на =**а**: **плевелы̏** попали(т) (27), **покор(ь)мы̏** (153об.), **грехи̏** (266,380об.) и т.п. Возможно, здесь сказалось влияние традиции ставить кендему над долгими гласными. Сравним еще наличие данного знака над**ѣ**, **и** <**ѣ**; **ѡбѣ̏** (28об.), **узрѣ̏в(ь)ши** (133), **узри̏те** (282); над **ы** в приставках: **вы̏пльнило** (23), **вы̏мовите** (324) и т.п.

Над словом **три** и его производными формами иногда встречается надстрочный знак, представляющий собой тройную варию.

Трудно определить функцию еще одного надстрочного знака, фиксируемого Пересопницкой рукописью, — каморы. Она употреблялась над односложными словами, в частности, над частицей и союзом **бо̑** (18, 24, 26 и т.д.), над местоимениями **кто̑** и **ш(ь)то̑** (31об., 55, 83об., 85, 86 и т.д.), над энклитикой **мѧ̑** (52, 74об., 82 и т.д.), в многосложных словах над последним открытым слогом независимо от ударения: **растворилисѧ̑** на **поустыню̑** (27об.), **двѣма̑ господинома̑** (37), **тисѧчи̑** (73об.), над начальным слогом многосложных слов независимо от ударения: **ди̑дра(г)му** (77об.), **бо̑лшїи** (383) и т.д. В белорусских рукописях этого периода камора связана с наличием сонорного в том слоге, над которым она стоит[40]. В Пересопницкой рукописи, как видим, такой закономерности нет.

Очень распространенным надстрочным знаком в Пересопницком евангелии является паерик, который употребляется не всегда согласно этимологическим требованиям, т.е. не всегда на месте бывших редуцированных гласных **ѣ** и **ь**, например: **п'шеницоу, с'вою** (27), з'наменїа (101), **з'наю** (115об., 116).

Наиболее выразительная орфографическая особенность Пересопницкой рукописи, связанная с влиянием южнославянского письма, — это написание **ь** в конце слов независимо от характера конечного согласного: **лежаль** (133 об.), **ѡнь** (134), **свѣть** (159), **мовилемь** (161) и т.п. Буква **ъ** в конце слов встречается только в предлогах, которые оканчиваются на согласный: **къ** їсви (113об.), **съ** мною (328об.), **къ** братїамь (436об.), и т.д. В середине слов **ъ** фиксируется в приставках **въ-, въз-, съ-**: **възлюблен(ь)ный** (27об., 220 об.), **събрав(ь)ши** (23об.), **въстанїє** (215), а иногда и в середине слов: **тъгды** (111об., 118об.), **дъч(ь)ко** (145об.), **вълосы** (237). Сравним еще такие случаи: **възеро** (249об.), **въброу(с)** (305), **въдънА** (325об.), **в(ь) въномь** тоѡго-

---

[40] *Булыка А.М.* Развіцце арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. — Мінск, 1970. - С. 165.

родѣ (434об.), которые можно разделить на слова так: вѣ (о) зеро, вѣ (о) броу (с), вь (о) броу (с), вь (о) дѣнѧ, в (ь) в (ѣ) (!) (о) номь тоѿ городѣ.

И все же основные особенности украинской фонологической системы выступают в тексте Пересопницкой рукописи довольно выразительно.

Рукопись отражает наличие украинской разговорной фонемы **и**, возникшей вследствие слияния двух древнерусских фонем **ы** и **і**. Смешение традиционного написания **ы** и **и** является свидетельством данного факта: на **моры** (43, 139), на **мори** (365об.), **тисячи** (73), **тысѧчоув** (157), **тысѧчами** (287), **били ... оуслышали** (344об.), **поус (ь) тини** (367об.), з (ь) **рибами** (440). После заднеязычных **г, к, х** пишется преимущественно **ы** (**великый** — 68, 188, 195об.) и т.д.; **погыбаємь** (142); **книгы** (481об.), но встречаются и написания с **и**: **книги** (19, 21об., 221об.), **велики (м)** (266, 302об.), **роуки** (82об.).

Этимологический ѣ в Пересопницком евангелии в большинстве случаев обозначается буквой **ѣ**: **хотѣль** (65об.), **слѣпыи** (69об.), **бѣда** (79) и т.п. Довольно часто для обозначения рефлекса древнего **ѣ** прослеживается буква **е**. Этот факт можно объяснить, вероятно, традицией писать **е** на месте этимологического **ѣ**, хотя не исключено, что данная традиция поддерживалась практикой, распространенной в некоторых украинских говорах, рефлексировать древний **ѣ** в безударной позиции как е. В абсолютном большинстве случаев е вместо древнего **ѣ** выступает в безударной позиции: **девици** (66), **ленивыи** (107), **выстерегайтесѧ** (156об.), **пов (ь) текали** (188об.), **розделиль** (288об.). В деловых документах, написанных в тот же период и на той же территории, что и Пересопницкое евангелие, написанное е на месте этимологического ѣ преобладает[41]

Фиксируется также буква **и** (**ы**) для обозначения рефлекса этимологического **ѣ**: **посли** (156), всѣ **рычи** (182об.), **исть** (185), **смотрили** (195, 196), **ликарю** — (224), **хотили** (375об.) и др. Подобные примеры отражают, возможно, произношение древнего **ѣ** создателями рукописи. В наше время на территории ее создания господствует рефлекс **і** на месте древнего **ѣ**, хотя в отдельных волынских говорах, в частности на северо-восток от Ровно, известны также и е- рефлексы[42]

Этимологические **о, е** в новом закрытом слоге в основном по традиции сохраняются. Однако во многих случаях фиксируются буквы **у, ю** на месте этимологических **о, е**: **братув** (29об.), **юй** (33), **до учеников** (45об.), **слувь** (51об.), на **добруй** земли (60об.), **о ню (м)** (76), по **лѣвуй** с (ь) торонѣ (77об., 107об.), **покуй** (183об.), **злодѣювь** (328). **фун (ь) тувь** (434об.) и т.д.

---

41 *Шило Г.Ф.* Деякі фонетичні явища галицько-волинського діалекту за пам'ятками XVI—XVII ст. // Наук. зап. Дрогоб. пед-ту. — 1962. — Т. 9. — С.51.

42 *Приступа П.І.* Рефлекси давнього ненаголошеного ѣ на території західних говорів української мови // Дослідження і матеріали с української мови. — К., 1961. — Т. 4. — С. 147—149 и карта. См. также: АУМ. — Т. 2. — Карта 30.

Современная лингвистическая наука не дает однозначного ответа на вопрос, какой звук передавался буквами **у**, **ю** в данной позиции. Возможно, это были дифтонги. Мнение о том, что древние **о**, **е** прошли стадию дифтонгизации во всех говорах украинского языка, кажется наиболее аргументированным[43] Буквы **у**, **ю** на месте этимологических **о**, **е** в новозакрытом слоге фиксируются также в документах XVI в. волынского происхождения[44]. В современных говорах на территории создания Пересопницкого евангелия (от Изяслава до Пересопницы) господствует рефлекс **і** (< **о**), в районе вокруг Пересопницы встречаются и рефлексы **у**, **и**, **і** (< **о**)[45]

В памятнике отражен также переход секундарного **о** в **і** (**и**, **ы**) в приставках **зо-**, **изо-**, **обо-**, **розо-**, **со-**, где данное явление объясняется аналогией с приставками, имеющими **о** этимологическое (**до-**, **по-**, **про-**): **зыш(ь)ли** (22об.), **розыш(ь)лисѧ** (234), **ѡ(т)ишюль** (121), **ѡбыздрѣв(ь)шисА** (196об.), **ѡбыбрали** (264) и т.п.

В Пересопницком евангелии широко представлена такая черта украинского вокализма, как лабиализация **е** после шипящих и **j** перед слогом с этимологическим твердым согласным: **ящор(ь)чина** (26), **лежачого** (45), **жона** (83, 83об., 85об. и т.д.), **ночоваль** (90об.), **чотырьдесѧ(т)** (130), **ин(ь)шого** (177об.), **шостаѧ** (353об.), **родичовь** (386) и т.п. Рефлекс **о** (< **е**) в данной позиции фиксируется независимо от ударения.

Приведенные примеры свидетельствуют также о диспалатализации шипящих, после которых стоял лабиализированный звук, как и в случаях, когда после них пишется буква **ы**: **пригожый** (317об.), **лжывый** (331), **ѡвечый** (389) и т.п.

Памятник отражает украинские рефлексы древнерусских **рь**, **ль**, **рь**, **ль** между согласными: **блистаючеесѧ** (256), **блистающисѧ** (297), **кривавым** (317), **криницѧ** (353).

Текст Пересопницкого евангелия широко иллюстрирует развитие интервокального **j** между гласными в середине слова. Это особенно важно, ибо с другой стороны, как следствие южнославянского влияния в памятнике фиксируются случаи выпадения **j** между двумя гласными (зияние) в словах типа **знаменїа** (58об.), **покаанїа** (129об.), **роуганїа** (138), **своа** (67) и др. Будучи диалектной особенностью праславянского языка, данное явление унаследовали некоторые славянские языки, в том числе и старославянский[46]. Выпадение интервокального **j** с даль-

---

[43] *Жовтобрюх М.А., Русанівський В.М., Скляренко В.Г.* Історія української мови: Фонетика. – К., 1979. – С. 275–276.

[44] *Шило Г.Ф.* Указ. соч. – С. 51.

[45] *Приступа П.І.* Рефлекси давнього ненаголошеного **о** в нових закритих складах на території західних говорів української мови// Дослідження і матеріали с української мови. – К., 1962. – Т. 5. – С. 135–142 и карта; АУМ.– Т. 2. – Карти 51, 52, 54.

[46] *Мейе А.* Общеславянский язык. – М., 1951. – С. 33–36; *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. – М., 1957. – С. 125.

нейшим стяжением гласных или без него знают и отдельные украинские говоры[47]. Однако явление зияния как в середине слова, так и в позиции между словами не свойственно для украинского языка вообще. В Пересопницкой рукописи наряду с традиционным написанием слов **диаволь, Иродиада, Иуда** широко фиксируются написания, отражающие, по-видимому, разговорное произношение: **дияволь** (371об.), **дияконь** (449), **иродиядина** дьщерь (65об.), **июдинь** (221) и т.п.

В языке памятника засвидетельствован гласный а на месте этимологического о, в частности в словах, отражающих чередование общеславянского периода: **выгнѧти** (137, 138, 308), **ламаль** (156), **помагає** (118), **помагаль** (198) и т.д.

Украинская фонологическая система отражена в Пересопницкой рукописи в таком явлении, как переход древнерусских звуков ĭ, ы̆, в сильной позиции в **і, и** в отличие от фонологической системы русского языка, где эти звуки в сильной позиции дали рефлекс **е, о**. Это, в частности, касается ударных окончаний прилагательных: **злыи** (58, 58об.), **с҃тыи** (131, 180об.), **старый** (231об.), **простыи** (338), **живый** (368), а также слов типа **скры(и)** (64), **о(т)крыє(т)сѧ** (59об.), **винопійца** (243) и др.

В рукописи отражена свойственная украинской фонологической системе редукция древнего безударного **и** в начале слова перед согласным: **Єр(с)лима** (68об., 87, 90), **Єрихона** (169, 264), **Лариωна** (450), **єр(ь)монахомь** (481об.). Написания с начальным безударным **и** и без него свидетельствует о борьбе этимологического и фонетического правописаний: **из(ь)губили** (117об.) — **з(ь)губила** (288об.), **из(ь)борище** (239об.) — на **з(ь)борища(х)** (50). Из 319 словоупотреблений в различных формах глагола **мати** (<**имати**) в 105 случаях фиксируется начальный безударный **и**, в 214 словоупотреблений отражают его редукцию: **маю** (84, 149 и т.д.), **має(ш)** (371, 477) и т.п.

Несколько примеров фиксируется с секундарной приставкой **и** в начале слова перед сонорным **р**, если после него следовал редуцированный в слабой позиции: **ир(ь)жа** (37), но **р(ь)жа** (36об.); в предлоге **к** (<**кь**) **икь** дѣянію (135), **икь** женѣ (244об.); в слове **ишов** (< **шьдль**) **ишо(л)** (67об., 114об.). Общая норма украинского языка отражена в слиянии бывших древнерусских предлогов **сь** и **изь** в один предлог. Этому способствовало появление новоразвитого протетического **и** у предлогов **сь**, а также ассимилятивные изменения **с** и **з**: уз(д)рѣль... дву братувь... **изь** Зеведеω(м) (29об.), взѧль **из** лихвою (305об.) и т.п.

Пересопницкая рукопись фиксирует свойственное украинскому языку чередование **у** с **в** в начале слова или слога: **в(ь)весь** (139, 388) — **увесь** (172), **в(ь)чиниль** — **учиниль** (357об.), **зав(ь)треш(ь)ній** день — заутра (38).

---

[47] *Верхратський І.* Про говір галицьких лемків. – Львів, 1902. – С.5–6, 53–54.

Характерная черта украинского консонантизма — опрощение в группах согласных после падения редуцированных — также отражена в языке Пересопницкого евангелия. Наряду с традиционными написаниями слов **праз(д)никь** (191об., 326), **рос(ь)пустный** (33) памятник широко фиксирует написания с опрощением трезвучных сочетаний: **власьный** (389), **мѣсце** (97об., 223), **праз(ь)никь** (117об., 183, 216 и т.д.); **в(ь) по(л)праз(ь)ника** (373), **усланую** (185, 318) и т.п.

Живое украинское произношение отражено также в таких словах, где между звуками **з** и **р** появляются **д** и **т**: **уз(д)рѣти** (24ооб., 30, 36), **здражовати** (101об.), **зоз(д)рѣсть** (141об.).

Об украинских элементах в языке памятника свидетельствует наличие эпентетического **л** после губных перед **j**: **домовлѧти** (54), **уздоровлѧти** (137, 253).

Широко представлено в Пересопницком евангелии свойственное украинской консонантной системе явление ассимиляции согласных звуков, связанное с падением редуцированных: **проз(ь)би** (36), **прозбами** (325), **ж(ь)жирають** (178об.), **нѣщи(м)** (309. 400), **ні жа ш(ь)то** (383) и т.п. Особенно часто фиксируется явление ассимиляции согласных в предлогах и приставках: **бес(ь)** при(т)чѣ (63), **ис** клѧтвою (66), **з(ь)бираю** (107), **ис** кусто(ди)єю (121об.), **з** ни(м) (146) **ис** коренемь (172об.) и т.д.

Явление диссимиляции согласных отчетливо выступает в словах **хто** (<**кьто**), **що** (< **чьто**). Что касается местоимения **хто**, то в рукописи преобладает традиционная его форма, хотя встречается и **хьто** (158об., 159 и др.). Кроме того, форма **хьто** последовательно употребляется в составе отрицательного местоимения **них(ь)то (нѣхто)** (352об., 368 и др.). Местоимение **що** фиксируется преимущественно в форме промежуточной стадии **ш(ь)то, што**. Данная форма была характерной для большинства украинских памятников XVII в.[48] Очень редко встречается форма **что** (45, 46) и **що** (35, 77, 71об., 304). Произношение **што** стало литературной нормой русского и белорусского языков, в украинском языке оно сохранилось в лемковских и некоторых бойковских говорах[49]

Представленный выше фактический материал достаточно убеждает в том, что фонетические особенности Пересопницкого евангелия характеризуют его как памятник украинского языка XVI в. Некоторое количество звуковых старославянизмов, объясняемое тем, что перевод сделан со старославянского оригинала, этимологический принцип правописания, наконец, значительное влияние южнославянской графики не смогли помешать проявлению характерных черт украинской фоне-

---

48 *Керницький І.М.* Система словозміни в українській мові. На матеріалах пам'яток XVI ст. — К., 1967. — С. 132.

49 *Жовтобрюх М.А., Русанівський В.М., Скляренко В.Г.* Указ. соч. — С. 215–216.

тики как в области вокализма, так и консонантизма. В XVII и XVIII вв. эти черты развивались в различных жанрах староукраинской письменности, а в конце XVIII — в начале XIX в. большинство из них полностью закрепилось в национальном украинском литературном языке, некоторые остались функционировать в диалектах.

Всестороннему исследованию Пересопницкой рукописи как памятника украинского языка и шире — украинской культуры середины XVI в. будет способствовать факсимильное издание его, которое планируется в республике.

Л.А.Дубровина

СПИСКИ КАЗАНСКОГО ЛЕТОПИСЦА В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ ЦНБ АН УССР

Казанский летописец (далее — КЛ)[1] как историко-публицистическая повесть XVI в., в которой нашли отражение факты внутренней и внешней политики Русского государства XV—XVI вв., его идеология, международное положение, история государств и народов Среднего Поволжья, неоднократно изучался как дореволюционными, так и советскими историками и филологами[2] Идеологическое обоснование завоевания Казанского ханства в КЛ и некоторые вопросы истории текста рассматривались в работах западногерманских и американских историков[3] Однако собственно текстологическое его исследование на осно-

---

[1] КЛ известен в историографии также как "История о Казанском царстве", "Сказание о царстве Казанском", "Казанская история", "История о Казанском взятии".

[2] Материал КЛ широко использовался в исследованиях А.И.Лызлова, П.И.Рычкова, Н.Баженова, И.Михайлова, Н.П.Загоскина; отдельные сведения о внутренней жизни Казанского ханства приводятся в трудах В.Н.Татищева, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, Н.И.Костомарова, В.В.Вельяминова-Зернова. Во второй половине XIX в. С.М.Соловьев, С.М.Шпилевский, Г.И.Перетяткович, Д.И.Иловайский, В.В.Вельяминов-Зернов и другие отказываются пользоваться КЛ как историческим источником, сведения которого, по их мнению, не отличаются достоверностью. Перелом в оценке КЛ связан с трудами Г.З.Кунцевича, исследовавшего многочисленные списки памятника.

Литературоведческому анализу КЛ ранней редакции посвящали свои исследования А.С.Орлов, Н.В.Водовозов, Г.Н.Моисеева, Т.Ф.Волкова, языковые особенности анализировались в работах А.К.Абдульмановой, В.П.Ананьевой, В.П.Сугоняй и др. Исследования советских историков А.А.Зимина, С.М.Каштанова, А.Н.Насонова, Ш.Ф.Мухамедьярова, И.И.Смирнова, С.О.Шмидта и других выявили необходимость комплексного изучения КЛ как исторического источника, прежде всего в историко-текстологическом аспекте.

[3] Из этих исследований наибольший интерес представляют работы Е.Кинена, Я.Пеленски, Ф.Кемпфера, посвященные возникновению идеологии самодержавия и "политики завоевания" по мере усиления Русского централизованного государства.

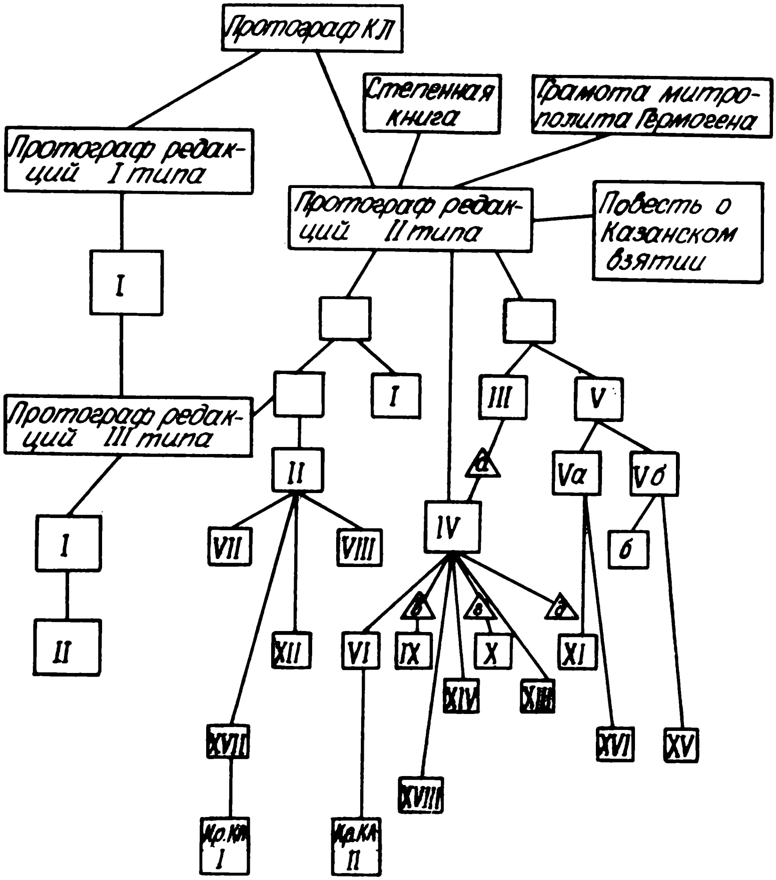

Схема 1. Происхождение редакций и изводов КЛ

I — редакции

а — изводы

□ — недошедшие списки

вании различных списков предпринималось только Г.З.Кунцевичем во время подготовки КЛ к публикации в составе ПСРЛ[4] Им было зарегистрировано существование 194 списков КЛ и просмотрено лично около 150 из них. На основании трех списков Кунцевич установил текст "ранних редакций", который не был известен предыдущим исследователям. К первой редакции были отнесены два списка, ко второй — один. Исследователь предположил, что протограф КЛ возник в 1564–1566 гг., а замена текста после главы "Совет", характеризующая все

[4] *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. — Спб., 1905. — 283 стб.

остальные десять редакций, произошла в 90-х годах XVI в.[5] Были определены также основные источники КЛ. В составе ПСРЛ (т. 19) им была осуществлена публикация памятника по 10-ти спискам I, II, V, VIII редакций.

Большой вклад в изучение КЛ внесла советский исследователь Г.Н.Моисеева. Основное внимание она уделила новым обнаруженным спискам, которые разделила на две редакции, соответствующие ранним (I и II) и поздним (III–X) редакциям Г.З.Кунцевича; во второй ею были выделены семь групп списков, различающихся между собой концовками. Г.Н.Моисеева осуществила новую публикацию КЛ по древнейшему списку первой редакции[6] Изучая содержание, структуру, художественные особенности КЛ первой редакции, Г.Н.Моисеева остановилась на источниках этой редакции (которые Г.З.Кунцевич рассматривал в общих чертах). К числу этих источников ею отнесены Никоновская, Софийская II и Львовская летописи, разрядные книги, продолжение хронографа 1512 г. русской редакции, Летописец начала царства, местнические дела, посольская переписка, родословные книги. По мнению Г.Н.Моисеевой, все они подверглись тенденциозной переработке автором, выразителем интересов служилого дворянства, "для заострения публицистичности произведения", осуществленной в 1565–1566 гг.[7]

Автором настоящей статьи палеографически и кодикологически исследовались 270 списков КЛ, установлены текстуальные различия между ними, что позволило дать новую классификацию списков, в основе которой — деление списков на типы, редакции, изводы и группы[8] Под первым типом редакций КЛ понимается текст, в котором все повествование представляет собой композиционно и стилистически единое целое и восходит как до главы "Совет", так и после нее к протографу КЛ, составленному в 1565–1566 гг. I тип представляет одну редакцию, известную в шести списках: ИРЛИ, собр. В.Н.Перетца, № 98; ГБЛ, собр. П.Н.Никифорова, № 174; ГПБ, Сол. собр., № 42/1501; БАН, 24.5.9; ГИМ, Воскр. собр., № 155; Саратовский университет, Научная библиотека, № 886. Эта редакция, очевидно, наиболее ранняя из известных и имеет важное значение для истории текста КЛ. Протограф ее, наиболее вероятно, был составлен в промежутке между 1584 г. и началом XVII в., на что указывает анализ текста. В двух последних главах, не принадлежавших авторскому тексту, есть прямые указания на их со-

---

[5] Там же. — С. 182–183, 507, 508, 556, 559.

[6] Казанская история. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Списки, известные Г.З.Кунцевичу, в работах Г.Н.Моисеевой не рассматриваются.

[7] *Моисеева Г.Н.* Автор "Казанской истории" // ТОДРЛ. — 1953. — Т. 9. — С. 273.

[8] Подробно о классификации списков см. *Дубровина Л.А.* Казанский летописец. Классификация списков. — Йошкар-Ола, 1981. — 114 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 11.09.81, № 8462; *Дубровина Л.А.* История о Казанском царстве (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. — Киев: Наук. думка, 1989. — 192 с.

ставление после смерти Ивана Грозного, то есть после 1584 г.[9] Кроме того, материал редакции, свидетельствующий о мирных отношениях Русского государства в период составления ее протографа, дает возможность предположить составление последнего с середины 80-х годов XVI в. до 1607 г., когда польским правительством был заключен союз с Крымом и ногайцами против Москвы. При составлении протографа редакции I типа были опущены присутствовавшие в первоначальной редакции главы о взаимоотношениях Русского государства и Золотой Орды, изменен рассказ о первом основании Казани, сокращены некоторые описательные места и др. Новая версия основания Казани болгарским, а не золотоордынским ханом задолго до татаро-монгольского нашествия, в середине XII в., была, возможно, создана в ответ на претензии Крыма и Турции на Казань и Астрахань как на татарские "юрты". По мнению анонимного автора КЛ, болгары после походов Юрия Долгорукого стали данниками Руси и Казань вошла в состав Русского государства: "все то была единая русская земля, идеже ныне стоит град Казань"[10] Такие же аргументы приводили и русские посланники в Турции и Крыму в 60 – 90-х годах XVI в. Если учесть, что претензии Крыма на Казань и Астрахань снимаются в 1594 г., то составление первой редакции I типа можно ограничить 1584–1594 гг.[11]

К редакциям II типа относится 261 список. В части текста до главы "Совет" протограф редакций этого типа представлял более полный и древний текст. Источник этого протографа был, по всей видимости, дефектным: в нем был утрачен лист с рассказом о гибели князя Чуры и весть текст после главы "Совет царя и великого князя с бояры" (Г.З.Кунцевич и Г.Н.Моисеева считали, что часть текста после главы "Совет" была заменена на официальный рассказ о взятии Казани из-за его тенденциозности в описании событий)[12]. К этому дефектному спис-

---

[9] В этих главах об Иване Грозном говорится в прошедшем времени.

[10] ПСРЛ. – 1903. – Т. 19. – Стб. 1, 191.

[11] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в.– М., Л. : Наука, 1940. – С.40; *Смирнов Н.В.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. – М. Изд-во МГУ, 1947. – С. 91–92.

[12] Основанием для этого предположения служат наблюдения над текстом основных редакций КЛ. Текст главы "О восставшем мятежи, отгонении царю их, о взятии царя Шигалея, о избежании ис Казани и о убиении князя Чюры" прямо свидетельствует о случайном отсутствии рассказа о гибели князя Чуры: в названии главы информация о смерти уцелела, заметен механический разрыв фразы о соединении двух разнородных предложений в протографе редакций II типа по сравнению с редакцией I типа, в результате которого появились противоречия в содержании. Например, сообщалось о возвращении жен князя Шигалея в Казань, тогда как речь шла о женах князя Чуры, а жены царя Шигалея благополучно прибыли в Москву и др. По объему этот рассказ равен одному листу в 4°, написанному скорописью буквами средней величины или в 1° – крупным полууставом. Достаточно много свидетельств небрежного соединения текстов КЛ и вновь приписанного: были допущены повторения в рассказах о событиях последних лет взятием Казани, небрежные и дублирующие заголовки глав, не продолжена нумерация после главы "Совет" и др.

ку с утраченным текстом был приписан новый рассказ о походе Ивана IV на Казань в 1552 г., составленный на основании Степенной книги, Повести об Иверской царице Динаре, грамоты митрополита Гермогена патриарху Иову о казанских мучениках и неизвестной к настоящему времени Повести о казанском взятии. Все списки этих редакций датируются временем не раннее 20-х годов XVII в. Протограф редакций II типа был составлен скорее всего в 10-х годах XVII в. в период общего оживления литературной деятельности после "смутного времени". По крайней мере он не мог быть составлен ранее 1592 г. — времени составления грамоты митрополита Гермогена[13]

Во II типе выделены четыре основные редакции, обнаруживающие знакомство составителей с протографом и имеющих существенное значение для истории текста КЛ, а также несколько производных от них, которые, в свою очередь, делятся на изводы и группы. Протограф редакций II типа не сохранился. Возможно, он погиб во время московского пожара 1626 г., так как ни одна редакция, составленная после 20-х годов XVII в., не восходит непосредственно к этому протографу и не отражает в полной мере состав его текста и расположение глав. Происхождение редакций КЛ показано на схеме I.

III тип редакций является смешанным, а список ГПБ, F.IV, 578, составляющий первую редакцию III типа, — архетипным. В части текста до главы "Совет" он восходит к несохранившемуся источнику, общему со второй редакцией II типа, а после главы "Совет" текст совпадает с текстом первой редакции I типа[14]. Вторая редакция III типа представлена двумя списками — ГПБ, Q.IV.209 и ГИМ, Муз. собр., № 2323, текст которых сокращен после 13-й главы по сравнению с первой редакцией III типа. Первая редакция III типа возникла в 60-х годах XVII в. и представляла попытку "реконструкции" первоначальной редакции КЛ, неизвестной в настоящее время. Вторая редакция III типа, возникшая в 70-х годах XVII в., характеризуется обильными и небрежными сокращениями текста тех глав, в которых повествуется о событиях времени Ивана Грозного. Фактически приводится краткое содержание КЛ.

Чрезвычайно широкое распространение списков КЛ в XVII и XVIII вв., активная переписка списков и возникновение многочислен-

---

[13] *Макарий*, митрополит. История русской церкви. — Спб., 1981. — Т. 10, кн.1.— С. 128—129.

[14] О сводном характере текста списка ГПБ, F.IV.578 говорят, например, следующие текстологические наблюдения: до главы "Совет" повторяется состав основного текста редакций II типа — в нем читаются главы 2—6, нет пропусков первой редакции I типа, отсуствуют ее противоречивые чтения; повторяются описки и ошибки протографического списка редакций II типа, известные во всех его редакциях и отсутствующие в редакции I типа; выделяется сходство текста с текстом второй редакции II типа, позволяющее предполагать общий источник; после главы "Совет" обращает на себя внимание текстуальное родство с текстом редакции I типа, тогда как в части до главы "Совет" тексты разительно отличаются по стилю и др.

ных редакций в 20–70-х годах XVII в. совпадают со временем глубоких перемен в социально-экономической жизни и международном положении Русского государства. Развитие идеологии самодержавной власти после возрождения монархии способствовало сохранению актуальности идейной направленности КЛ с его основным тезисом — "всяко бо царство царем премудрым содержится" — на протяжении XVII–XVIII вв. Фактическая канва повествования КЛ перекликается с событиями XVII в. — борьбой Русского государства с Крымом и ногайцами. Художественные достоинства КЛ способствовали его распространению во всех слоях населения России в XVII–XVIII вв.

Отдел рукописей ЦНБ АН УССР является обладателем восьми списков КЛ редакций II типа русского происхождения[15]

Один из наиболее интересных списков КЛ из фондов отдела рукописей ЦНБ АН УССР, и не только потому, что он древнейший, — $К_1$, источником которого был список Московской духовной академии, ныне — ГБЛ, ф. 173 (фунд.), № 196, датируемый 20-ми годами XVII в.[16] $К_1$ представляет собой отрывок КЛ второй редакции II типа, вошедший в состав сборника житийной литературы. Вторая редакция II типа характеризуется значительными пропусками риторических описаний, позитивного материала о народах Среднего Поволжья, отрицательных отзывов о русских воеводах. Наиболее выразительной ее особенностью является преднамеренное обмирщение текста, что, несомненно, связано с процессом падения авторитета церкви в ее борьбе за приоритет со светской властью и общим ростом религиозного индеферентизма народных масс уже в начале XVII в. Факт использования текста второй редакции в составе сборника сугубо духовного характера требует объяснения. Известно, что сам сборник находился ранее в коллекции московского митрополита Макария Булгакова, завещавшего часть рукописей Церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии[17] В состав $К_1$ вошли рассказы КЛ агиографического содержания: о влиянии Сергия Радонежского и об исцелениях от иконы "великого чудотворца", о казанских мучениках Иване и Петре, о смерти русских воинов, попавших в плен к татарам, но не изменивших вере и др.

То обстоятельство, что источником сборника было произведение светское, причем рассказы последнего не были переработаны в соответствии с канонами житийной литературы, а просто скопированы, само по

[15] Известен пока один список КЛ, несомненно, украинского происхождения, из библиотеки Шлецера (ныне — БАН, 32.8.8). Рукопись 30-х годов XVIII в. написана почерками западноукраинской скорописи, в составе которой вместе с КЛ находятся: География Ботлера на польском языке, составленная 30 июня 1710 г., Есиповская летопись распространенной редакции. Сибирский летописный свод шлецеровской редакции, Слово на погребение Петра I Феофана Прокоповича и др.

[16] Филиграни: кувшинчик — тожд. Гераклитов, № 525–526, 1628–1633 гг. *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г.Киеве. — М., 1891. — Вып. 1. — С. 1–2, 52–64.

себе достойно внимания. Переписчик-копиист не только внес в текст заголовки КЛ, но и сохранил номера глав, особенности текста КЛ, как, например, выделение киноварными буквами нового абзаца, что неизбежно породило изолированность текста, заимствованного из КЛ, от окружающего материала[18] Более того, в состав $К_1$ вошли не только рассказы о канонизированных мучениках и святителях, но и наиболее эмоциональные рассказы о мучениях русских людей или новокрещенных, неизвестные из официальных источников житийной литературы.

Источник $К_1$ — список КЛ библиотеки МДА, несомненно, троицкого происхождения: в нем на л.98 одним из почерков рукописи записано — "Троецкого старца Исаия Печерьского книга Казанское взятье и иные повести писаны". Возможно, Исаия Печерский был одним из тех представителей просвященного духовенства, которых в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в. архимандрит Киево-Печерского монастыря, а затем и митрополит Киевский, Петр Могила посылал в Москву в Троице-Сергиеву лавру с целью культурного обмена[19] Там же, по всей видимости, возникает и рукопись $К_1$. Судя по владельческой, выходной и вкладной записям, сборник составлялся единовременно и вышел из духовной среды в 1633 г., а в 1642 г. был вложен одним из "братьев" в монастырь на помин души, очевидно, в Троице-Сергиев. Состав сохранившихся рукописей библиотеки МДА вполне сопоставим с материалами сборника[20]

Список $К_1$ и использование текста второй редакции II типа в агиографической литературе в начале 30-х годов XVII в. является дополнительным свидетельством раннего происхождения этой редакции по сравнению с наиболее полными по тексту и оцерковленными третьей и четвертой редакциями. К моменту составления списка $К_1$ в библиотеке МДА был единственный список КЛ, с которого и были скопированы указанные главы для списка $К_1$. Очевидно, третья и четвертая редакции, если и возникли в конце 20-х годов XVII в., то еще не были распространены наравне со второй редакцией. Позднее библиотека Троице-Сергиева монастыря приобрела еще два списка КЛ четвертой редакции (ныне — ГБЛ, ф. 173, № 98 и 204), составленные в 40-х и 90-х годах XVII в., первый из которых принадлежал "соборному стар-

---

18 Вставка из КЛ содержится между рассказами о святых "Иоанне, архиепископе Новгородском" и "Якове Перском". Кроме того, о Сергии Радонежском рассказывается и на л.249об. — 257.

19 *Хижняк З.І.* Києво-Могилянська академі — К. Вища шк., 1981. — С.46.

20 *Арсений,* иероним. Описание рукописей библиотеки Свято Троицкой Сергиевой Лавры : В 3-х ч. — М. : О-во истории и древностей россий. при Моск. ун-те, 1878; Арх. *Леонид.* Сведения о некоторых славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 г. — М., 1883. — Кн. 2. — С.81—107.

цу" Дионисию Белому, другой — морскому поручику Сергею Автомоновичу Головину[21], вложившего список в Лавру.

Не всех переписчиков и редакторов КЛ удовлетворял вариант текста второй редакции КЛ II типа, в котором наряду с ослаблением церковной трактовки событий в части текста после главы "Совет" текст был значительно обеднен фактически и проигрывал в смысле художественной выразительности в первых 20 главах. Возможно, именно этим можно объяснить появление списков с комбинированным текстом полных и сокращенных редакций. Таков список K_2, принадлежавший историку Н.И.Костомарову, а затем — библиотеке Киевского университета, что следует из ярлыков на рукописи. В этом списке нашло удачное сочетание текста четвертой редакции, наиболее полного из известных редакций, в первых главах КЛ и менее оцерковленного в части после 20 главы, не содержащей, по сути, сокращений иного рода. Список K_2, вместе со списками ГИМ, собр. Уварова, № 96 и собр. Вахрамеева, № 131, составляет особую, третью группу списков второй редакции, протограф которой неизвестен. Текст представляет в первых 14 главах компиляцию четвертой, основной, редакции II типа и пятой, по которой вносились поправки и дополнения. Так, читаются вставки четвертой редакции об Ибрагиме и Алихане, перемешаны отрывки текста о черемисах и о новгородцах, включена в текст дополнительная глава "О послании братии великого князя и воевод в Казань" (глава 11а) и др., а в рассказах о горной черемисе, русских черноризцах, построении Свияжска текст правился по пятой редакции II типа. После же 14 главы текст соответсвтует второй редакции II типа.

Более древний и в некоторых местах более исправный текст второй редакции привлекался в качестве дополнительного или контрольного при переписке списков с более полным текстом. Это нашло отражение в списке K_3, в котором текст четвертой редакции II типа, наиболее поздней по происхождению из основных редакций II типа, поправлялся по второй. Четвертая редакция в целом характеризуется значительной переработкой протографического текста и внесением некоторых дополнений, принадлежащих самому составителю, переосмыслившему рассказы КЛ. Однако в тексте четвертой редакции появились ошибки и неясные чтения, которые переписчик списка K_3 устранял по тексту второй редакции II типа: при рассказе о смерти князя Чуры, воцарении Али-Мухаммеда, ответе воинства Ивану IV перед походом на Казань и др.

Списки второй и четвертой редакций II типа послужили источником и для списков K_4 и K_5, составляющих по нашей классификации XVIII редакцию КЛ. Все четыре известных списка этой редакции восходят к несохранившемуся оригиналу, составленному в Сибири во второй половине XVII в. Этот оригинал содержался вместе с Сибирским летописным сводом и Сказанием о взятии Астраханского царства.

[21] Очевидно, сын Автомона Михайловича Головина, сподвижника Петра I, полковника лейб-гвардии Преображенского полка.

Появление списков K_4 и K_5 на Украине и даже появление в XVIII в. редакции КЛ II типа списка, составленного на украинском языке, вероятнее всего, связано с пребыванием в Тобольске в первой четверти XVIII в. выпускников Киево-Могилянской академии, направленных туда для преподавания в семинарии и в открытой в 1703 г. славянороссийской школе[22] Содержание шлецеровского списка (БАН, 32. 8.8.) свидетельствует о достаточно близком знакомстве его составителя, несомненного выходца из западных областей Украины, как с сибирской, современной ему историей, так и с киевской, и датируется по содержанию и палеогеографически началом 30-х годов XVIII в. Материал сборника, особое внимание к делам церковным в Тобольске и Киеве позволяют увидеть в составителе лицо духовное. Выделение в списках K_4 и K_5 "духовных" слов, завершение текста классическим "аминь" также служат основанием для предположения о духовном происхождении переписчиков этих списков.

Любопытна история происхождения XIII и XVIII редакций КЛ II типа (первая, на наш взгляд, также была составлена в Сибири, ее сборники содержат Есиповскую летопись, самый ранний список — ЦГАДА, ф. 256, № 379). Протографом той и другой был один список I извода четвертой редакции КЛ II типа, разделенный на две самостоятельные рукописи после главы "О пошествии в Казань царя Шигалея...". Первая из них, дописанная и исправленная по утраченному ныне списку второй редакции II типа, легла в основу XIII редакции, а вторая, также дописанная по списку второй редакции, близкому по тексту к списку ЦГАДА, ф. 181, № 8 — в основу XVIII редакции. Список ЦГАДА, ф.181, № 48 также содержится вместе с Сибирской летописью и датируется 80-и годами XVII в.[23] Этот протографический список выделялся одной особенностью, неизвестной в выявленных списках I извода четвертой редакции — в нем текст КЛ был разбит на погодные записа, сохранившиеся в первой части текста XIII редакции и во второй части текста XVIII редакции КЛ II типа.

Список K_6 представляет Новгородский извод пятой редакции КЛ. Эта редакция КЛ появилась в результате переработки текста третьей редакции, значительно изменившей структуру повествования и устранившей многочисленные недостатки текста, связанные с механическим соединением в протографе редакций II типа двух разнородных текстов: путаницу в хронологии повествования, повторы в рассказе о походе Ивана IV на Казань в 1552 г., тематическую несовместимость некоторых рассказов в пределах одной или нескольких глав и др. Такая

---

22 *Хижняк З.И* Указ. соч. — С. 177—178. Украина и раньше имела достаточно тесные культурные связи с Сибирью, в частности с Тобольском. Еще в 1655 . некий Андрей Незговорский пришел "собою" из Тобольска в Киев "книжного учения ради". См.: *Эйнгорн В.* К истории просвещения на Руси в XVII веке. — М., 1891. — С. 7—8.

23 *Филигр.* — голова шута и литеры РНС в рамке — тожд.: Гераклитов, № 1215 Клепиков, № 1287 1681—1682 гг

литературная обработка текста, устранившая его наиболее явные противоречия, была проведена в 30-х годах XVII в. Новгородский извод появился в начале 70-х годов XVII в. Его происхождение и история тесным образом связаны с новгородским летописанием второй половины XVII в. и, в частности, с Новгородской Уваровской летописью (далее — НУвЛ); Новгородской III летописью (далее — НЗЛ), Новгородской Забелинской летописью (далее — НЗабЛ). Особенность текста извода состоит в том, что в нем опущена глава "О взятии великаго Новаграда от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому князю", в которой автор КЛ обвиняет новгородцев в измене Русской земле во время нашествия Батыя и с явным одобрением рассказывает о покорении Новгорода Иваном III. Текст Новгородского извода отражает историю новгородского летописания, хотя и опосредованно, и в этом отношении список $К_6$, содержащийся вместе с НЗЛ, имеет определенное значение для истории текста обоих памятников[24].

Списки Новгородского извода имеют одну особенность, связанную с механическим дефектом текста: при переплетении общего протографа НЗЛ и НЗабЛ из КЛ, соседствующего с ним в рукописи, листы с текстом глав "Об изгнании Улу-Махмета царя от Златыя Орды" и "О послании вои московских на царя" и были скорее всего случайно помещены сразу же после текста Новгородского свода[25] От этой рукописи произошли списки КЛ — ГБЛ, ОИДР, № 127; ГБЛ, Румянцев, № 252 и $К_6$, причем ОИДР, № 127 — оригинал Румянцевского и Киевского. При дальнейшей переработке этого же протографа составителем НЗабЛ эти главы были внесены в текст НЗабЛ к рассказу о Белевском побоище, о чем говорится и в этих главах. Так как список ГИМ, Забелин, № 261 архетипный, то во всех производных от него списках указанные главы читались уже не в составе КЛ, а в составе НЗабЛ[26], хотя КЛ содержится в сборниках вместе с НЗабЛ. Если в списках ОИДР, № 127; Румянцев, № 252 и $К_6$ в тексте еще сохранились упоминания об опущенной главе о взятии великого Новгорода (например, фраза "иже взя и покори под себя великий Новгород" в главе о воцарении Ивана III), то в списках, содержащихся вместе с НЗабЛ, устранены какие-либо упоминания о ней, в том числе и приведенной фразы, которая звучит иначе: "иже взя и покори под себе Казаньское царство и всю Златую Орду".

Значение списка $К_6$ состоит в том, что в нем существует отсылка к несохранившемуся протографическому списку НЗЛ и НЗабЛ: запись на л.1 — "Российский летописец по списку НЗЛ и НЗабЛ: запись на л.1 –

---

[24] Список не был известен исследователю новгородского летописания XVII–XVIII вв. С.Н.Азбелеву.

[25] В списках ГИМ, Уваров, № 568 и ГПБ, Погодин, № 1403 эти главы еще читаются в составе КЛ, а не НУвЛ.

[26] Это списки: ГБЛ, Муз., № 733; ЦГАДА, ф. 181, № 361; БАН, Тек.пост., № 1342. В списках ГИМ, Муз., № 2159; ЦГАДА, ф. 181; № 22, ГАБ, Эрмитаж, № 417, 418 сохранилось только оглавление КЛ.

"Российский летописец по списку Софийскому великаго Новаграда. Часть вторая". К этому же списку относится еще одна запись, указанная Б.М.Клоссом при изучении Летописного свода 1560 г. в списке ЦГАДА, ф. 181, № 11, где в конце второго тома вплетены четыре листа бумаги середины XVIII в. с главой "Об изгнании Улу-Ахмета царя" и "О послании вои" с указанием источника – "Выписано из хронографа соборные церкви Софии премудрости божия Великаго Новаграда и что в академической библиотеке под нум. 10, лист 472"[27] Эти указания относятся к той протографической рукописи НЗЛ и НЗабЛ и КЛ, в которой были помещены в конец Новгородского свода главы об Улу-Махмате и которая легла в основу начавшейся, но так и не завершившейся публикации НУвЛ в 1795 г.[28] На основании этих данных можно предполагать, что Новгородский извод пятой редакции КЛ был составлен в Новгородском Софийском соборе.

Из четырех известных списков первой Краткой редакции два хранятся в ЦНБ АН УССР. Это список $К_7$, принадлежащий митрополиту Киевскому Евгению Болховитинову с его правкой рукописи и сделанной с него копии – $к_8$. Список $К_7$ восходит к списку ГБЛ, ф. 37, № 135, протограф же редакции не сохранился. Первая редакция Краткого летописца представляет сжатый фактический пересказ содержания КЛ, появившийся в первой четверти XVIII в. и имеющий скорее значение исторического пособия, чем историко-публицистической повести.

Особо следует отметить, что исследование всего только восьми списков КЛ из фондов ЦНБ АН УССР уже дает возможность судить о необычайно широком ареале распространения и интенсивной миграции рукописей и сборников, содержащих списки КЛ: Москва, Новгород, Саратов, Ростов, Санкт-Петербург, Сибирь (очевидно, Тобольск), и наконец, Киев. Списки КЛ имели самую широкую читательскую среду: крестьяне, мещане, челядь крупной боярской знати (в этих списках – Воротынских и Хилковых), купечество, представители видной дворянской фамилии Головиных, известные ученые историки и этнографы, такие, как Н.И.Костомаров и С.И.Маслов. Списки КЛ активно переписывались представителями духовенства, хранились в библиотеках крупных и мелких монастырей, частных коллекциях Московского и Киевского митрополитов. КЛ вместе с такими произведениями, как Сибирский летописный свод, Сказание об Астраханском взятии и др., находил своего читателя и среди украинского населения, что, несомненно, было связано не только с тематикой КЛ, посвященной успешной борьбе с непосредственным преемником Золотой Орды, и его художественными достоинствами, но и отражало процесс развития на Ук-

---

27 *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVIIIвв. М. Наука, 1980. – С. 204.

28 *Российская летопись по списку софейскому* Великаго Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. – Спб., 1975. – Ч. 1. – 346 с.

раине интереса к русской истории и к истории народов, входящих в состав России в XVII–XVIII вв. Факт переписки КЛ в XVIII и даже XIX в. в условиях уже достаточно развитого печатного дела в России говорит о чрезвычайной популярности КЛ среди широких слоев населения XVII–XVIII вв.

1. $К_1$ – Мак (29, Мак) 30 п. Сборник житий святых, разделенный на две части и переплетенный как две отдельные рукописи. Отрывок КЛ в Мак/30 п. на 234–242 л. Рукопись (далее – ркп) в 8 ^{0}, на 285 л. (л. 142–143 чистые), переплет – картон, на л. IV, 73об., 217об., 183 – миниатюры святых.

Скоропись первой половины XVII в. Почерки: 1 – л.1–73об.; II – л. 74–83об.; 197об. – 132, 187–222; III – л.132об. – 186об., 256–259; IV – л.223–255. Филиграни: л. 1–75 – лилия в щите (сходный – Гераклитов[29] № 191 – 1647 г.); л.134–137, 140–147 – лилия в щите другого типа (сх. – Хивуд[30], № 1771–1772 – 1646 г.); л.219–259 – агнец пасхальный (подобный – Черчилль[31] № 456; Лауцявичус[32], № 590–592 – 50-х годов XVII в.).

Начало КЛ: "О бывшем звоне на месте том и о чюдотворении, и о явлении Сергия Чюдотворца" Конец: "И положен бысть той мученик новокрещеный на месте, идеже ныне стоит храм Воскресенье Христово на житном торгу".

Владельческие и иные записи: на л. 1–20 – "160-го году месяца сентября в 20 день преставлеюся тою книгою поминать меня, брата Харитона, и в том и сия книга дана по моей душе поминать как и прочих родителей; а в тою книгу брату моему Ивану не вступатца, то отказал брату моему Ивану после души моей отдати... и никакова сопротив сего слова не говорити, что аз ему тою книгу отказал и ему, Ивану, в правду Божиею и ею Ивану поминать меня и матерь свою и всех своих родичей, в том ему сию книгу отказал..." (чтение записи затруднено тем, что сверху она повторяется с ошибками более поздним почерком).[33] На л. 24об. "Совершена сия книга глаголемая цветник 7141 году, месяца июля в первый день на память святых седми мученик Макавей, происхождение честных даров древ честного и животворящего креста господня".

По почерку и выходной записи ркп 1633 г.

Частично описано: Петров (1)[34] с. 52–64; Кунцевич[35] с. 153–154 (датируется XVII в.)[36].

2. $К_2$ – 207 м/142. Сборник в 4 ^{0}, на 172 л., переплет – доски в тисненой коже, застежки оборваны, листы выпадают.

Состав л.1 – 136об. – КЛ; л.136а – 151 – "Повесть цесаревича Диоклетиана о дву слугах цесарских, о Александре и о Лодвике; л. 152–157 – Краткий летописец (Начало: "Лета 7023-го великий князь Василей Иоаннович Московский взя Смоленск град" Конец – о смерти Петра I); л. 158–171 – Беседа отца с сыном о злых женах, начало утеряно; л.171об. – 172 – отрывок о повелении царя Алексея Михайловича напечатать книгу "К ратному строю пехотному людему".

Скоропись второй половины XVII в. Почерки: I – л. 3–9об.; II – л.10–61; 62об. – 68, 69–70; III – л.61–62об., 68об. – 69, 70об. – 136; IV – л.136а–137; V – л.137–151; VI – л. 152–157; VII – л.158–172. Филиграни: л. 1–152 – герб

---

29 *Гераклитов А.А.* Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. – М. Изд-во АН СССР, 1963. – 259 с.

30 *Heawood E.* Watermarks mainly of the 17-th and 18-th Centuries / Hilversum,1950.

31 *Churchill W.A.* Watermarksin paper in Holland, England, France ets in the XVII and XVIII Centuries and their interconnection.Amsterdam 1935.

32 *Laucévicius E.* Popierus Lietuvoje XV–XVIIIa. – Vilnius,1967

33 Далее запись продолжена более поздним почерком.

34 *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г.Киеве. – М., 1891 – Вып. 1 – 321 с.

35 *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – Спб., 1905. – 546 с.

36 Далее в скобках приводится датировка из указанных печатных описаний КЛ.

Амстердама (подобные имели хождение во второй половине XVII в. — Черчилль, № 1, 6, 9, 10 — 1651—1669 гг.); л. 152—157 — голова шута и литеры ХТМ в рамке (сходный — Гераклитов, № 1215—1216 — 1681 г.); л. 158—172 — венок (подобный — Черчилль, № 79—80 — конца XVII — начала XVIII в.).

Начало ркп утрачено. Начало КЛ: "...бога и спаса нашего Иисуса Христа и разумеют вси дивная его чюдеса и великия милости". Конец: "Возбуди же ся благородная царица и сказаше ей по ряду. Она же взем сосуд. Аминь". На л. 2 более поздним почерком написано: "Сия книга нарицаемая литописец блаженыя памети о благочестивешем и великом государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче и о предках его, и о взятии им царьствующего града Казани и о злочестиваго царя Едигея и о побиении казанских татар".

Записи: л. 1 — "Сия книга Ивана Федорова сына Полякова, а подписал своею рукою"; "Сия книга деякова сына Алексея Львовича, а подписал сию книгу в генваре месяце 13 числа 1734 году"; л. 3—44 на нижнем поле — "...книга Ивана Федорова Полякова, дана ценою два рубля ... уверения, подписал сам своею рукою, нет до нее никому дела и до нее не вступатца, а ежели кто умысля зло вступитца и за то буди судим..., а мне грешным не... (запись частично утрачена вместе с утраченными ветхими листами); л. 151об. — "Сия книга или история глаголемая Казанское взятье города Саратова Саратовского купьца Тимофея Зверева"; л. 151об. — "Сия книга саратовского купьца Иродиона Хоньтова. 1738 год"; там же почерком XIX в. — "В ростовскую... (слово смыто. — *Л.Д.*) Санктпетербург"; л.158—172 — скрепа на нижнем поле, частично повреждена и смыта — "Тетрадь влесн... ского подьячева насетева сына Илии Яко..."; л.157об.— продолжение краткого летописца рукой Ивана Федоровича Каменева о времени Петра I; л. 172об. — "Сия книга глаголемая история Казанского взяться Ивана Федорова сына Каменева, подписал своею рукою", "Сия книга Матвея Пирьфитьева по прозванию Паука".

По почеркам и филиграням ркп состоит из трех самостоятельный частей. КЛ на л.1—136 датируется 70-и годами XVII в.; л.136а—157 — 80-и годами XVII в.; л.158—172 — концом XVII — началом XVIII в.

3. $К_3$ — ДА/888 л. Сборник в 4^0, на 513 л. (л.1, 2, 17об., 18, 50об. — 54об., 93—94, 181—183, 344—345, 375—376, 388—389, 417—421, 442, 454, 489 — чистые), переплет — доски, без нижней доски и застежек.

Состав: л.2об. — 5 — оглавление сборника; л.6—15 — "Стихи о спасительных страстех господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, глаголют 12 отроков"; л.16—17 — выписка из "Кирилла Иерусалимского о браке"; л. 19—50 — "Сказание о семи свободных мудростях"; л.55—68 — "Начало русских князей"; л.68об.— 92 — Космография; л.95—180 — "Книга глаголемая, в ней написано как по милости всемогущего бога и по избрание всего Российского царства всяких чинов и людей великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Росии самодержец учинился на Владимерском и на Московском и на всех великих преславных государствах Росийсскаго государства государем царем и великим князем всеа Росии самодержцем"; л.184—343 — КЛ; л.346—362 — "Список деяний истинных в деле рати множения и объяснения веры православныя"; л.363—374 — "Послание старца Филофея Елизарова монастыря от божественных писаний"; л.377—388 — "Ина повесть содеяся в великом Новеграде о изытии како изо ада посадника Шила"; л.390—416 — "О государствах Азии Великой"; л.422—441 — "Выписано из летописца белорускаго княжения великого князя Василия Ивановича всеа Росии и о рождении сына его великого государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии"; л.443—453 — "Выписано ис кроники Польской Летописца Александра Гвагнина о приходе турского войска под Астраханское царство"; л.455—471 — "О Китайском царстве выписано из книг и у посыльщиков из доездов у ведущих людей о том роспрашиваны и то написано свидетельством подлинным"; л.272—289 — "История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской"; л.491—513 —"Приклад дивный, коль благ бог и всесилен и како прелогает печальная на радость смышлением внешних диописец известию об Апполоне, короли Тирском, и о Тарсии кралевне": л.513—519 — Список с грамоты 7161 г. царя Алексея Михайловича в Казань наместнику боярину князю Н.И.Одоевскому о перенесении мощей митрополита Филиппа и ответ Н.И.Одоевского.

Заголовок КЛ: "Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских с цари казанскими и о взятии царства

Казанского благоверным царем и великим князем Иванном Васильевичем всеа Русии самодержцем". Начало и конец обычные.

Скоропись XVII в. Почерки: I — л.1—5об.; II — л.6—15; III — л.16—17; IV — л.19—50; V — л.55—92об.; VI — л.95—181; VII — л.184—215; VIII — л.215об. — 235, 237об. — 343об.; IX — л.346—362об.; X — л.363—374об.; XI — л.377—388 (полуустав); XII — л.390—416; XIII — л.422об. — 411, 455—471об.; XIV — л.443—453; XV — л.472—489; XVI — л.491—511; XVII — л.511—513. Филиграни: л.2, 4, 5 — литеры и герб Амстердама (тожд. — Клепиков[37], № 1022 — 1682 г.); л. 1, 3, 6—17 — голова шута (сх.—Хивуд, № 2001 — 1669 г.); л. 18—54 — голова шута (сх.—Гераклитов, № 1356 — 1665 г.); л. 55—93 — герб Амстердама (подоб. — Лауцявичус, № 79 — 1687 г.); л. 94—109, 160—167 — голова шута (сх. — Гераклитов, № 1386 — 1683 г.); л.110—159, 168—183 — голова шута и литеры IBEAUVORT в рамке; л.183—223 — голова шута и литеры ET в рамке (тожд. — Гераклитов, № 993 — 1666-67 гг.); л.224—260, 363—376, 444—449 — герб перевязь с лилией над гербом (вариант этого знака приводит Черчилль, № 437); л.261—344 — голова шута (сх. — Гераклитов, № 1373—1374 — 1678 г.); л. 345—362 — без филиграней; л. 377—389 — литеры IV и голова шута (сх. — Клепиков, № 894 — 1682, 1687 гг.); л.390—412, 442—443, 450—451 — голова шута; л.413—421, 452—453, 464—471 — герб Амстердама (сх. — Хивуд, № 391 — 1689); л. 421—443, 450—463, 472—497 — голова шута и литеры (сх. — Хивуд, № 2054 — 1667 г.); л.482—505 — голова шута и литеры IGANNE (сх. — 70—80-х годов XVII в. — Гераклитов, №1194—1221);; л.506—513 — голова шута и литеры AI (подоб. — 80-х годов XVII в. — Клепиков, № 894); л. 513—519 — агнец пасхальный и PI (сх. — Хивуд, № 2841—2844 — 50—70-х годов XVII в.).

Записи: л. 3 — "Сия книга глаголемая..., Ивана Иванова сына, а по прозванию Лакомкина"; л.6—41 — скрепа на нижнем поле: "Сия книга из разных летописцев списанных книг боярина князя Никиты Ивановича Одоевского человека Федора Герасимова, а хто сию книгу у него Федора и после ево Федоровой смерти у детей ево по [хитит] и тех судит бог, подписал сию книгу я, Федор, своею рукою во 190-м году[38]"; л.51 — "Сия книга глаголемая цветник Ивана Лакомкина"; л.94об. — "Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу всеа великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Федка Хилков. В нынешнем государь 186-м году приставив..."

Судя по почеркам, филиграням, потертостям листов, ркп состоит из десяти отдельных частей:: I-й — л. 1—17 — 70-х годов XVII в.; II — л.19—50 — 60—70-х годов XVII в.; III — л.55—92 — конца 70-х годов XVII в.; IV — л.95—181; V — л.183—344; VI — л.346—384; VII — л.390—416; VIII — л.422—453; IX — л.472—489; л.490—513. Учитывая владельческую запись и запись на л.94об. КЛ датируется концом 70-х годов XVII в. (не позднее 1678 г.).

Таким образом, КЛ на л.183—344 датируется 70-ми годами XVII в.

Частично описано: Лебедев[39], с.445—447; Кунцевич, с. 153 (XVII в.).

4. $К_4$ — 363 п/185. Сборник в 1^0, на 375 л., переплет — доски в тисненой коже, застежки оборваны.

Состав: л. 1—109 — Космография; л.109—172 — КЛ; л.172—176об. — "Сказание вкратце о приходе к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Росии самодержцу изо Астрахани к Москве от Ямгурчея царя их нагай от Смайлы мурзы послов и к ним о послех великого государя, и о послании Дербыш-Аллея царя Касимовского и с ним воевод великого государя для взятия Астрахани князь Юрия Ивановича Пронского Шемякина с товарищи и о взятии Тмуторакани, яко тогда именовашеся Асторохань"; л.179—189 — Сибирская Есиповская летопись основной редакции; л.189об. — 249 об. — "Синопсис или краткое собрание от разных летописцев"; л.250—375об. — "Книга глаголемая история Китайского государства".

Скоропись XVIII в., полуустав XVIII в. Почерки: I — л.1—189об., 225—375; II — л.190—225об. Филиграни: л. I—VIII, 109—228, 250—375 — герб Амстердама и литеры MARTIN (сх. — Хивуд, № 147 — 1720 г.); л.VIII—XI, 1 — 8, 56 — 108, — герб Амстердама и литеры IDP (тожд. — Клепиков, № 1116 — 1721 г.); л.9—55,

---

37 *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М. : Изд-во АН СССР, 1959. — 306 с.

38 Н.И.Одоевский умер в 1689 г.

39 *Лебедев А.* Рукописи Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. — Саратов, 1916. — Т. 1. — 472 с.

229—244 — герб Амстердама (сх. — Хивуд, № 417 — 1720 г.); л. 245—249а — литеры и герб Амтердама (тожд. — Клепиков, № 924 — 1712, 1719, 1722 гг.)

Заголовок КЛ: "Сказание вкратце о истории о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со цармии казанскими, и о взятии того же царства Казанского" Начало обычное. Конец: "Иже един бысть приемник от святые купели преосвященный Макарий митрополит Московский и всеа Росии".

Запись на нижнем поле всей рукописи: "1863 г. Принадлежит библиотеке Киево-Печерские Успения лавры"

По почеркам и филиграням ркп 20-х годов XVIII в.

Частично описано: Петров (II), с. 115; Кунцевич, с. 151—152 (XVII в.)

5. K_5 — 364 п/200. Сборник в 4^0, на 351 л. (л. 351 + I—II, III—IV), л. 278—280 — чистые, переплет — доски в тисненой коже, застежки оборваны.

Состав: л.1—152 — КЛ; л.152—162об. — Сказание о взятии Астрахани. "Сказание о приходе к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу все России самодержцу изо Астрахани к Москве от Ямгурчея царя из нагай от Смайлы мурзы послов и к ним от послех великого государя для взятия Астрахани князь Юрья Ивановича Пронского Шемякина с товарищи, и о взятии Тмуторокани, яко тогда именовашеся Астрахань"; л. 163—191 — "Описание известительное о Сибирстей стране како изволением божиим и милостию и молитвами пречистыя богородицы взято бысть православно российскими христианы у бесерменских царей царство Сибирское и со многими к нему принадлежащими ордами, и со многоразличными же [ино] верными языки, во обдержание Российскому скипетру мужеством и храбростию российскаго войска, собранного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевичем Поволским и казаков"; л. 192—277об. — "Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея, и кто в них по указу государеву имены были и думных дворян, столников, и стряпчих, и дьяков, и писмяных голов и с приписью подьячих"; л. 281—351 — Г.Новицкий. "Краткое описание о народе остяцком и вогульском, и о крещении их"

Скоропись XVIII в. одного почерка. Филиграни: л.1—191, 297—350 — РФ лигатура и ФТИ лигатура; л.265—296 — герб Амстердама и литеры FMAROT (тожд. — Клепиков, № 1019 — 1730 г.); л.551—555 — герб Амстердама и литеры ВВЕ (с. — Хивуд, № 419 — 1717 г.); на остальных — РФ АГ (тожд. — Клепиков, № 472—478 — 40-х годов XVIII в.)

Заголовок КЛ: "Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того же царства Казанскаго" Начало обычное. Конец: "Еже все един пред ним бысть от святые купели преосвященный Макарий митрополит Московский и всея Русии. Аминь"

Запись на нижнем поле листов всей рукописи "Принадлежит библиотеке Киево-Печерские Успения лавры"

По почерку и филиграням ркп 30-х годов XVIII в.

Частично описано: Петров (II), с. 116 (первая половина XVIII в.); Кунцевич, с. 152 (первая половина XVIII в.); Дворецкая[40], с. 75.

6. K_6 — 326/528 с. Сборник в 4^0 на 311 л., л.310—311 — чистые, переплет — картон с кожаным корешком.

Состав: л. 1—124 Новгородская III летопись пространной редакции, часть вторая; л. 127—309 — КЛ. Заголовок: "Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о бранех, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того же царства Казанского от благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии московскаго" Начало и конец обычные. В конце приписка — "Сие же бысть чюдо во втором лете царевича Иоанна"

Скоропись конца XVIII — начала XIX в. Почерки: I — л. 1—40об.; II — л.41—135об.; III — л.136—144об.; IV — л.145—149об. Филиграни: л.1—40 — УФ, лилия, 1804, ЛП (Клепиков, № 650); л. 193—232 — РФ и СТ, 1806 г.; л.233—304 — РК в круге под короной, КУ, СМ, пропатриа (тожд. — 1807 г. — Клепиков, № 405); л. 305—311 — герб Костромской губ., 1809, лилия, ВГХОСХЛ.

Запись на л. 1 — "Российский летописец по списку Софийскому великаго Новаграда, часть вторая" Штамп на л. 1, 2, 311 — № 528. Рукопись Киево-Софийского кафедрального собора"

---

40 *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) — Новосибирск Наука, 1984. — 135 с.

По почеркам и филиграням ркп. 10-х годов XIX в.
Частично описано: Петров (III)[41], с. 109.

7. K_7 и K_8 — 331/555 с. Сборник в 1[0], на 63 л., переплет — бумага.

Состав: л. 1—19об. — Краткий КЛ I. Заголовок: "История краткая российская о царстве Казанском, как оное пришло под державу Российскую" Начало: "В лето 6745-е попущением божиим за грехих христиан прииде на российскую землю царь татарский Батый со многими силами". Конец: "Мурзы же слышаша, запретиша им глаголати, чтоб тем на народ страху не навесть"; л.19об.—29об. — "История о Сибирской земле, как пришли под державу Российской империи"; л. 31—32об. — "Список с государева наказу, каков дан первому архиепископу новопосвященного города Казани Гурию чюдотворцу. А списан тот список с списка же в Казани в Преображенском монастыре"; л.33—52 — Краткий КЛ (I) Заголовок: "История краткая Российская и о царстве Казанском, как оное пришло под державу Российскую" Начало: "В лето 6745-е попущением божиим за грехи христиан прииде на российскую землю царь татарский Батый со многими силами" Конец: "Мурзы же слышаша, запретиша им глаголати, чтоб тем на народ страху не навесть"; л. 52—62 — "История о Сибирской земле, как пришло под державу Российской империи"; л.62об.—63об. — "Список с государева наказу каков дан первому архиепископу новопосвященного города Казани Гурию чудотворцу... А списан тот список с списка же в Казани в Преображенском монастыре"

Скоропись XIX в. Почерки: I — л. 1—10об., 20—25об.; II — л.11—19об., 25—29об.; III — л.31—32об.; IV — л.33—33об.; 62—63об.; V — л.34, 37; VI — л.35—36об.; 37—62. Филиграни: л. I—III — пропатриа и герб Гончаровых, МФ (тожд. — Клепиков, № 382 — 1813—1821 гг.); л.1—30 — "Братьев Билибиных", 1814 г.; л.31—32 — ГМКЗИФ, 1814; л.33—62 — "МСГ ОСМ", 1823, про патриа; л.63—64 — ЯМСЯ, герб Ярославской губ., 1816.

На л. II рукою митрополита Киевского Евгения Болховитинова записано "Краткая История о Казанском и Сибирском царстве и о завоевании оных россиянами", на переплете — "№ 84, и.о. 4" На л. 1—29 исправления рукой митрополита Евгения. На л.1 штамп библиотеки Киево-Софийского кафедрального собора, № 555.

Судя по почеркам и филиграням, рукопись состоит из двух частей: I — л.1—32 — середины 10-х годов XIX в.; II — л.33—63 — конца 10-х годов XIX в. I часть — оригинал, II — копия.

Частично описано: Петров (III), с.100; Кунцевич, с. 154—155 (XIX в.). Упоминается: Перетц В.Н. / Литературный вестник. — 1901. — С. 126 (XIX в).

В.И.Горобец

ФИЛИГРАНИ НА БУМАГЕ УКРАИНСКИХ РУКОПИСЕЙ XVIII В.
(Материалы к отечественному своду водяных знаков)

Становление филигранологии как вспомогательной исторической дисциплины, имеющей свой предмет и методы исследования[1] требует постоянного накопления новых документальных материалов, которые смогли бы основательно дополнить многочисленные, однако далеко неисчерпывающие на сегодня ни в литерной, ни в сюжетной частях разно-

[41] *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве. — М., 1904. — Вып. 3. — 307 с.

[1] *Мацюк О.Я.* Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.) — К. 1974. — С. 5.

типные образцы водяных знаков. Эти данные необходимы также для заполнения пробелов в истории развития отдельных серий, которые фрагментарно отображены в собраниях отечественных и зарубежных исследователей. Нет необходимости подчеркивать значение филиграней для установления времени создания анонимных рукописей и старопечатных источников, определения территориальной их маркированности, авторства, идентичности оригиналу и т.п. Особенно важен учет филиграней при атрибуции документов из рукописных сборников[2]

На современном этапе отечественные исследования в области филигранологии развиваются главным образом в двух направлениях. Во-первых, в ряде республик создаются синтетические труды, посвященные истории водяных мельниц, фабрик и дешифрированию филиграней на производимой ими бумаге. Весомым вкладом в советскую и мировую науку явились работы С.А.Клепикова, М.В.Кукушкиной и З.В.Участкиной, посвященные филиграням фабрик XVIII–XIX вв., расположенных на территории России, книги Э.Т.Лауцявичюса о знаках литовских фабрик, монография О.Я.Мацюка об украинских филигранях и др.

Второе направление представлено тематическими исследованиями, в которых на материале вариантов той или иной филиграни, отдельных серий, прослеживается эволюция водяного знака. Ниболее значительными среди них являются работы А.А.Гераклитова и С.А.Клепикова, успешно продолживших традиции русских палеографов В.Н.Щепкина и Н.П.Лихачева. Важным вкладом для развития обоих направлений станет дальнейшее обобщение тех разрозненных сведений о филигранях, которые собраны в каталогах рукописных и старопечатных памятников больших книгохранилищ, а также в ряде исследований советских историков, филологов, искусствоведов, широко использующих новые источники.

Таким образом, ставится на реальную основу создание отечественного свода филиграней в виде разнотипных атласов и научных комментариев к ним — крайне необходимых для текстологов, палеографов, вообще специалистов в области источниковедения. Несмотря на то, что усилиями ученых нашей страны (прежде всего Н.П.Лихачева, А.Витвицкой, А.А.Гераклитова, С.А.Клепикова и др.) накоплены определенные сведения для атласов иностранных филиграней, а также издан ряд зарубежных сборников (В.Черчилля, Е.Хивуда, А.Николаи и др.), использование этих данных с исследовательскими целями не всегда дает положительные результаты. Существенным недостатком дореволюционных и некоторых послевоенных работ, в том числе известных зарубежных изданий, является недооценка литерной части филиграни, иногда пол-

---

[2] Напомним, что именно пристальное внимание к филиграни, не учтенной О.Левицким, позволило Е.Апанович открыть новый список протографа Летописи Самовидца (подробнее см.: *Апанович Е.М.* Рукописная светская книга XVIII в. на Украине. — Киев : 1983. — С. 130—137).

ное ее игнорирование. Литерное сопровождение, в том числе вензели, оставались часто не замеченными или истолковывались фрагментарно, вне связи с развитием бумажного дела в той или иной стране, с историей фабрик[3] Конкретно-исторический подход к материалу позволил выработать в 60-е годы XX в. более компактную и стройную его классификацию.

Как известно, новая методика впервые была предложена С.А.Клепиковым и вскоре получила всеобщее признание[4] Суть ее сводится к расположению филиграней в описаниях по алфавиту их литерной части. "Расположение филиграней в алфавите литер, — подчеркивал С.А.Клепиков, — позволяет более точно и быстро идентифицировать знак, найденный на бумаге, со знаком, помещенным в таблице, позволяет в небольшом объеме сконцентрировать сведения, дающие более четкое представление о расположении элементов филиграни, показывает описан неполный лист (половина), полный или же лист с пустой второй половиной"[5] Однако в процессе выявления всего многообразия литерного сопровождения в филиграни проявились иного рода упущения. В описаниях до сих пор, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется графемному варьированию, особенностям шрифтов, что затрудняет пользование ими при отсутствии альбомов (ср. отличие в изображении AG на филиграни "Amsterdam", графем JS — на других гербах).

В этих условиях представляется целесообразным создание для практических нужд книгохранилищ и рукописных фондов библиотек СССР дополнительных атласов иностранных филиграней с привлечением для этого документированных отечественных памятников. Если принять во внимание тот факт, что период обращения импортируемой бумаги в царской России, а также на территории Украины и Белоруссии, не совпадал со временем ее изготовления и обращения за рубежом (нельзя не учитывать огромное расстояние между странами и землями внутри государства, не делая при этом поправки на условие и время завоза, хранение и использование бумаги в центральных и областных учреждениях, в быту и т.д.), потребность в такого рода сводных атласах для уточнения хронологии, вообще атрибуции многих отечественных документов и списков, на наш взгляд, не вызывает сомнения. Более того, накопленные сведения заметно продвинули бы вперед и тематические исследования многосерийных филиграней. Начинать эту работу, по-видимому, следует с рассмотрения документов бывших центральных канцелярий и учреждений, а также архивов высокопоставлен-

---

3 *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. — М., 1959. — С. 5–6, 26.

4 *Кукушкина М.В.* Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. (Обзор. собр. П.А.Картавова) // Ист. очерк и обзор фондов рукопис. отд. б-ки Акад. наук. — 1958. — Вып. 2.

5 *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX в. — М., 1978. — С. 5.

ных лиц, причастных к ним по служебной деятельности. Именно здесь наблюдается оптимальное отклонение во времени обращения завозимой бумаги в Восточную Европу в связи с интенсивностью использования, а также синхронным обращением бумаги отечественного производства. Последнее следует учитывать при идентификации исходных вариантов водяных знаков, ставших образцом для подражания на местных фабриках.

Данное сообщение дает исследователям сведения о филигранях на бумаге, обращавшейся в гетманских канцеляриях Левобережной Украины XVIII в. и в быту генеральной старшины. В исследуемом корпусе оригинальных источников ("диариушей", или "журналов") представлены личные дневники (авторами их выступают чаще всего бывшие воспитанники Киевской академии), например многотомные записки уроженца г.Прилук на Черниговщине, генерального подскарбия Я.А.Марковича (период 1717–1767 гг.), а также ежедневные записки разных должностных лиц, составляющие продукцию генеральной войсковой канцелярии. Речь идет о журналах, писанных в походной канцелярии ("Краткій журнал..." о путешествии гетмана Д.Апостола в Москву в 1728 г.) или в стенах центральных административных учреждений г.Глухова ("диариуши" Генеральной войсковой канцелярии первой половины XVIII в.)[6]

Четкая территориальная соотнесенность этих рукописей, определенная внутритекстовая датировка, наличие общего (исходного) временного периода в охвате текущих событий (1717–1731 гг.), возможность выхода далеко за его пределы с помощью некоторых дневников (например, записок Я.А.Марковича за период с 1732–1767 г.), говорят о надежности источников для подобного рода исследований. В статье не ставилась задача представить во всей полноте историю развития той или иной филиграни, доводя до изображения, обнаруженного на бумаге дневников. Это дело будущего и на сегодня вряд ли выполнимо из-за отсутствия достаточных сведений. В данном сообщении кроме известных знаков прослеживается фиксация новых их разновидностей, в том числе филиграней, не отмеченных в отечественных и доступных читателю зарубежных изданиях. При этом указывается на различие в изображении в основном маловариантных образцов, так как при отсутствии на сегодня исчерпывающего ряда разновидностей в той или иной серии непосредственный вариант для сопоставления (прототип) остается не установленным.

Новые знаки и разновидности их сгруппированы нами в прилагаемых таблицах по типовым изображениям[7] При соотнесении некото-

---

[6] Подробную справку об этих документах см.: *Горобець В.Й.* Діаріуші – визначні пам'ятки української писемності XVIII ст. // Іст. джерела та їх використання. – 1972. – Вип. 7 – С. 102–114.

[7] Здесь и далее под "разновидностью" понимается новый вариант в серии по отношению к уже известным в описаниях.

рых вариантов с представленными образцами в научной литературе высказываются соображения по поводу полноты их отображения[8]. Ввиду недостаточной разработанности и унификации терминологии для обозначения отдельных знаков или типовых серий, а также возможности повторного обращения читателя к оригиналу указывается нумерация листа рукописи.

Дневник Я.А.Марковича (далее сокр. — М.)[9]

Книга первая (1723—1724 гг.).

1.Л. O_2 (последний лист рукописи, за которым следует переплет книги, обычно не заполненный, чистый) — филигрань "Alla mode papper" (надпись в основании изображения курсивом, переходящим в скоропись — см. табл. II, фил.14); разновидность из серии знаков, обнаруженных на бумаге германских источников XVII в. (1650—1697 гг.)[10] Сравнимы также образцы на листах киевского издания кн. "Печерский псалтырь съ толкованиемъ" (1697)[11]

2.Л. 26,29,36 и др. — фигура скачущего всадника с рожком (табл.I, фил.9); разновидность из серии знаков "Почтальон" ("Postreiter"), Ср. знаки на бумаге киевского издания кн. "Рук. толкованія нужнѣйш[ихъ] мѣстъ Библіи" (1676 г.)[12] Появление бумаги с данной филигранью на территории Русского государства А.Гераклитов относил к концу 1634 г., когда началось печатание московского издания "Апостола" (1 декабря 1634 г. — 15 августа 1635 г.).

Учитывая московское издание 1655 г., автор приходит к выводу, что период обращения бумаги с этим знаком в России составляет примерно 20 лет[13] Наши материалы свидетельствуют, что последние сроки использования ее на территории Левобережной Украины могут быть отодвинуты далеко вперед (до середины XVIII в.).

3.Л. 18, 21 и др. — двуглавый орел с короной (табл. III, фил. 19), разновидность из серии знаков, засвидетельствованных на бумаге украинской книги XVII в. (1666—1697 гг.)[14]

---

[8] Филиграни скопированы автором способом просвечивания на кальку. Все они имеют натуральный размер.

[9] Оригинал хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР: кн. 1 (ф.XII, ед.сб.1), кн.2 (ф.XXVIII, ед. сб.337), кн.3/4 (ч.1, ед. сб.66857—66858), кн.7 (ф, XXVIII, ед. сб.336), кн.8/10 (ф.1, ед.сб.66859—66861).

[10] The Nostitz Papers, Notes on Watermarks Found in the German Imperial Archives of the 17th and 18th Centuries. — Hilversum, 1956. Tab.18. — fil. 81—85.

[11] *Тромонин К.* Знаки писчей бумаги. — М., 1844. — Табл. XCIV, фил. 1356,

[12] Там же. — Табл. LXXXVI, фил. 1249.

[13] *Гераклитов А.А.* Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. — М., 1963. — С. 25—26.

[14] Там же. — Табл. XCIV, фил. 1349; *Каманін І., Вітвіцька О.* Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. // Зб. іст.-філол. відділу УАН.— 1923. — № 11. — С. 79, фил. 695.

4. Л.24 (1723 г.) — знак серии "Почтальон"; см. аналогичное изображение в собрании филиграней германской бумаги, в частности распространенной в Польше в XVII в. (опись с иллюстрацией под 1693 г.)[15].

Книга вторая (1725—1727 гг.).

1.Л.$О_1$ (начальный, обычно не заполненный, чистый лист рукописи) — $О_2$ (такой же последний лист, за которым следует переплет книги) — крест в гербовом картуше под короной (табл. I, фил. 2); разновидность из серии знаков, обнаруженных И.Каманиным и А.Витвицкой на Украинских документах конца XVI в. (под 1595 г.)[16]

2. Л.83 и др. — фигура всадника с рожком (табл. I, фил. 10); разновидность из серии знаков "Почтальон". Ср. образцы в сборнике филиграней германской бумаги (распространенной в Польше в XVI—XVII вв.)[17], также варианты на бумаге русских памятников XVII в.[18]

3.Л. 98 и др. — двуглавый орел с короной (табл. III, фил. 18); разновидность из серии знаков, обнаруженных И.Каманиным и А.Витвицкой на бумаге украинских памятников XVII в. (1662—1664 гг.)[19]

4. Л. 282—283 и др. (см. табл. IV, фил. 28) — монограмма AGI (левая половина листа — литеры прямые, печатный шрифт типа баскервилль) и герб города Амстердама (правая половина листа), распространенный на голландской бумаге конца XVII — первой половины XVIII в. (1676—1723 гг.)[20] Обстоятельный анализ филиграни "герб города Амстердама" дан С.А.Клепиковым в одном из лучших в отечественной науке синтетическом очерке.

На основании исследованных 310 датированных вариантов (153 из них впервые введены в научный обиход) автор приходит к убеждению, что главным признаком, помогающим достоверно определить время изготовления бумаги с тем или другим вариантом водяного знака, является не изображение герба, а его литерное сопровождение[21] Классификация знаков по алфавиту их в литерной части позволила ученому охватить огромный материал, однако, на наш взгляд, для большей точности следовало бы указать в описании и на различия в графике (на шрифты), не ограничиваясь замечаниями о расположении букв по отношению к сюжетной части филиграни (изображению герба, какой-нибудь композиции и т.п.).

В России так называемая голландская бумага (как известно, позже ее производила Франция уже по заказу голландских промышленников

---

15 The Nostitz Papers... — Tabl. 92—93, fil. 485—488.
16 *Каманін І., Вітвіцька О.* Вказ. праця. — С. 8—9, фил. 64—69.
17 The Nostitz Papers... — Tab. 92—93, fil. 485—488.
18 *Тромонин К.* Указ соч. — Табл. XCIV, фил. 1372.
19 *Каманін І., Вітвіцька О.* Вказ. праця. — С. 78—79, фил. 689—692.
20 *Heawood Edw.* Watermarks, Mainly of the 17th and 18th Centuries. — Hilversum, 1950. — Tab. 64—67, fil. 397, 405, 407—408.
21 *Клепиков С.А.* Бумага с филигранью "герб города Амстердама" (Материалы для датировки рукописных и печатных текстов) // Зап. отд. рукоп. Гос. б-ки СССР им. В.И.Ленина. — 1958. — Вып. 20. — С. 319.

и факторов) появляется еще в 1650 г. Ранняя фиксация филиграни отмечена С.А.Клепиковым на русском документе под 1657 г., хотя усиленное распространение бумаги голландского производства на Западе наблюдается, по мнению ученого, в течение 1676–1725 гг., а в России – в XVIII в. (1701–1725 гг. – 74 %) [22]

Книга третья (1729–1730 гг.).

На листах рукописи видна монограмма PV (слева – литеры прямые, печатный шрифт типа баскервилль) и герб города Амстердама (правая сторона листа), образующие разновидность из серии филиграней голландской бумаги XVIII в. (периода 1718–1723 гг.) [23] (См. табл. IV, фил. 29).

Книга четвертая (1731–1736 гг.).

Л. 1–141 – сюжетная композиция из серии "Alle mode pappier" (левая половина листа – литерная часть отсутствует) и одноглавый орел с короной (справа) – см. табл. II, фил. 15. В специальном исследовании о филиграни "A'la mode papier" А.Гераклитов подчеркивал, что бумага с этим знаком была им обнаружена при знакомстве с украинскими рукописями и старопечатными изданиями XVII–XVIII в. Случаи использования ее в Московской Руси редки, хотя бумага иногда поступала сухопутными каналами из польских владений. Изучение качества исполнения сюжетной композиции и особенностей графики в литерной части филиграни с учетом социально-экономических условий позволило автору выдвинуть довольно весомое предположение, что такая бумага производилась на фабриках Германии (а не во Франции, как считали ранее) [24] Хронологические рамки ее использования: последняя четверть XVII – 40-е годы XVIII в.

З.Л. 149–270 – крест в гербовом картуше под короной (табл. V, фил. 1).

Книга седьмая (1744–1747 гг.).

На листах рукописи виден знак русской бумаги XVIII в. (табл.IV, фил. 26). Изображение в левой половине листа – сюжетное подражание иностранной композиции "Pro patria", на правой стороне просвечиает филигранный вензель владельца фабрики "AG" (Афанасія Гончарова) [25] Знак "Pro patria", модифицированный на русской бумаге из 1740 г., становится популярным на Украине в конце XVIII – начале XIX в., когда местные фабриканты копировали, создавая оригинальные вариации[26].

---

22 *Клепиков С.А.* Бумага с филигранью "герб города Амстердама". – С. 318.

23 *Heawood Edw.* Op. cit. – Tab. 64–67, fil. 407–408.

24 *Гераклитов А.* Один из бумажных водяных знаков XVII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. – Пг., 1922. – С.305–313.

25 *Uchastkina Z.V.* A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. – Hilversum, 1962. – Tab. 289, fil. 682. Филигранный вензель расшифрован С.А.Клепиковым. См.: *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. – С. 13.

26 *Мацюк О.Я.* Вказ. праця. – С. 22.

Книга восьмая (1748—1754 гг.).

1.Л. 1—210 — филигрань "Pro patria", аналогична описанной выше (см. кн. VII).

2. Л.211—220 и др. — знак русской бумаги XVIII в. (табл. IV, фил. 27): левая сторона листа отражает лигатурную фигурную монограмму в картуше — РФМ (Россiйская фабрiка Масалова), правая фамилию фабриканта — MASALOWA (Шрифт прямой, плакатный, типа мемфис) Ср. засвидетельствованные варианты этой серии З.В.Участкиной по документам 1768, 1775 гг.[27]

3.Л. дополнительный ("Описание эконома Вижевского", 1751 г.) — знак русской бумаги XVIII в.: инициалы АГФБ (Афанасiя Гончарова фабрiка бумаги). Ср. адекватную филигрань на "Печатномъ указѣ" (1754 г.)[28] Аналогичный знак обнаружен З.В.Участкиной на русской бумаге 1760 г. в сопровождении филигранного вензеля фабриканта ("AG")[29] К сожалению, в нашем распоряжении имелась только половина листа, поэтому установить исходный вариант филиграни невозможно. Нужны новые данные русских и украинских памятников.

Книга девятая (1755—1763 гг.).

Л. 1—50 и др. — знак русской бумаги XVIII в., засвидетельствованный З.В.Участкиной по русскому документу более позднего происхождения (датируется 1756 г.): сюжетная композиция (в левой половине листа) является подражанием иностранному знаку "Pro patria" с инициалами вверху АГБ (Афанасiя Гончарова бумага) и сложным фигурным вензелем фабриканта ("AG")[30] Вдоль корешка рукописи на тех же листах виден миниатюрный литерный вензель А.Гончарова. По-видимому, лигатурную монограмму "AG" заметил в свое время Н.Лихачев на копиях с указов 1763 г., снятых в течение 1763—1764 гг. Однако особое соединение литер, довольно вычурные их комбинации стали причиной ошибочного суждения автора о структуре литерной части филиграни: "АГ" знак варюта (речь идет о линейном, фигурном вензеле фабриканта. — *В.Г.*), буквы С, Е? и далее следует существенное замечание — "для обозначения сорта или имени мастера"[31] З.В.Участкина в своем собрании почему-то не дополнила композицию указанными вариантами монограммы (изображение их см. в нашем приложении: табл. III, фил. 25).

2.Л.54, 56 и др. — раздельная монограмма (шрифт прямой, печатный) "РФ АГ" (табл. III, фил. 24): в левой половине листа литеры РФ, справа — АГ (Россiйская фабрiка Афанасiя Гончарова"). Шрифт гра-

---

27 *Uchastkina Z.V.* Op. cit. — Tab. 265, fil. 625—626.
28 *Тромонин К.* Указ. соч. — Табл.LXXIV, фил. 1036.
29 *Uchastkina Z.V.* Op. cit. — Tab. 139, fil. 244.
30 *Uchastkina Z.V.* Op. cit. — Tab. 296, fil. 693.
31 *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. — Спб., 1899. — Ч. 2. — С. 242; Ч. 3 (альбом снимков), табл. CCCCLXXXII, фил. 3567—3569.

жданский. Ср. иные образцы в собраниях К.Тромонина[32] и З.Участкиной[33]

Книга десятая (1763–1767 гг.).

На листах рукописи виден знак русской бумаги, засвидетельствованный Н.Лихачевым на копиях указов 1763 г., снятых в течение 1763–1764 гг.[34] На левой стороне листа расположена сюжетная композиция с литерами АГ справа – филигранный (фигурный) вензель владельца фабрики ("AG").

Краткій журналь о пое (з) дѣ в Москву ясисвѣлмо (ж) но [г] (о) его милости пана Даніила Апостола войск его императо (р) ско [г] (о) величества запоро (ж) скых обоих сторонѣ Днѣпра гетмана (1728)[35]

Бумага рукописи отражает филигрань серии "Почтальон" ("Postreiter"), засвидетельствованную также в дневнике Я.Марковича (см. опись выше: М., I, знак 4).

Журнал гетманской канцелярии (далее – ЖК) (1722–1723 гг.)[36]

1.Л. 1–28 – герб города Амстердама, в основании по центру сюжетной композиции видны литеры AI (прямые, печатным шрифтом типа баскервилль). См. табл. IV, фил. 30. Адекватное изображение герба, но без литерного сопровождения подано в собрании Е.Хивуда (под 1724 г.)[37] Ср. также варианты с инициалами AI (рукописные) и видоизмененной гербовой частью (отсутствует нижнее основание) на документах конца XVII – начала XVIII в.[38]

2.Л. 62–83 (1722 г.). См. опись: М., II, знак 4. Отличие: литеры A GI отсутствуют.

3. Л. 88–103; 246–280, 354–355 и др. См. опись: М., I, знак 3.

4. Л. 105–145 и др. (1722–1723 гг.) – знак 1, обнаруженный на начальных листах данной рукописи (см. выше: л. 1–28). Отличие: имеется монограмма из литер "PGOWE" (печатным шрифтом).

5. Л. 282–287. См. опись: М., II, знак 2.

---

32 *Тромонин К.* Указ. соч. – Табл.LXXV, фил. 1055–1056 (автор ошибочно разбивает филигрань на две самостоятельные монограммы).

33 *Uchastkina Z.V.* Op. cit. – Tab. 172, fil. 382.

34 *Лихачев Н.П.* Указ. соч. – Ч. 3, табл. CCCCLXXXII, фил. 3570.

35 ЦНБ АН УССР. Отдел рукописей, коллекция М.И.Судиенко (ф. VIII, ед. хр. 162 м / 80).

36 ЦНБ АН УССР. Отдел рукописей, арх. А.М.Лазаревского (ф. 1, ед.хр.66720).

37 *Heawood Edw.* Op. cit. – Tab. 65, fil. 400.

38 *Heawood Edw.* Op. cit. – Tab. 67, fil. 409–410.

6. Л. 333–339 (1723 г.). См. опись: М., IV, знак 3. Отличие: имеется литерный вензель "JS" (см. опись данной монограммы ниже: ДК, I, знак 1).

7. Л. 319, 366–386 и др. — сюжетная композиция с надписью на щите (литеры прямые, гротескным шрифтом без засечек) "Almod pappier" (табл. II, фил. 12); разновидность из серии знаков, отмеченных на бумаге документов Литовского государства второй половины XVII – середины XVIII в.[39]

8. Л. 401–417; 506–510. См. опись ниже (ДК, I, знак 2).

9. Л. 475. См. опись ниже (ДК, II, знак 12).

10. Л. 563, 566. См. опись выше (М., II, знак 3).

Диариуши Генеральной войсковой канцелярии (далее – ДК) (1727–1731 гг.)[40]

Книга первая — (1727–1728 гг.).

1.Л.2 — сложный литерный вензель с латинскими инициалами JS (печатным шрифтом в обрамлении фигурных вариантов литер (табл. I, фил. 4).

2. Л.26, 29, 30 и др. — сюжетная композиция с надписью (литеры рукописные) "Alla mode pappier" (табл. II, фил. 16); рассматриваемый вариант в отличие от известных имеет традиционную литерную часть не только в основании рисунка, но и над ним (скорописью).

3. Л. 220–226; 252–343 — крест в гербовом картуше под короною (слева) и литерный вензель (печатным шрифтом) "JS", увенчанный в осноании листьями и цветком (лилии ?). См. табл. I, 3.

4. Л.227–234 — (левая половина листа) двуглавый орел с короной и (правая половина листа) литеры (прямые, печатным шрифтом) "CG" (табл. III, фил. 20).

5. Л. 245–250 — филигрань, обнаруженная на бумаге дневника Я.Марковича. См. опись выше (М., II, знак 3).

6. Л.353–355 — литера "W" (стилизация под печатный шрифт типа антиквы Филиппа Гранжана) под короной (табл. I, фил. 5), разновидность из серии филиграней, отмеченных в собрании водяных знаков по документам германского архива (см. 1655 г., 1692 г.)[41] Ср. также серии знаков в работе И.Каманина и А.Витвицкой (под 1660, 1685–1691 гг.)[42]

Книга вторая (1729–1731 гг.).

1.Л. 1–26; 140–151. См. опись выше (ДК, I, знак 3).

---

[39] *Лауцявичус Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Атлас. — Вильнюс, 1967. — С. 174, фил. 1–30.

[40] ЦНБ АН УССР. Отдел рукописей, коллекция А.М.Лазаревского (ф. 1, ед. хр. 53762–53763).

[41] The Nostitz Papers. — Tab. 138, fil. 703–704.

[42] *Каманін І., Вітвіцька О.* Вказ. праця. — С.112, фил.1048,1054–1055.

2. Л. 27–39; 152–160; 350–405 — филигрань, которая отражена на бумаге дневника Я.Марковича (опись выше — М., I, знак 3).

3. Л. 121–131 — фигура животного (льва ?) в гербовом картуше под короной, ниже, на щите — инициалы (прямые, печатным латинским шрифтом типа баскервилль) "PR" (табл. III, фил. 17).

4. Л. 132–139 — цветы — колокольчики (табл. III, фил. 17) ?

5. Л. 162–168, 434–565 — знак серии (надпись в основании на щите, игривой скорописью с плавными начертаниями букв) "Alla mode pappier" (табл. II, фил. 13).

6. Л. 172–175, 203, 229–245 — символическая человеческая фигура — "Егерь" (табл. III, фил. 23). Ср. один из вариантов этой композиции в альбоме Э.Лауцявичюса[43]; также более отдаленный в собрании чешского ученого Ф.Зумана[44]

7. Л. 178–193 — филигрань, отмеченная нами на бумаге дневника Я.Марковича (М., II, знак 1).

8. Л. 204–210, 585–645 — двуглавый орел с короной (табл. III, фил. 21), разновидность из серии знаков, засвидетельствованных на бумаге украинских документов второй половины XVII в. (ср. образцы под 1668–1670, 1690–1692 гг.)[45]

9. Л. 213–227 — (левая половина листа) латинские инициалы (полукурсивом) "JS" и (правая половина листа) двуглавый орел с короной (табл. III, фил. 22). Ср. близкий вариант (однако без литерного сопровождения) на бумаге украинских памятников конца XVII в. (под 1696 г.)[46]

10. Л. 334–349, 353–355, 422–431 — крест (слева) и (правая половина листа) знак, отмеченный на бумаге первой книги данной рукописи, а также в дневнике Я.Марковича (см. опись: М., I, знак 6) — табл. I, фил. 6.

11. Л. 407–421 (левая половина листа) — лилия в обрамлении полукурсивных фигурных литер "SB" и (правая половина листа) почтовый рожок на перевязи под короной (табл. I, фил. 8).

12. Л. 568–580 — литера "W" (стилизация под печатный шрифт типа французского бароккового-антиквы Филиппа Гранжана (в кольцеобразном картуше (табл. I, фил. 7) — знак, вероятно, вроцлавской бумаги[47]. Ср. также варианты на табл. I, фил. 5–6.

Суммируя наши наблюдения, следует подчеркнуть наличие живой связи, тесных контактов в области книжного дела русского и украинского народов, обусловленных не только усилением обмена культур-

---

[43] *Лауцявичюс Э.* Указ. соч. — Табл. 523, фил. 3864 (ср. также: № 3865–3871),
[44] *Zuman F.* Česke filigrany XVIII st., Čast II (obrazova). — Praha, 1932. — Tab. XV, fil. 698, 700–701.
[45] *Каманін І., Вітвіцька О.* Вказ. праця. — С. 80, фил. 698, 700–701.
[46] *Каманін І., Вітвіцька О.* Вказ. праця. — С. 92, фил. 840.
[47] Пор.: Maleczyńska K. Dzieje starego papiernictwa ślaskiego. — Wrocław–Warszawa–Kraków, 1961. — S. 174, fil. 24.

но-образовательных ценностей в духовной их жизни в XVIII в., но и постепенным складыванием единого экономического рынка России.

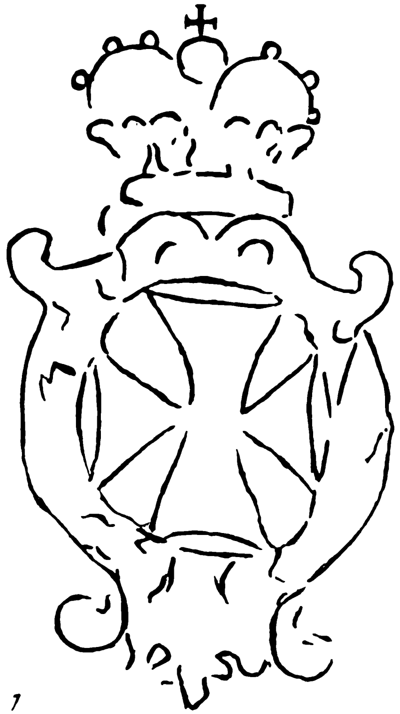
Внешнее выражение этих тенденций проявлялось в самых разнообразных формах. Заметные следы взаимовлияния находим в особенностях письма середины XVIII в.[48], в технике оформления многих официальных документов, в том числе рукописной книги, и даже в ассортименте используемой бумаги. Дальнейшее расширение русского бумажного производства оказало влияние на долю импортируемого сырья из стран Запада на Восток. Бумага, производимая в XVIII в. русскими фабрикантами (в частности, на предприятиях Гончарова, Масалова, Яковлева и др.), интенсивно проникала на Украину и заняла доминирующее место в актовых канцеляриях и в быту казацкой старшины. Однако филиграни на документах первой половины XVIII в. все еще разнообразны. Записи 20—30-х годов совершались фактически на сборной бумаге последнего десятилетия XVII в.: украинской, польской, германской (в ряде случаев генетически, возможно, и французской), отчасти голландской.

Особые трудности возникают при классификации знаков с числа некоторых поливариантных серий (типа "Postreiter" — "Почтальон", "A' la mode papier"), а также тех видов, которые представлены в известных собраниях незначительным количеством образцов (например, "Егерь"). При этом дистрибуция исходного варианта осложняется наличием довольно длительного периода в обращении некоторых видов импортной бумаги (ср. "крест в гербовом картуше под короной" — филигрань на украинском документе 1725 г., в то время как один из ранних ее вариантов датируется 1595 г.). Важно проследить в этой связи регулярность использования бумаги с данной филигранью на Украине. Как известно, отмечая высокое качество бумаги с филигранью "Почтальон" (предельную ее тонкость, большой формат и др.), А.А.Гераклитов объяснял этим (собственно, дороговизной) редкие случаи ее использования в России. "При этих условиях, — замечает он, — период существования филиграни на родине, несомненно, не совпадал с периодом обращения данной бумаги в Москве"[49] Несомненно, что только монографическое изучение отдельных типов знака в тесной связи с историей бумажных фабрик может создать предпосылки для надежного определения времени появления новых и выхода из употребления старых вариантов. Однако установить последовательность в изменении сюжетного рисунка филиграни, в линейной модификации знака, в том числе литерного вензеля, зачастую бывает невозможным без наличия исчерпывающего свода филиграней (особенно многосерийных). Чтобы ускорить его создание, следует активизировать работу по дальнейшему накоплению надежных сведений из отечественных источников.

---

48 Подробнее см.: *Горобець В.Й.* Український скоропис XVIII ст. // Мовознавство. — 1982. — № 2. — С. 61—66.

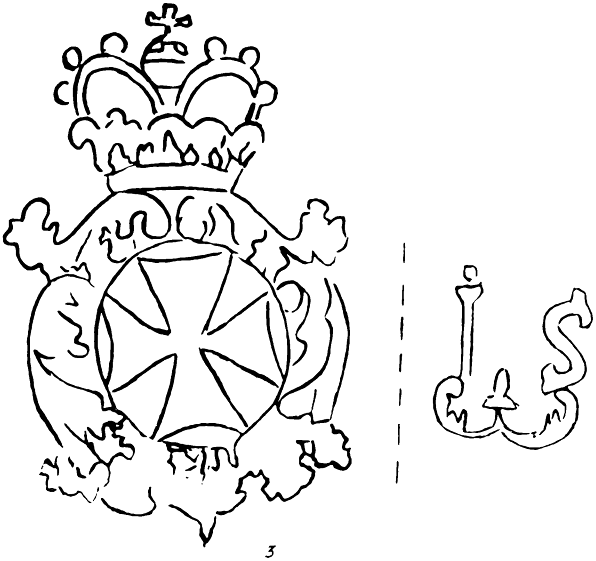
49 *Гераклитов А.А.* Филиграни XVII в. — М., 1963. — С. 25—26.

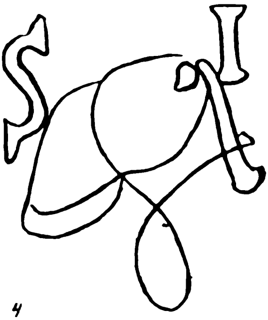
1

2

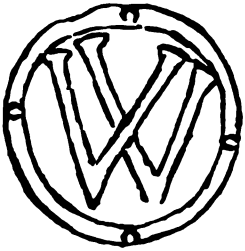
3

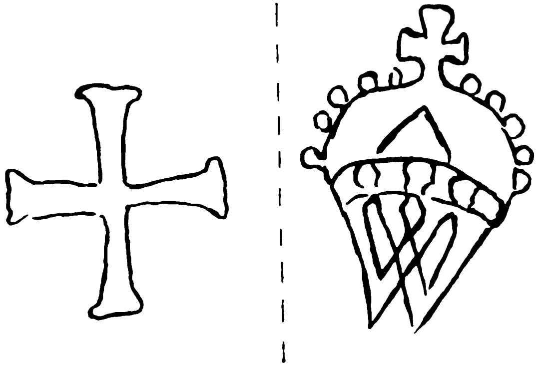
4

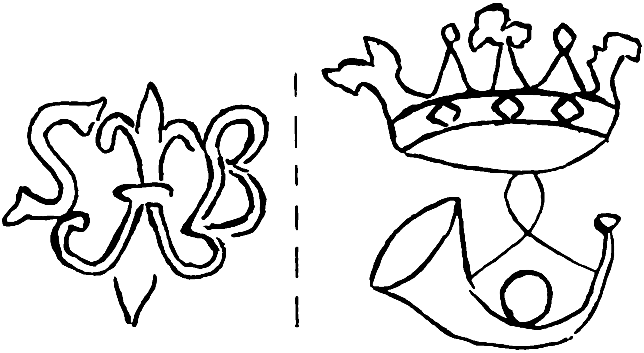
5

7

6

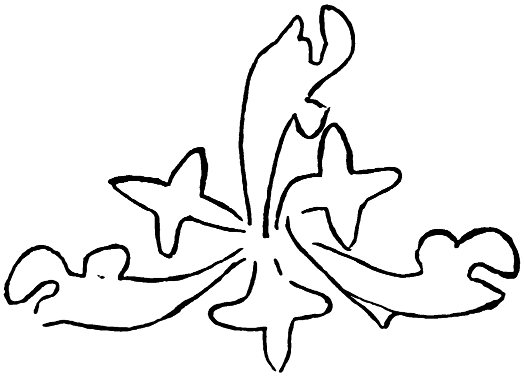
8

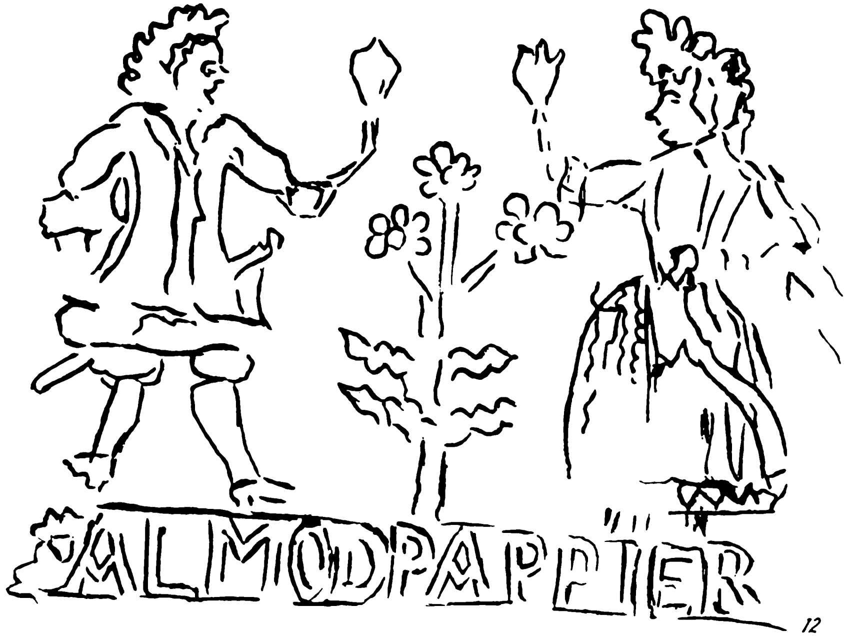
9

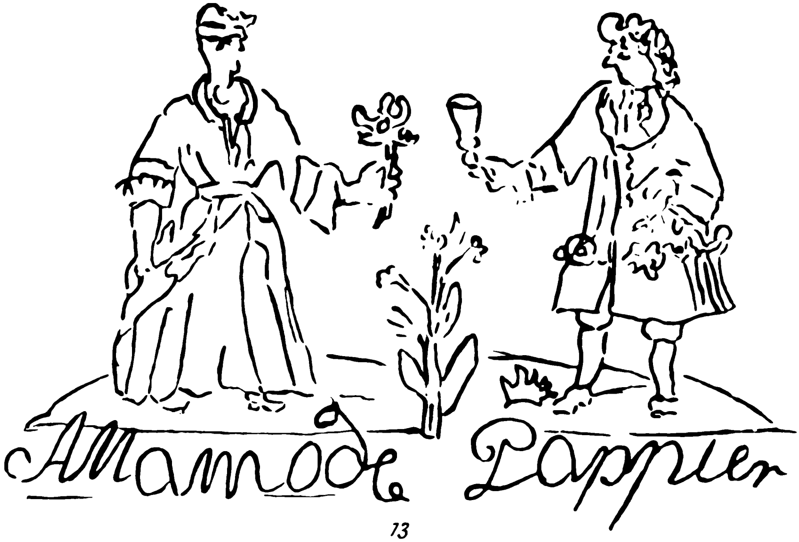
10

11

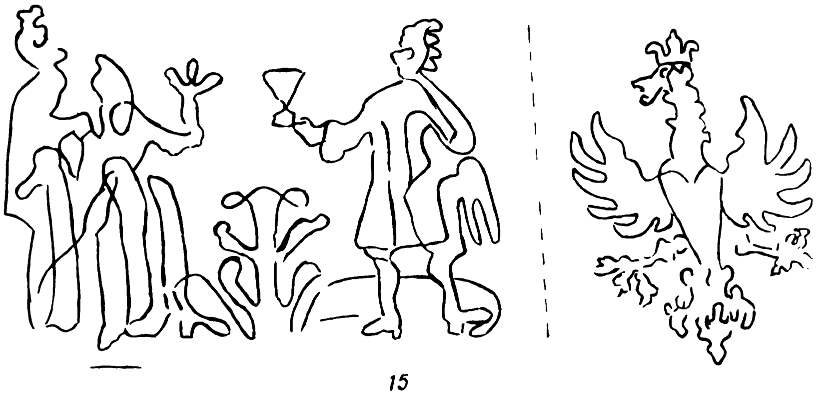

12

13

14

15

16

17

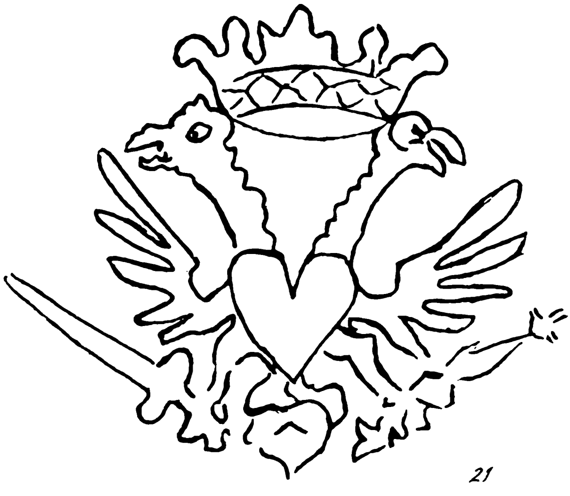
18

19

20

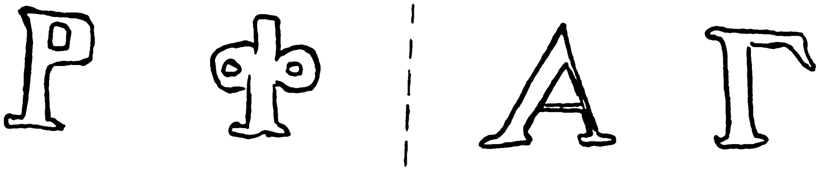
21

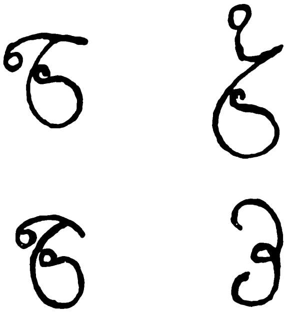

22

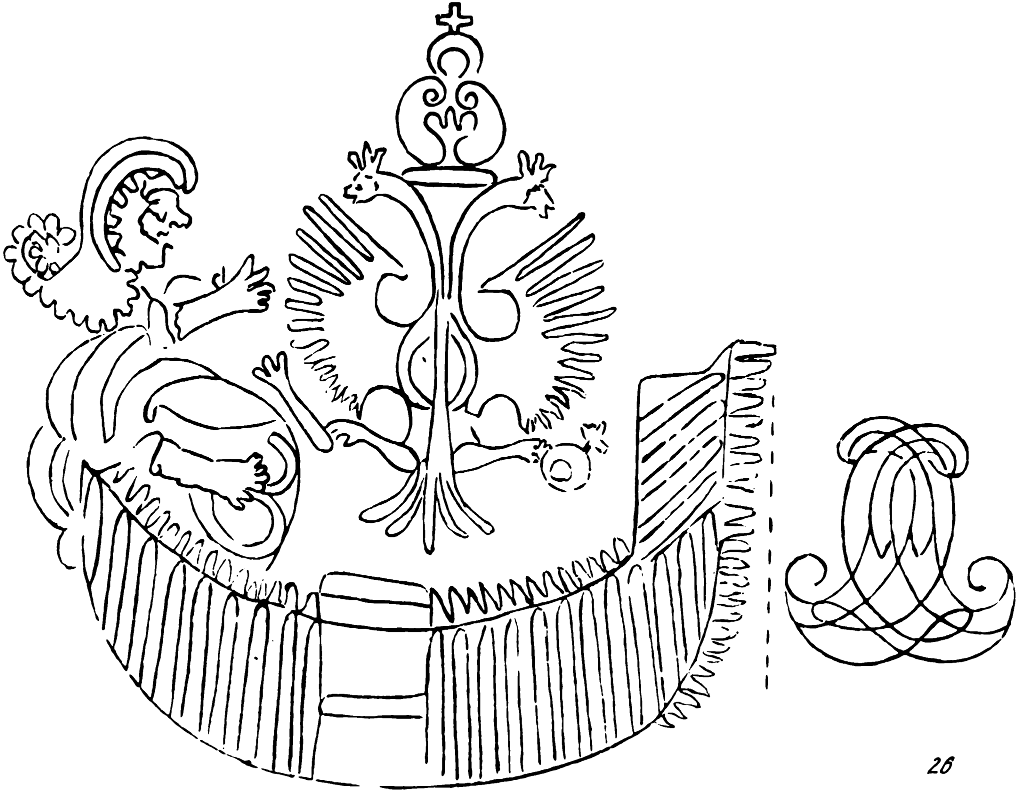
23

24

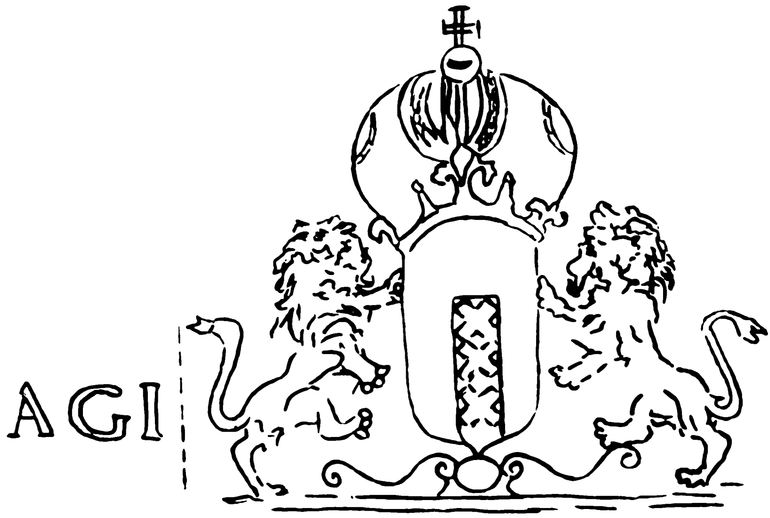
25

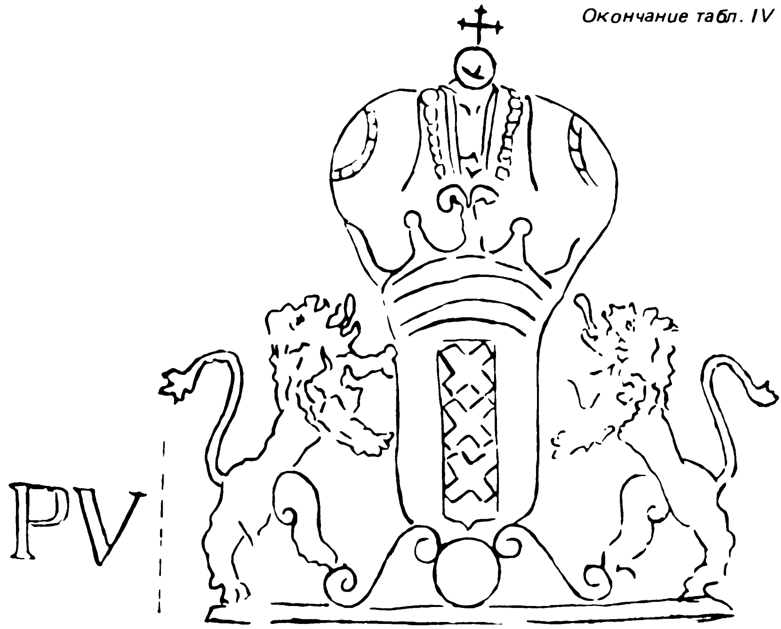
26

27

28

29

30

И.В.Левочкин

КИЕВСКИЕ КНИГОПИСНЫЕ МАСТЕРСКИЕ XI В. И ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 г.

Первые киевские книгописные мастерские, в которых создавались книги на древнерусском языке, появились, вероятно, еще в X в. Принятие христианства в 988 г. в качестве официальной религии требовало огромного количества книг, причем создавать эти книги нужно было в кратчайшие сроки. К сожалению, прямых сведений о создании книг в Киеве в период до 30-х годов XI в. в источниках не имеется, и первые точные данные есть лишь о великокняжеской книгописной мастерской Ярослава Мудрого. В "Повести временных лет" сообщается, что Ярослав "собра письцѣ многы и прекладаше от грекь на словѣньское писмо. И списаша книгы многы[1] Следует подчеркнуть, что Ярославом были собраны "письцѣ многы". Это означает, что они на Руси имелись и писали книги и до того, как их "собра" князь. Б.В.Сапунов справедливо отмечал высокий уровень древнерусских книг, что свидетельствовало об уже сложившихся традициях в области книжного дела[2]

Указание на многочисленность писцов в великокняжеской книгописной мастерской и высокий уровень, с которым выполнены древнейшие, сохранившиеся до наших дней книги, говорят о том, что в Киеве в XI в. было несколько книгописных центров. Дополнительным аргументом к сказанному может служить тот факт, что одна, даже весьма крупная книгописная мастерская великого князя, не могла обеспечить той острой потребности в книгах, которую испытывали Киев и его округа на первом этапе христианизации страны.

Одним из крупнейших центров по созданию книг в Киеве XI в. был, несомненно, Киево-Печерский монастырь. В Житии Феодосия Печерского о создании книг в этом монастыре сообщается как об обычном деле: "И многажды же великому Никону, сѣдящю и строашу книгы, блаженному (Феодосию. — *И.Л.*) вськрай его сѣдящу и прядущу вервие, еже на потрѣбу таковому дѣлу"[3]. В создании книг в этом монастыре принимали участие не только Никон и Феодосий, но и другие монахи, например Иларион, который "бѣаше бо книгамь хитрь писати, и се по вся дни и ноши писаше книгы в кѣлiи блаженного Феодосiа"[4]. Напомним, что во время игуменства Феодосия в Киево-Печерском монастыре насчитывалось до ста человек монахов, среди которых были не только известные книжники, но и такие художники, как, напри-

1 Повесть временных лет / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.— Ч. 1. — С. 102.
2 *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. — Л., 1978. — С. 145.
3 Патерик Киево-Печерского монастыря. — Спб., 1911. — С. 33—34.
4 Там же. — С. 36.

мер, Алимпий, который "добре извыкь хитрости иконнѣй, иконы писати хитр бѣ зѣло"[5] Не исключено, что Алимпий и его ученики принимали участие в создании лицевых (иллюстрированных) рукописей

В киевских книгописных мастерских XI в. было, вероятно, написано огромное количество книг, однако до нашего времени сохранились лишь единицы. Стихийные бедствия, татаро-монгольские разорения, феодальные усобицы — все это события, в результате которых погибла основная масса древнерусских книг. Сохранились лишь те, созданные в Киеве и в других городах, которые почитались как святыни. Мы не знаем судеб этих книг, но можно с уверенностью говорить о том, что их спасение стоило больших усилий, мужества и, может быть, самих жизней их хранителей. Сохранившиеся древнерусские книги имеют непреходящее значение для современной науки и культуры. Это широко известные Остромирово евангелие 1056—57 гг., Пандекты Антиоха, Чудовская псалтырь[6] и др. К числу таких книг относится и Изборник Святослава 1073 г., который в настоящее время хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве.

Изборнику Святослава посвящено много исследований[7] Установлено, что протографом этой книги была болгарская рукопись времени царя Симеона, которая, в свою очередь, являлась списком с древнейшего славянского перевода византийского кодекса IX в.[8] По справедливому определению Б.А.Рыбакова, Изборник представляет собой "монументальную хрестоматию"[9] В книге имеются сведения по философии, христианскому богословию, истории, географии, астрономии, многим другим отраслям средневекового знания. В Изборнике немало древнегреческих, античных реминисценций. В целом Изборник Святослава является одним из ценнейших источников по истории культуры и общественно-политической мысли Древней Руси. Вместе с тем этот памятник изучен еще явно недостаточно. Так, требует своего разрешения вопрос о том, в какой книгописной мастерской был создан Изборник. Именно этому, весьма не простому и достаточно важному вопросу и посвящена настоящая статья.

---

5 Там же. — С. 121.

6 Пандекты Антиоха (ГИМ, ОР, Воскр. 30) и Чудовская псалтырь (ГИМ, ОР, Чуд. 7) были, вероятно, созданы в великокняжеской книгописной мастерской в конце 40-х годов XI в.

7 См.: *Левочкин И.В.* Изборник Святослава (Симеона) в русской дореволюционной и советской науке (1817—1982 гг.) // Старобълг. литература. — 1984. — Кн. 16. — С. 33—40.

8 *Левочкин И.В.* "Отеческие книги" и Изборник Святослава 1073 г. // Сов. славяноведение. — 1985. — № 6. — С. 76—80.

9 *Рыбаков Б.А.* "Оже ти собь не любо, то того и другу не твори" // Из истории культуры Древней Руси Исследования и заметки. — М., 1984. — С. 65.

В работе, которая открывает "Научный аппарат" факсимильного издания Изборника Святослава, было высказано предположение, что Изборник подготовили для князя ученые монахи Киево-Печерского монастыря[10] Однако соответствующей аргументации приведено не было. Можно ли вообще доказать, в какой именно книгописной мастерской был создан Изборник Святослава ? Думается, что это вполне возможно, причем основную информацию дает сама рукопись 1073 г., ее палеографический и кодикологический анализ.

Письмо Изборника характеризуется противоречивыми признаками. В целом оно весьма четкое и даже красивое, но одновременно и достаточно "вольное". Если в начале рукописи (первые десять листов) буквы выписаны тщательно, то в дальнейшем уже наблюдается некоторая небрежность: наклоны мачт, отсутствие строгости линий и петель, различие в высоте соседних букв. В письме имеются довольно многочисленные ошибки, которые, по словам А.В.Горского и К.И.Невоструева, "не делают чести" писцам[11] Так, только на одном листе 10об. имеется пять ошибок, исправленных самими писцами.

Особый интерес вызывают инициалы Изборника. Переписывая текст, писцы оставляли для инициалов соответствующие места. Так, на л.160 оставлено место для инициала В, который своими петлями должен был "войти" в участок текста высотой в пять строк. То же самое наблюдается на л. 167, 168об. и на некоторых других. Но оставленные для предполагавшихся инициалов места остались фактически не занятыми; здесь были написаны геометрические инициалы высотой лишь в три строки. На некоторых листах в конце рукописи сохранилась грубая разметка больших инициалов, но она так и осталась неиспользованной; написанные здесь инициалы — обычные, как и в первой части Изборника.

Своеобразна и разлиновка листов пергамена Изборника. Если на строку текста положить линейку, то окажется, что она либо "провисает", либо "дает горку" В других случаях линии строк оказываются не параллельными. Создается впечатление, что разлиновка листов пергамена выполнена без достаточной тщательности и строгости.

Выделка и качество пергамена рукописи неодинаковы. Пергамен разный по толщине и достоинствам. Из 266 листов 40 имеют самые разнообразные дефекты: зашитые и не зашитые дыры и естественные неровности кожи, которые сохранены при раскройке. На некоторых листах имеется одновременно по несколько дефектов, подчас весьма грубых. Наиболее грубые дефекты на листах 42, 85, 102, 105, 164, 175, 181,

---

[10] См.: *Левочкин И.В.* Изборник Святослава 1073 г — памятник древнерусской культуры // Изборник Святослава 1073 г Научный аппарат факсимильного издания. — М., 1983. — С. 13.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1859. — Отд.2,ч.2. — С.405.

223, 250 и 261. Здесь большие сшивки, дыры и даже одна большая заплата, поверх которой написан подлинный текст.

В систему украшений Изборника входят миниатюра с изображением семьи князя Святослава, изображение Спаса, четыре архитектурных фронтисписа, две заставки, два больших красочных инициала, три концовки, художественно выполненная рамка с текстом "Похвалы" князю Святославу и несколько маргинальных рисунков. На миниатюре "семья Святослава" изображены лица лишь четырех из пяти обозначенных именами сыновей князя, хотя шапок княжичей нарисовано пять. Важно отметить, что надписи, помещенные в верхних частях миниатюр (семьи Святослава и Спаса), ограничены значками разных видов: первая крестиками, состоящими из точек, вторая — своеобразными звездочками. Ограничение строк текста точечными крестиками встречается и в других местах книги, но "звездочки" имеются лишь на миниатюре с изображением Спаса. Сами надписи также имеют различия. Над миниатюрой "семья Святослава" она написана более мелкими по сравнению с надписью над "Спасом" буквами. При этом на надписи первой миниатюры сохранилось золото, на второй его нет.

В свое время был сделан вывод, что архитектурные фронтисписы Изборника делят книгу "на две большие части, согласно смыслу и характеру текста"[12] Это не соответствует действительности. Вторая пара фронтисписов (л. 128) действительно помещена примерно в середине рукописи, но никакого отношения к делению книги "по смыслу" она не имеет. Если первая пара фронтисписов помещена непосредственно перед началом текста Изборника, то вторая, вместе со второй заставкой, разрывает на части 20-й вопрос-ответ Анастасия Синаита, не считаясь с его единством смысла и цели.

Рукопись Изборника Святослава 1073 г, сохранилась неполностью. В ней утрачены не менее 14 листов текста и оглавление первой части. Очень важно подчеркнуть, что на л.263об. и 264 имеются участки текста, написанного по подскобленному пергамену[13]

Краткие выводы, сделанные на основе палеографического и кодикологического анализа рукописи Изборника Святослава 1073 г., позволяют говорить, что Изборник был создан не в великокняжеской книгописной мастерской. В самом деле, в великокняжеской книгописной мастерской, которая к началу 70-х годов XI в. имела большой опыт в создании разнообразных книг, вряд ли были возможны довольно многочисленные погрешности писцов. Кроме того, в великокняжеской книгописной мастерской вряд ли использовался для создания столь

---

12 См.: Подобедова О.И. Изборник Святослава 1073 г. как тип книги // Изборник Святослава 1073 г. — М., 1977. — С. 37.

13 ГИМ, ОР. Акт исследования Изборника Святослава 1073 г. (Син. 31—д/80370) в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР, Ленинград, 30 июня 1979 г. (Приложение к паспорту реставрации Изборника Святослава В НИИР Министерства культуры СССР)

значительное по содержанию книги такого невысокого качества пергамен. Наконец, вряд ли было возможным создание в великокняжеском книгописном центре миниатюры с изображением семьи великого князя Святослава, на которой вместо пяти сыновей князя изображены лица четырех, а пятый обозначен лишь одинаковой с братьями шапкой.

Однако, принимая этот вывод, теоретически можно полагать, что во-первых, Изборник мог быть создан только в достаточно развитой книгописной мастерской, а, во-вторых, готовить книгу для великого князя практически мог лишь очень влиятельный центр духовной жизни. Именно таким центром и являлся тогда тесно связанный с великими князьями (Изяславом, а затем и Святославом) Киево-Печерский монастырь. Игумен монастыря Феодосий был активным церковным и политическим деятелем. Его выступления против латинизма и иудаизма были хорошо известны. Но в борьбе в защиту христианства Феодосий, несомненно, нуждался в поддержке великокняжеской власти. В его посланиях князю Изяславу звучит настойчивый призыв к укреплению христианской веры[14] Необходимо отметить, что с 1089 г. в Киево-Печерском монастыре игуменом был Иоанн[15] Думается, что это тот самый Иоанн, который в 1073 г. участвовал в создании Изборника.

Изборник 1073 г. первоначально готовился не для князя Святослава Ярославовича. Известно, что захват Киевского великого княжения Святославом в марте 1073 г. был неодобрительно встречен Феодосием. Лишь постепенно отношения Феодосия и Святослава стали налаживаться. Но за тот срок, когда Феодосий стал считать Святослава великим князем (конец 1073 г.), такую книгу, как Изборник, создать было невозможно. Не предназначался Изборник первоначально и для князя Изяслава. Об этом убедительно говорит тот факт, что слова "великому князю" (в приписке писца) и "князѣхь князь" (в "Похвале") на л. 263об. написаны по подскобленному пергамену, на что указывал еще Н.М.Каринский[16] Если бы с самого начала книга готовилась для князя Изяслава, то эти слова соскабливать было бы не нужно. Вероятно, книга первоначально готовилась в Киево-Печерском монастыре для собственной библиотеки.

А.Л.Дювернуа не без основания полагал, что протографом Изборника была рукопись, написанная глаголицей[17] Но глаголица на Руси

---

[14] См.: *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. — 1947. — Т. 5. — С. 168—184.

[15] Повесть временных лет. — С. 137.

[16] *Каринский Н.М.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. — Л., 1925. — С. 11.

[17] См.: ЧОИДР. —М., 1883. — Кн. 4. — С. 7.

второй половины XI в. была письмом прошлого. Отсюда вполне понятно желание книжников Киево-Печерского монастыря иметь в своей библиотеке Изборник, написанный кириллическим письмом. Кроме того, болгарская глаголическая рукопись, с которой был переписан Изборник, к началу 70-х годов XI в. была, вероятно, весьма ветхой.

К тому времени, когда игумен Феодосий и князь Святослав сблизились настолько, что стали возможны их взаимные визиты друг к другу и когда было решено вручить Изборник великому князю (в расчете на поддержку в борьбе за утвреждение христианства и в благодарность за пожертвования монастырю), книга выглядела несколько иначе, чем сейчас. В ней, очевидно, не было миниатюры с изображением семьи Святослава. Г.З.Быкова, под руководством которой в 1978–1981 гг. была осуществлена реставрация Изборника, считает, что эта миниатюра в книге появилась "через некоторый отрезок времени" (после завершения работы над рукописью. – *И.Л.*) и крепилась на фальце[18] Иначе была расположена и "Похвала" в начале Изборника. В настоящее время ее основной текст расположен на обороте миниатюры с изображением Спаса, а окончание (ограниченное своеобразными звездочками) – на лицевой. Мнение, что такое расположение "Похвалы" объясняется ошибкой писца, который якобы не расчитал количества строк[19], следует считать ошибочным. Здесь нет возможности реконструировать первоначальное расположение "Похвалы" – эта задача специального исследования, но необходимо отметить, что современное ее расположение связано с появлением в книге миниатюры "семья Святослава"

К тому моменту, когда Изборник было решено посвятить князю Святославу, иначе читались и тексты начал "Похвалы" и приписки писца на л.263об. Что касается первых двух строк "Похвалы", то здесь первоначально было написано обращение к царю Симеону[20] Сложнее обстоит дело с тремя последними строками приписки писца. Здесь соскабливание было проведено так, что методами палеогеографии первоначальный текст нельзя реконструировать даже приблизительно. Можно лишь предполагать, что на этом участке первоначально были написаны имена писца и того, кому посвящалась рукопись (протограф Изборника Святослава), т.е. имена болгар X в.

---

[18] *Быкова Г.З.* Технико-технологические особенности рукописи Изборника 1073г.// Древнерусское искусство : Рукописная книга. – М., 1983. – З.– 104.

[19] *Подобедова О.И.* Указ. соч. – С. 37; *Львов А.С.* Исследование Похвалы князю Святославу и царю Симеону // История русского языка Исследования и тексты. – М., 1982. – С. 165.

[20] См.: *Левочкин И.В.* Изборник Святослава 1073 г. и его славянский протограф // Старобьлг. литература. – 1981. – Кн. 8. – С. 46–49.

Изборник Святослава 1073 г. — выдающийся памятник древнерусской культуры. Его содержание сыграло важную роль в развитии многих отраслей знания на Руси. Большое научное значение имеет и система украшения Изборника, о части которой известный русский ученый Н.П.Кондаков писал, что она "... представляет в своем роде оригинальный пошиб византийского стиля, который мы должны назвать киевским или южно-русским. Краски здесь отличаются замечательной чистотой и прозрачностью, причем, прежде всего они взяты и превосходно скомпанованы в своеобразных легких полутонах"[21]

В настоящее время известно более двадцати списков Изборника, которые относятся к XV—XVII вв. Кроме того, известно значительное количество различных сборников, которые содержат общие с Изборником Святослава статьи[22] Имеются такие сборники и в фондах ЦНБ АН УССР. Изборник 1073 г., его списки и сборники, в которых содержатся общие с Изборником статьи, требуют своего дальнейшего изучения.

---

[21] *Кондаков Н.П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.— Спб, 1906. — С. 119.

[22] См.: *Левочкин И.В.* Изборник Святослава и русские сборники XV—XVII вв.// ТОДРЛ. — 1985. — Т. 40. — С. 373—378.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР — Археологическая летопись Южной России (Киев)
АУМ — Атлас української мови
Б.ч. — большей частью
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
Вар. — вариант
Воскр. собр. — Воскресенское собрание
ВУАН — Всеукраинская Академия наук
ВУКОПИС — Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины
Гераклитов — Гераклитов А.А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. — М. Изд-во АН СССР, 1963
ГБЛ — Государственная библиотека им. В.И.Ленина (Москва)
ГИМ ОР — Государственный исторический музей, отдел рукописей (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
Дворецкая — Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) — Новосибирск: Наука, 1984.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН УССР (Ленинград)
КДА — Киевская духовная академия
Клепиков — Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. — М. : Изд-во АН СССР, 1959.
Кунцевич — Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. — Спб., 1905.
Лауцявичус — Laucevičius E. Popierus Lietuvoje XV—XVIII a. — Vilnius, 1967
Лебедев — Лебедев А. Рукописи Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. — Саратов, 1916. — Т. 1
Моисеева Г.Н. — Моисеева Г.Н., составитель. Казанская история. — М., Л. Изд-во АН СССР, 1953.
муз. — Музейное собрание
нач. — начато
НЗабЛ — Новгородская Забелинская летопись
НЗЛ — Новгородская III летопись
НИИР — Научно-исследовательский институт реставрации (Москва)

ОИДР – Общество истории и древностей Российских

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности

оп. – описано

подоб. – подобные

Петров – Петров Н.И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. – М., 1891. – Вып. 1–3

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Рум. – Румянцевский список

Сол. собр. – Соловецкое собрание

стб. – столбец

сх. – сходные

Тек. пост. – текущие поступления

тожд. – тождественные

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (М.; Л.)

Фил. – филиграни

Хивуд – Heawood E. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries. – Hilversum, 1950

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Черчилль – Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII-th and XVIII-th centuries and their interconnection. – Amsterdam, 1935

ЧОИДР – Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РУКОПИСНЫЕ ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. В.И.Вернадского АН УССР

Сборник научных трудов

Художник обложки *Н.И.Казакова*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Л.Н.Муравцева*
Оператор *Л.И.Прокопчук*
Корректоры *Е.С.Коваль, А.Ф.Коровниченко*

ИБ № 9997

Сдано в набор 10.12.88. Подп. в печ. 26.06.89. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Универс. Офс. печ. Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 7,67. Уч.-изд. л. 9,06. Тираж 500 экз. Заказ 9-538. Цена 1 р. 90 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

1 р. 90 к.

наукова думка